

1 $\frac{05 - 29}{62}$

В. М. Ахмедов

СИРИЯ

при Башаре Асаде

Региональный
опыт модернизации
в условиях внешней
нестабильности

**РАССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ**

В. М. АХМЕДОВ

**СИРИЯ ПРИ БАШАРЕ АСАДЕ.
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ВНЕШНЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.**

МОСКВА ИВ РАН

2005

**INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
MOSKOW STATE INSTITUTE OF INTERNATIONAL RELATIONS (MGIMO-University)
MINISTRY FOR FOREIGN AFFAIRS OF RUSSIAN FEDERATION**

VLADIMIR AKHMEDOV

**SYRIA UNDER BASHAR AL-ASAD.
REGIONAL EXPERIENCE OF MODERNISATION UNDER THE
CONDITIONS OF EXTERNAL INSTABILITY.**

MOSKOW 2005

МОИМ ДОРОГИМ И ЛЮБИМЫМ НАТАШЕ, ЮРАШЕ И САШЕ

ББК 66/2(07)(5Ср)

А 95

А 95 Ахмедов В.М.

Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности.

М.: Институт востоковедения РАН, 2005. – 195 с.

ISBN 5-89282-257-5

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой попытку комплексного исследования основных проблем и определения перспектив социально-политического и экономического развития Сирии в условиях новой президентской власти Б. Асада на материале сирийской действительности. Решая поставленную задачу, автор опирался на достигнутый уровень научного осмысления исторического процесса в Сирии и общих закономерностей современного развития арабских стран. Особо стоит отметить многие интересные и оригинальные материалы, собранные автором в период его работы в САР и командировок на Ближний Восток 1990-х – 2004-х г.г. Большую пользу принесли многочисленные личные беседы с представителями разнообразных профессиональных и общественно-политических групп арабского, в том числе сирийского населения.

ББК 66/2(07)(5Ср)

ISBN 5-89282-257-5

© Институт востоковедения РАН, 2005

© В. М. Ахмедов, 2005

Введение	6-14
ГЛАВА I. Сирийское решение проблемы смены власти на Арабском Востоке	14-36
1. Кто вы доктор Башар?	18-26
2. Сирийское решение вопроса о преемственности власти	26-36
ГЛАВА II. Политическое наследство Хафеза Асада.....	36-63
1. Структура и характер власти. Роль личности Х. Асада	37-47
2. Основы стабильности режима	48-63
ГЛАВА III Президентская власть Башара Асада. Сирийский опыт модернизации на Арабском Востоке.....	63-168
1. Идеология перемен. Борьба за выбор пути развития	65-76
2. Модернизация и проблема стабильности власти. Пределы реформ.....	76-115
3. Эволюция военно-политической элиты и проблема смены властных поколений в САР.	115-131
4. Влияние внешнего фактора. Приоритеты внешней политики: региональный и глобальный аспекты	131-174
Заключение	175
Примечания	180
Table of Contents.....	185
Summary	187
About the author	188

ВВЕДЕНИЕ.

Складывающаяся сегодня на Ближнем Востоке политическая ситуация отличается значительной подвижностью, многоуровневой комплексностью и слабой предсказуемостью развития дальнейших событий. Развитие ситуации в регионе, в том числе и в сфере внутренних демократических преобразований в каждой из стран Ближнего Востока, во многом определяется арабо-израильским противостоянием, сердцевинной которого служит палестино-израильский конфликт, что определяет сложность его разрешения и периодическое перерастание в «горячую» фазу. Несмотря на достигнутые в феврале 2005 г. в Шарм аш-Шейхе палестино-израильские договоренности, текущая ситуация остается крайне напряженной как для палестинцев, так и израильтян. Сегодня, как и в 1948 г. решение палестино-израильского конфликта во многом зависит от позиции международного сообщества, его готовности довести до практической реализации соответствующие резолюции ООН, прежде всего по плану «дорожная карта». План «дорожная карта» признан подавляющим числом членов международного сообщества единственным в настоящих условиях действенным политическим инструментом, способным обеспечить продвижение к миру. Реализация «дорожной карты» предполагает, прежде всего, активные скоординированные действия участников «квартета», с тем, чтобы он мог согласованно влиять на противоборствующие стороны. Россия выступает за скорейшее возобновление движения к миру на основе «дорожной карты» ближневосточного урегулирования. «Четверка» в составе России, США, ЕС и ООН остается оптимальным инструментом международного содействия урегулированию. «Дорожная карта» - это единственная программа действий, принятая руководством Израиля и ПНА. Россия поддерживает намерение израильского руководства начать отход с палестинских земель. Однако, это должно быть естественно вписано в контекст реализации «дорожной карты» и подкреплено дальнейшими шагами по ее имплементации.

Одновременно важно, чтобы никакие односторонние действия не предопределяли параметры окончательного статуса, которые предстоит найти в ходе двусторонних переговоров в соответствии с имеющимися на этот счет международно-правовыми решениями и принципами. Плотная координация действий посредников в рамках этого механизма позволяет выработать согласованные подходы к путям стабилизации обстановки вокруг палестинских территорий и возвращения сторон конфликта за стол переговоров. Россия выступает в пользу всеобъемлющего арабо-израильского урегулирования, которое предполагает необходимость продвижения на сирийском и ливанском направлениях мирного переговорного процесса.

С другой стороны, нерешенность проблемы Ирака затрудняет координацию действий международных посредников по урегулированию палестино-израильского конфликта и осложняет общую ситуацию в регионе. Прошедшие в январе 2005 г. парламентские выборы в Ираке и первые мероприятия нового иракского руководства пока не принесли желаемых результатов. Не удалось решить основной задачи – создание широкой социальной базы поддержки местной власти в Багдаде. Прежний раскол в иракском обществе углубляется, а основные политические силы Ирака поляризуются по этно-конфессиональному признаку. В тоже время, стабилизация положения в Ираке и начало процесса осуществления там подлинно демократических преобразований были бы способны придать дополнительный импульс и ходу реформ на Ближнем Востоке.

Сегодня процессы изменений на Ближнем Востоке приняли необратимый внутренний характер. Сам регион Ближнего Востока и составляющие его государства превратились из объекта в субъект международных отношений и оказывают все возрастающее влияние на общую ситуацию в мире, во многом определяя взаимоотношения США и Европы в начале XXI века. Однако, в условиях сохраняющегося арабо-израильского противостояния, ускоренное развитие арабских демократий может оказаться контрпродуктивным. В странах с проблемной экономикой и жесткой

государственной цензурой новые «скороспелые» демократические власти могут подвергнуться соблазну обеспечить устойчивость своей власти за счет активной внешней политики с преобладающим силовым элементом. И как следствие занять более агрессивную позицию по отношению к Израилю под знаменем арабского неонационализма. В тоже время 25 лет мира с Израилем не смогли обеспечить заметного развития демократии в Египте и полностью снять опасения Израиля за свою безопасность. Очевидно, истина лежит где-то посредине. Взвешенная, поэтапная программа реформ, прежде всего социальных и экономических, применяемая с учетом местных традиций и обычаев, особенностей национальной психологии, в тесной увязке с острыми политическими проблемами региона, могла бы дать позитивные результаты. Подлинными арабскими демократии уделяли бы больше внимания палестинской проблеме, были бы больше заинтересованы в ее мирном разрешении, активнее боролись с экстремизмом и терроризмом. С другой стороны, в последнее время все настойчивее становятся требования представителей, так называемого, «политического ислама» легализовать и расширить свое участие в политической жизни арабских стран. Ряд идеологов этого движения (Кардави, Р. Гануши) и организаций исламистского характера типа «братьев-мусульман» выступают за создание «исламского демократического государства» и поддерживают принцип проведения свободных парламентских выборов и демократизации процедуры смены власти в арабских странах. В тоже время, опасность легального участия представителей исламского движения в политической жизни арабских стран не так велика, как ее представляют. Пример Иордании показывает, что совершенствование избирательной системы способно отсеять радикальные элементы от властных институтов. Опыт Турции и Кувейта свидетельствует, что участие представителей исламских движений в работе демократических политических институтов, борьба за избирателя неизбежно ведет к снижению степени их радикализма и экстремизма. И, наоборот, отсутствие подлинно демократических преобразований в различных сферах

жизнедеятельности ближневосточных государств консервирует традиционный «конфликтный потенциал» региона и генерирует на его основе новый «пакет» проблем. Для России очевидна необходимость углубления социально-экономических преобразований в регионе, демократизации и модернизации существующих государственных и политических институтов на Ближнем Востоке. Россия поддержала в целом соответствующие резолюции саммита «восьмерки» в Си-Айланде и декабрьского 2004 г форума в Рабате. Однако, данный процесс должен идти изнутри и осуществляться с учетом интересов ближневосточных государств, их национальных традиций, обычаев и нравов и сопровождаться разблокированием мирного ближневосточного процесса и усилением международной борьбы с терроризмом. Россия готова принять активное участие в этом процессе с учетом ее государственных интересов на Ближнем Востоке, а также в регионе Средней Азии и Закавказья.

Недавняя реформа кабинета министров в Египте, первые в истории страны муниципальные выборы в Саудовской Аравии, экономический «инфитак» в Ливии свидетельствуют, что арабские лидеры в массе своей осознают объективную необходимость осуществления политических и экономических реформ, хотя бы с точки зрения сохранения своей власти, обеспечения ее преемственности и поддержания стабильности режима. Тем более что новое тысячелетие характеризуется глобализацией и интернационализацией общественного развития, ускорением основных экономических, социальных и политических процессов. Усиливающаяся взаимозависимость различных государств и регионов мира подталкивает различные группы стран, в том числе и арабские, к поиску современных моделей развития, невозможных без модернизации экономических и политических структур. В тоже время сохраняется специфика, самобытность и многовариантность путей их развития.

В этой связи особый интерес вызывает изучение этих процессов на Арабском Востоке, в большинстве государств которого уже в 1970-1980-е годы начались, как

правило, контролируемые «сверху» процессы экономической либерализации и демократизации общественной жизни. В результате волевые методы правления и меры силового администрирования стали все больше входить в противоречие с комплексными проблемами общественно-экономического развития, расширяющимися международными экономическими связями. С другой стороны, процессы либерализации и демократизации в этих странах носили затяжной характер и не всегда отличались последовательностью. Вставая на путь политической модернизации, восточное общество сталкивается с определенными трудностями, обусловленными как комплексом традиционных ценностей и особенностями своего исторического развития, так и целым спектром сложных современных проблем. Процесс политической модернизации на Ближнем Востоке неизбежно носит многообразный, сложный и противоречивый характер, а в ряде случаев приобретает особую остроту, что затрудняет проведение подлинно демократических преобразований, способных изменить сложившуюся в обществе авторитарную практику. Армия и силы госбезопасности продолжают осуществлять контроль над развитием основных внутривнутриполитических процессов в стране с целью сохранения правящих режимов и поддержания политической стабильности в государстве, являясь одной из важных составляющих политической власти.

Общие закономерности и региональные особенности, в той или иной степени характерные для всех арабских стран, проявляются и в Сирии, которая по праву имеет сегодня статус региональной державы на Арабском Востоке, оказывая все возрастающее влияние на ход важнейших процессов военно-политического характера в регионе. С приходом к власти в САР Хафеза Асада и началом в 1970 г. «исправительного движения» в стране стали происходить процессы социально-экономической либерализации. Сменивший Х. Асада после его кончины в июне 2000 г. новый сирийский президент Башар Асад, продолжил начатые его отцом реформы и приступил к демократическим преобразованиям в Сирии. В тоже время в отличие от прежней власти, сегодняшнее

политическое руководство САР отдает явный приоритет в руководстве страной решению задач экономических преобразований с целью создания условий для последующей политической демократизации. Однако, анализ развития политической ситуации в Сирии позволяет предположить, что смена власти в САР вряд ли приведет к быстрому и радикальному разрыву с прошлым и вызовет уже в ближайшем будущем демонтаж прежней политической системы. Данная оценка в целом справедлива в отношении проблемы формирования новой правящей сирийской элиты. Стремясь удержаться у власти, Б. Асаду приходится считаться с действием внутрисистемных факторов и одновременно реагировать на развитие текущих событий. Новое политическое руководство вынуждено выстраивать политику таким образом, чтобы она не противоречила по основным параметрам прежним государственным установкам. Процесс развития Сирии определяется сегодня следующими базовыми факторами. Вис зависимости от природы власти в САР, ее руководство вынуждено заботиться о сохранении национальных ресурсов с тем, чтобы обеспечивать растущие потребности общества в условиях низких темпов экономического развития и высоких показателей прироста населения. Необходимо также поддерживать действующую политическую систему хотя бы с точки зрения возможности ее лидеров распределять национальное богатство. Немалую роль в определении путей развития современной Сирии играет фактор смены поколений. С одной стороны, правившее три последних десятилетия поколение руководителей меняется. С другой, в основе происходящей в сегодняшней Сирии борьбы за выбор пути развития лежит именно проблема смены правящих элит. Важную роль играют также геополитические изменения в регионе Ближнего Востока. Первые годы правления Б. Асада совпали с глубокими изменениями в региональной политике, вызванными замораживанием процесса мирного урегулирования арабско-израильского конфликта и войной в Ираке. Это оказало серьезное воздействие на выработку ключевых направлений внешней политики Сирии и определение основных

параметров концепции национальной безопасности, в основе которых, начиная с 1967 г. лежали отношение к Израилю и арабо-израильскому конфликту, вообще и проблеме возвращения утраченных территорий, в частности. Наряду с этим в определении курса государства в сфере внешней политики и безопасности всегда учитывались основные политико-экономические параметры региональной политики САР. А именно: внешнеэкономические связи со странами региона и финансовая помощь ближневосточных стран-нефтеэкспортеров, поступление которой в значительной мере определялось политическим курсом и позицией Сирии по основным проблемам региона.

Сирия действительно играет активную роль в ближневосточных делах, но не может полностью контролировать процесс развития важнейших событий в регионе. Поэтому региональная ситуация и отношения с соседними странами серьезно влияют на развитие внутренних процессов в стране. Однако, в отличие от Х. Асада, уделявшего много внимания и сил региональной политике и не только в деле мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, Б. Асад после прихода к власти дал ясно понять, что все его краткосрочные приоритеты лежат в сфере внутренней, а не внешней политики. Не отбрасывая в сторону прежние внешнеполитические установки и подтверждая приверженность миру как «стратегическому выбору» Сирии, Б. Асад много времени тратил на создание нового имиджа Сирии на международной арене. Он часто говорил о необходимости реформ, укреплении и модернизации экономики, развитии образования и административной реформе.

Сегодняшняя Сирия переживает переходный период своей новейшей истории, который отличается многоуровневым характером. В условиях быстроменяющейся обстановки в регионе в Сирии идет процесс социально-экономической трансформации, который в перспективе может привести к полномасштабным преобразованиям в обществе и появлению рыночной экономики в стране. Сирийский опыт модернизации представляет несомненный интерес, поскольку процессы социально-экономической либерализации и

политической демократизации в Сирии происходили и происходят в не совсем обычных условиях: относительной внутривнутриполитической стабильности и внешней нестабильности, переходного характера власти правящих элит и сохраняющейся угрозы военных кризисов и вооруженных конфликтов в регионе. Действительно, те надежды на спокойную внешнюю обстановку, благоприятствовавшую внутренним преобразованиям, которые питал Б. Асад в июне 2000 г. стали быстро улетучиваться. Так, в течение четырех месяцев после инаугурации Б. Асада окончился провалом израильско-американо-палестинский саммит в Кэмп-Дэвиде, началась вторая палестинская «интифада» и премьер-министром Израиля стал А. Шарон. Через год после прихода к власти Б. Асада произошли события 11 сентября в Нью Йорке. Это отразилось на ситуации в регионе и американской политике на Ближнем Востоке. Третий год президентства Б. Асада был отмечен началом войны в Ираке, последствия которой представляли серьезную угрозу стабильности власти в САР. Серьезным вызовом для новой президентской власти Сирии стала принятая осенью 2004 г. СБ ООН резолюция № 1559, требующая вывести сирийские войска из Ливана, и убийство одного из оппонентов сирийского военного присутствия в Ливане бывшего премьер-министра Ливана Р. Харири в феврале 2005 г.

Сирию связывают с Россией полувековая история отношений дружбы и сотрудничества. Не абсолютизируя «сирийский фактор», необходимо, в тоже время отметить, что одним из возможных путей возвращения Россией утраченных за последнее десятилетие позиций на Ближнем Востоке служит задействование того потенциала, который наши страны накопили в ходе испытанного десятилетиями двустороннего сотрудничества в политической, военно-технической и экономической областях. Результаты государственного визита сирийского президента в Россию в январе 2005 г. служат тому ярким подтверждением. Изучение опыта Сирии важно и потому, что ближневосточный регион имеет для России важное геополитическое значение. Неизбежная для России включенность в процесс формирования новой системы

международных отношений определяет ее практическое участие в событиях в Арабском мире и на Ближнем Востоке в целом. В тоже время складывающаяся сегодня в регионе ситуация является для России весьма непростой и даже потенциально опасной. Поскольку новые геополитические реалии здесь могут сформироваться без участия России и должного учета ее интересов.

ГЛАВА I

СИРИЙСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СМЕНЫ ВЛАСТИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ.

На протяжении последних десятилетий Ближний Восток является одним из самых неспокойных регионов мира. При этом степень конфликтогенности региона имеет ярко выраженную тенденцию к росту. Такая ситуация определяется как особенностями геостратегического положения региона, наличием здесь ряда крупных государств с не совпадающими интересами, так и стремительным развитием демографических процессов, обострением проблемы водных ресурсов и не всегда позитивным влиянием внешних сил. Арабо-израильский конфликт также оказал и продолжает оказывать серьезное воздействие практически на все стороны жизни израильского и арабских обществ.

Еще одной не менее, а, возможно, наиболее важной тенденцией современного развития стран региона является проблема смены власти на Арабском Востоке. Начиная с середины 1990-х годов, в регионе ускорились процессы смены правящих элит и прихода к власти молодого поколения арабских лидеров. Однако, механизм смены власти в Арабском мире остается во многом традиционным и плохо соответствует задачам нового времени. Данное обстоятельство не только чревато возможностью возникновения новых серьезных внутренних кризисов в арабских странах и тормозит процессы

демократических преобразований в них, но и существенно затрудняет разрешение прежних конфликтных ситуаций, прежде всего арабо-израильского конфликта.

Действительно, одной из главных проблем, с которой сталкиваются сегодня арабские политические системы, является не столько их возможная нестабильность, сколько незыблемость существующих веками государственных устоев. Арабские лидеры - как группа значительно старше руководителей других стран мира. Многие из них находятся на своих постах десятилетиями. Это и президенты Египта Х. Мубарак, Йемена А. Салех, саудовский монарх Фахд, лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи. Это же касается и многих руководителей ключевых министерств и ведомств арабских стран.

Исторически власть в Арабском мире зиждилась на праве одной семьи или группы влиятельных лиц, объединившихся вокруг сильной личности. Достаточно сказать, что в Египте до антимонархической революции 1952 г. правили выходцы из династии командира албанского отряда мамлюкского войска Мухаммеда Али, пришедшего к власти в стране в 1805-1806 г. г. Это предопределило и своеобразный механизм передачи власти в арабских странах - либо по наследству, либо путем переворотов; часто при главенствующей роли военных. С 1952 по 1986 г.г. в арабских странах произошло около 30 военных переворотов. Приблизительно в этот же период (1951 -1991) жертвами борьбы за преемственность власти пало 14 арабских лидеров, начиная с Абдаллы Бен Хусейна в Иордании, и кончая Мухаммедом Будияфом в Алжире. Верхушечные реформы 1970-1980-х гг. практически свели на нет угрозу новых военных переворотов на Арабском Востоке, и ознаменовали длительный период стабильности власти. Но отсутствие подлинно демократических преобразований привело к тому, что авторитарная практика в руководстве сохранилась в неизменном виде на долгие годы. Более того, роль парламентских институтов свелась к чисто представительской функции и конституционному оформлению процесса перехода власти, а политические партии, в отсутствии конкурентной борьбы, фактически превратились в партию одного человека и

не могли оказывать реального влияния на процессы смены власти. В результате такого положения, сохранявшегося в течение длительного времени, в Арабском мире сложилась парадоксальная ситуация, когда процесс развития арабских стран как бы пошел вспять, и страны с республиканским строем правления стали все больше приобретать черты монархического устройства власти. Консервации данного процесса способствовало и сохраняющееся длительное время арабо-израильское противостояние, которое нередко выливалось в острые военные конфликты, что служило дополнительной мотивировкой позиции консервативных арабских элит, противившихся сколько-нибудь значимым переменам в обществе. В течение последних трех десятилетий сложившаяся система действовала вполне адекватно, по крайней мере, с точки зрения власть предержащих. При этом, несмотря на определенное недовольство арабского населения своим положением и действиями властей, в указанный период на Арабском Востоке не отмечалось сколько-нибудь массовых народных движений, ставящих целью свержение существующего строя в отличие от времен начала и середины прошлого столетия. Зарубежная оппозиция была плохо организована и предпочитала заниматься в основном литературным творчеством, внутренними «разборками» и налаживанием собственного бизнеса, а антиправительственные выступления радикальных исламистов довольно успешно и жестко подавлялись властью и, по-видимому, не имели серьезной базы поддержки в широких слоях арабского населения. Характерно, что такое положение устраивало и многие мировые державы, в том числе и США, которые стремились сохранить «status quo», исходя из своих стратегических, прежде всего, экономических интересов. На рубеже столетий положение стало меняться. Развитие процессов глобализации, рост информационных и телекоммуникационных технологий, обострение демографических проблем, истощение водных ресурсов и нарастание трудностей социально-экономического характера на фоне массового распространения идей исламского радикализма все больше входили в противоречие с существующей практикой

государственного управления. Активизировалась и деятельность зарубежной оппозиции, не без помощи соответствующих политических структур Запада. События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и начавшаяся вслед за ними глобальная борьба с терроризмом, которую США проводили сначала в Афганистане, а затем и в Ираке коренным образом изменили политическую ситуацию и баланс сил в регионе и заставили многие мировые державы по-новому взглянуть на свои отношения с арабскими странами и их руководителями. Действительно арабские лидеры оказываются сегодня в весьма непростом положении. С одной стороны они понимают объективную необходимость осуществления демократических преобразований. С другой, инициированная США и одобренная восьмью крупнейшими странами мира программа реформ «расширенного Ближнего Востока и Северной Африки» вызывает у них немалые опасения и скептицизм. Несмотря на то, что, к власти в арабских странах сегодня постепенно приходит новое поколение арабских лидеров (Марокко, Иордания, Катар, Бахрейн, Сирия, ОАЭ) контроль над крупными финансовыми потоками и принятием основных политических решений по-прежнему в значительной мере осуществляется старыми правящими элитами. В такой ситуации форсированные шаги, к тому же продиктованные извне, по отстранению старых правящих элит от власти могут только усилить их сопротивление реформам, дестабилизировать обстановку и создать в стране политический вакуум, в условиях которого высока вероятность прихода к власти исламистов.

В этой связи заслуживает внимания сирийский опыт решения проблемы смены власти, политика государственного менеджмента и практика демократических преобразований, осуществляемые сегодня в Сирии президентом Башаром Асадом. Не абсолютизируя сирийский опыт, следует, тем не менее, отметить, что в ряду других стран Арабского Востока Сирия по многим показателям более восприимчива к демократическим преобразованиям. Политические институты в САР глубоко эшелонированы в структуру общества. Государство монополично обладает всеми

законными средствами поддержания внутренней стабильности и порядка. Население в массе своей неплохо образовано. Существует достаточно дееспособный средний класс. Оппозиционные силы носят системный характер, отвергают насилие как средство достижения политических перемен и готовы на основе диалога с властью поддержать ее программу постепенного перехода к демократии. И главное, страной управляет президент «надежды», чьи планы реформ не только пользуются пока поддержкой значительной части сирийского общества, но и породили в нем надежду на перемены к лучшему.

1. Кто Вы доктор Башар?

Приход к власти в Сирии в июне 2000 г. 34 летнего Башара Асада вызвал неоднозначную реакцию на Западе и в самом Арабском мире. Действительно, на фоне своего отца Б. Асад выглядел в глазах представителей властных ближневосточных элит и некоторых западных политиков малоопытным и слабоподготовленным к столь ответственной миссии. Он даже проигрывал в сравнении со своим старшим братом Баселем, которого вплоть до его гибели в автомобильной катастрофе в 1994 г. Х. Асад готовил себе в преемники. Кадровый военный Басель Асад был кумиром сирийской молодежи и очень быстро сумел снискать любовь молодых сирийских офицеров как решительный и смелый человек, лихой кавалерист, любитель спортивных машин и покоритель женских сердец. А что же мог противопоставить этому Башар Асад - сугубо гражданский человек, кроме нескольких прыжков с парашютом, которые, как говорят, он совершил в школе во время военно-спортивных игр по типу еще памятных нам с советских времен «зарниц»?

На самом деле Башар Асад и не помышлял о карьере крупного государственного деятеля. Окончив так называемый свободный колледж в Дамаске, который отличался от обычных общеобразовательных сирийских школ только тем, что в нем обучалось немало

детей высокопоставленных сирийских руководителей, Б. Асад поступил на медицинский факультет Дамасского Государственного Университета (ДГУ). Избрав для себя профессию врача, он как бы реализовывал несбывшуюся юношескую мечту своего отца, который так и не смог получить столь желанного медицинского образования из-за низкого достатка своей многодетной семьи и был вынужден, поэтому избрать карьеру военного, обеспечившую ему, в конце концов, приход к высшим постам в сирийском государстве.

В 1988 г. Башар Асад закончил учебу в университете с отличием и получил диплом врача. По свидетельству его сокурсников Б. Асад действительно отличался любовью к наукам, упорством и прилежанием в их постижении. После учебы он в течение четырех лет практиковал в военном госпитале "Тишрин" и, не будучиотягощен повышенным тщеславием и амбициозностью, спокойно взирал на бурную военно-политическую карьеру своего старшего брата. Трагическая весть о смерти брата застала Башара в Лондоне, где он учился в ординатуре по специальности офтальмология и глазная хирургия.

Подчиняясь воле отца, Б. Асад возвратился в 1994 г. в Дамаск, где вскоре оказался вовлеченным в круговорот сложных политических событий.¹ Вскоре Б. Асада назначают на официальный пост одного из политических советников президента и одновременно в звании капитана прикомандировывают к элитным частям президентской охраны - дивизии республиканской гвардии (ДРГ). Он проходит интенсивную военную подготовку по индивидуальной программе и под личным руководством Х. Асада постепенно привлекается к участию в решении основных вопросов внутренней и внешней политики САР. В это время он весьма не охотно говорит о себе как возможном преемнике Х. Асада и демонстративно подчеркивает, что он, прежде всего врач, а потом уже политик и военный. В тоже время, особый интерес Б. Асад проявляет к вопросам ближневосточного урегулирования, сирийско-ливанских отношений, а также обеспечения безопасности и стабильности правящего режима. Б. Асад активно привлекался к участию в ряде важных

внешнеполитических мероприятий, в том числе выполнял спецпоручения президента по линии поддержания контактов с ливанским руководством.² Несомненной заслугой Б. Асада явилось избрание в 1998 г. просирийски настроенного президента Ливана Э. Лахуда, что позволило Дамаску удерживать контроль за ситуацией в этой стратегически важной для безопасности Сирии стране, особенно в условиях вывода израильских войск с юга Ливана в мае 2000 г.

Одновременно Б. Асад проходит обучение в Академии генштаба ВС САР, после окончания, которой получает в 1999 г. чин полковника и становится во главе одного из важных подразделений ДРГ. По свидетельству некоторых преподавателей Академии Б. Асад не проявлял свойственного ему усердия в учебе и нередко пропускал занятия, за что получал соответствующие взыскания. Возможно, военные науки казались ему не столь уж и привлекательными, да и свободного времени становилось все меньше. По сложившейся традиции преемник главы сирийского государства должен был обязательно владеть военным ремеслом и пользоваться поддержкой армии.³ Б. Асад часто выезжал в войска, обедал на открытом воздухе с солдатами и офицерами, укрепляя тем самым свой авторитет в армейской среде.

Вместе с тем, близко знающие его люди отмечали, что Б. Асад постоянно занимается самообразованием. Он свободно владеет английским и французским языками. Много и с удовольствием читает. В его домашней библиотеке можно найти много научных трактатов и книг по политологии. Особый интерес Б. Асад проявлял к изучению политэкономики (возможно потому, что уже в это время в Сирии обостряются экономические проблемы), в хитросплетения которой в частном порядке посвящал его декан политэкономического факультета ДГУ, профессор И. Нажме. Позднее он по протекции Б. Асада был направлен послом во Францию – одну из ключевых стран в европейской политике Сирии.⁴

Б. Асад хорошо разбирается в компьютерных и информационных технологиях, и живо интересуется последними достижениями в указанных областях. Он возглавлял Сирийскую ассоциацию по компьютеризации и информатике и его личной заслугой является подключение Сирии к «всемирной паутине» в 1998 г. По свидетельству близко знающих его людей, Б. Асад искренне считает, что будущее Сирии во многом зависит от того насколько успешно в этой стране будут внедряться передовые компьютерные и информационные технологии.⁵ Постепенно он взял под свой личный контроль всю деятельность различных сирийских министерств и ведомств в этой области. В январе 2004 г. в Сирии была принята новая национальная концепция развития современных средств связи и информационных технологий. В тоже время для Б. Асада компьютер не только дело, но и развлечение; в редкие минуты досуга он мог с увлечением играть в компьютерные игры и пользоваться приставкой «Sony Play Station».

Параллельно с последовательным продвижением по военной линии сын президента САР набирал очки и во внутривластных делах. Он курировал кампанию борьбы с коррупцией, контрабандой и транзитом наркотиков. Под его руководством работало специальное бюро по рассмотрению жалоб и обращений населения. Позитивный резонанс в сирийском обществе получило прямое подключение Б. Асада к практической реализации закона № 8 о преодолении последствий финансовых пирамид, жертвами которых стало несколько сотен тысяч сирийцев, преимущественно лиц с ограниченными доходами. Он активно работал с молодыми бизнесменами "новой волны", в число которых входили дети многих представителей сирийской правящей элиты, нередко лоббировал их проекты.⁶

Усилия президента по подготовке своего сына к браздам правления были бы серьезно затруднены, если бы сам Б. Асад заметно не изменился за годы, прошедшие после возвращения из Англии. К концу 1990-х гг. он был уже не скромным врачом-офтальмологом, а стал молодым и энергичным политиком, ясно видящим конечную цель

и знающим как к ней идти, пользовались безусловной поддержкой хорошо организованной команды единомышленников - реформаторов в различных слоях сирийского общества. В своем близком окружении Б. Асад имел репутацию интеллектуала с аналитическим складом ума, обладающего высокой самоорганизацией и дисциплиной. Ему куда больше идет гражданская одежда, чем военная форма. Предпочитает дорогие костюмы классического покроя. Но положение обязывает. И на многочисленных портретах в публичных местах его вместе с отцом и покойным братом изображают в военной форме.

Позднее став президентом, Б. Асад распорядился убрать с улиц и площадей сирийских городов свои портреты.⁷ И это был не просто популистский акт. Воспитанный в традициях мусульманской семьи, чей неписанный этикет требует от младших уважать мнение старших, вести добропорядочный образ жизни, порицает выпячивание своих заслуг и самовосхваление, Б. Асад держится скромно в общении с окружающими, избегает излишней парадности и пышности. Он ведет здоровый образ жизни и занимается спортом. В тоже время Б. Асад открыт для общения, что, однако, не означает, что он лишен твердости и даже некоторой жесткости в отношениях с людьми. Сказываются, очевидно, гены отца, предки которого тяжелым крестьянским трудом добывали своим детям путевку в жизнь.

Своеобразное «боевое крещение» Б. Асад принял в ходе подавления мятежа, организованного из-за кордона его опальным дядей Рифа'том в 1999 г. с целью захвата власти.⁸ Мягкие черты и юношеский овал лица Б. Асада, его открытая улыбка могли ввести в заблуждение неосведомленного наблюдателя. Ближко знающие его друзья утверждают, что серо-голубые глаза Б. Асада, столь часто встречающиеся у выходцев из прибрежных районов Сирии, которые в течение многих столетий были ареной ожесточенных сражений крестоносцев с арабами, могут иногда сверкать сталью подобно знаменитому дамасскому булату. Не обладавший в начале, по общему суждению,

харизмой своего старшего брата, Б. Асад, тем не менее, сумел за сравнительно короткое время создать себе в народе образ честного и справедливого правителя, выступающего против злоупотреблений властью, борца с коррупцией и nepотизмом, радетеля за интересы простых людей. Поэтому приход Башара Асада к власти в Сирии был поддержан подавляющим большинством сирийских граждан, особенно сирийской молодежью, которая связывала с ним свое будущее. Нередко в популярных молодежных кафе и клубах Дамаска можно было увидеть молодых сирийцев со стрижкой «а ля Башар».

Одним из ближайших сподвижников Б. Асада и горячим сторонником реформ является его жена Асма Асад (в девичестве – Ахрас), с которой он познакомился, как утверждают осведомленные источники, во время своей учебы в Лондоне. Официально их брак был зарегистрирован в декабре 2000 г. в Дамаске. Свадебная церемония прошла без излишней помпезности и шумихи с участием близких родственников и друзей со стороны жениха и невесты. В это время Сирия еще соблюдала траур по умершему в июне Хафезу Асаду и на семейном совете было решено отпраздновать свадьбу скромно. О женитьбе своего президента большинство сирийских граждан узнало из официальных сообщений прессы лишь в начале января 2001 г. Любопытно, что первую информацию в прессу («Аш-Шарк Аль-Аусат» – арабоязычная газета, издается в Лондоне – А.В.) об этом событии дала сама первая сирийская леди. А. Асад происходит из семьи сирийской интеллигенции. Ее отец Фавваз Ахрас известный сирийский кардиолог. Асма родилась и училась в Лондоне. Имеет диплом специалиста по компьютерным наукам. Несколько лет работала экономистом в крупных западных банках и компаниях. А. Асад является представительницей одного из известных и почитаемых в Сирии суннитских родов г. Хомса. Данный факт, несомненно, способствует укреплению конфессионального союза и связи центра с периферией в Сирии. Однако этим ее достоинства не ограничиваются.

Эта молодая и внешне привлекательная женщина достаточно социально и политически активна. По словам ее близких подруг, еще до замужества А. Ахрас хотела

найти применение своим знаниям и способностям в Сирии и часто говорила, что не собирается после замужества «похоронить» себя в стенах роскошного президентского дворца. В отличие от супруги Х. Асада, которая избегала публичности, жену Б. Асада можно нередко увидеть в теленовостях западных СМИ. Действительно, мама нынешнего сирийского президента Аниса Асад (в девичестве Махлюф – А.В.) фотографировалась очень редко. Даже на редких черно-белых снимках из семейного архива Асадов Аниса Асад выглядит очень официально, что, очевидно, было продиктовано негласным «дворцовым» этикетом и фундаментальными требованиями исламской морали. Молодая первая леди Сирии не боится давать интервью и высказывать собственную точку зрения. Впервые Асма Асад появилась на экране сирийских телевизоров во время церемонии встречи в Дамаске болгарского президента 19 мая 2001 г., шокировав патриархальную сирийскую публику своим открытым платьем выше колен. Вообще А. Ахрас активно работает с представителями «четвертой власти», отдавая должное их возможностям и влиянию на широкие массы общественности. Так, во время исключительно важного визита Б. Асада в Турцию в январе 2004 г. для А. Асад сделали самостоятельную часть программы. В турецкую столицу А. Асад прибыла вместе со своими детьми: 4-х месячной Зейн и ее старшим братиком 3-х летним Хафизом, названным в честь отца Б. Асада покойного сирийского президента Хафеза Асада*. Еще не начав визит, супруги Асады завоевали сердца «слабой половины» Турции. Сопровождавшие А. Асад во время ее экскурсии по пограничной турецкой деревушке, посещения родильного дома, детского сада, стамбульской биржи, 40 фотожурналистов поразились терпению и благожелательности первой сирийской леди, которая покорно ждала, когда фотографы, наконец, приготовятся и сделают свои снимки.

Нужно сказать, что Башар и Асма Асады весьма динамичная и фотогеничная молодая пара. И судя по всему, считают необходимым использовать это обстоятельство

* В середине декабря 2004 г. у четы Асадов родился еще один сын - Карим. (Ас-Сафир, 03.01.2005)

для укрепления своих позиций в народе. В отличие от прежних времен фотокорреспондентам информационного бюро президентской администрации не приходится скучать. Сегодня они запечатлевают сирийского президента не только в официальной хронике: принимающим гостей в президентском дворце, спешащим на работу из своей постоянной домашней резиденции, молящимся в мечети. Теперь сирийские граждане могут увидеть своего президента в популярном молодежном кафе Дамаска, окруженного компанией друзей, на премьере местного театра, в качестве радушного хозяина, принимающего у себя дома вместе со своей женой сирийскую сборную по футболу.

По некоторым данным, А. Асад имеет свой собственный офис в президентском дворце и курирует ряд важных социальных и гуманитарных проектов. Как и ее супруг, А. Асад является явной сторонницей распространения в Сирии Интернета. Недавно под ее патронажем в периферийных районах Сирии прошла передвижная выставка компьютерной грамотности. Сразу же после свадьбы она наняла личного имиджмейкера и дизайнера по одежде. Она выступает за повышение роли женщин в сирийском обществе и, в этой связи нельзя исключать ее причастность к тому, что за последние два года число женщин на ответственных постах в госаппарате существенно увеличилось по сравнению с прошлыми десятилетиями. По оценке осведомленных сирийских кругов, А. Асад имеет все шансы уже в ближайшее время быть принятой в члены элитного клуба первых арабских леди - неофициальной, но весьма влиятельной организации. Сегодня туда входят супруга египетского президента Сюзан Мубарак, иорданская королева Рания и катарская шейха Муза. А. Асад часто сравнивают с супругой иорданского монарха Абдаллы II королевой Ранией. Обе они практически одинакового возраста, весьма привлекательны, следят за модой и активно помогают своим мужьям в делах. Официальной дружбы между супругами сирийского и иорданского лидеров не наблюдается. Некоторая напряженность в отношениях двух стран диктует свои правила игры. Однако, уже в ближайшее время

ситуация может измениться. Умело используя связи своей семьи в деловых и политических кругах арабских и западноевропейских стран, А. Ахрас заботится об укреплении авторитета и позиций президента, как в Сирии, так и за ее пределами. Его личный вклад в обеспечение успеха визитов Б. Асада в ряд арабских и европейских стран не вызывает сомнения.⁹ Сегодня можно уверенно утверждать, что Башар Асад получил признание и пользуется определенным авторитетом не только в Арабском мире, но и на Западе.

2. Сирийское решение вопроса преемственности власти.

Достаточно ясно обозначившиеся к середине 1990-х годов проблемы со здоровьем, сложившаяся ситуация в стране и правящих элитах привели Х. Асада к мысли о необходимости создания механизма, который смог бы, в случае стойкой нетрудоспособности президента или его внезапной кончины, обеспечить плавный и неконфронтационный переход власти к одному из его сыновей. После смерти Баселя не отличавшийся крепким здоровьем Х. Асад встал перед проблемой сохранения возведенной им властной конструкции, основу которой составляли сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, в свою очередь, построенных на межличностных взаимных обязательствах. Сделав выбор в пользу Башара в качестве своего преемника, Х. Асад посвятил последние шесть лет своей жизни решению именно этой проблемы. Действительно, практически все важные решения по вопросам внутренней и внешней политики Сирии в этот период принимались с учетом проблемы преемственности власти.

Достаточно быстро Х. Асаду пришлось столкнуться со скрытым недовольством и даже противодействием высшего сирийского генералитета планам президента по вопросу преемственности власти в САР и продвижению Башара во властные структуры государства. Оппозиция части сирийского генералитета планам президента в вопросах

преимущества власти и их явное стремление определить сирийского лидера из собственной среды, вряд ли могли быть истолкованы Х. Асадом иначе, чем открытый вызов клану Асадов в борьбе за власть. Это послужило своеобразным катализатором начала активных действий Х. Асада по реформированию кадрового состава вооруженных сил и спецслужб САР.

С 1993 года сирийский лидер приступил к постепенному обновлению высшего армейского эшелона и органов госбезопасности. Характерно, что данный процесс осуществлялся в основном за счет выдвижения на руководящие посты лиц, не принимавших активного участия в противоборстве за политическое влияние в период внутреннего кризиса 1984 года. В 1993 году со своего поста был уволен могущественный начальник военной контрразведки генерал, алавит Али Дуба. Его имя было связано с одной из мрачных страниц в истории современной Сирии – подавлением мятежа «братьев-мусульман» в 1976-1982 годах. Вместе с ним были уволены или переведены на другие должности несколько человек из числа его близкого окружения. Летом 1994 г. Х. Асад своим приказом отправил в отставку более 20 генералов, в том числе начальников ряда ключевых управлений Министерства обороны САР и командиров ряда наиболее боеспособных дивизий.¹⁰ Таким образом, начав кадровую реформу в армии и спецслужбах, Х. Асад решал одновременно несколько важных задач; укрепление властных позиций клана Асадов, создание благоприятных условий для бесконфликтного продвижения во властные структуры сына президента Башара, постепенного очищения руководящих кадров в армии и спецслужбах от сторонников бескомпромиссного противостояния «сионистскому врагу» и лиц, замешанных в неблагоприятных делах, способных скомпрометировать имидж Сирии в глазах Запада, в сторону которого Дамаск стал постепенно разворачиваться после распада СССР.

По существу Х. Асад приступил к формированию нового кадрового «эшелона власти» в расчете на то, чтобы в случае возникновения нового кризисного этапа для

внутренней и внешней политики САР быть готовым встретить его в обстановке относительной стабильности. В условиях Сирии подобные мероприятия были практически неосуществимы без основательной предварительной чистки руководящего состава спецслужб и армии, укрепления их лояльными и лично преданными главе государства работниками. Примечательно, что наиболее радикальные решения были приняты Х. Асадом прежде всего в отношении деятелей и группировок из числа алавитов (А. Дубы, А. Хейдара, А. Махлюфа, Д. Джухейни и др.) Поставленный перед необходимостью недопущения раскола в алавитской верхушке, Х. Асад вынужден был отодвинуть на второй план соображения конфессионального порядка и поставить во главу угла принцип личной преданности и заботы о стабильности режима и государства. Однако, несмотря на предпринятые президентом попытки несколько ослабить влияние военных, ему не удалось добиться желаемой цели в полной мере. Большинство генералов рассматривало Башара в качестве потенциального соперника в борьбе за влияние на президента и в этой связи особенно ревностно относились к попыткам реанимировать ссмысленность в механизме принятия наиболее важных решений.

Как мудрый и искушенный политик, Х. Асад опасался, что после его кончины (если это произойдет достаточно скоро) влиятельные алавиты в армейской среде и аппарате спецслужб предпримут попытки по отводу Башара в сторону от высшей власти в государстве и попытаются сами захватить ее. При Х. Асаде, когда в верхах царил атмосфера неоспоримой сильной личной власти президента, лица из его окружения и высокопоставленные военные вынуждены были действовать чрезвычайно осторожно и разобщенно. Другими словами, складывающаяся ситуация позволяла продолжить подготовку передачи власти от Х. Асада к его сыну Башару. С другой стороны, неоднозначность данной ситуации заключалась в том, что подготовленную для Баселя базу, было невозможно автоматически передать Башару. К тому же выбор президента в плане создания надежного и преданного Башару окружения в военной среде был в значительной

мере ограничен. С начала 1990-х годов Х. Асад последовательно проводил мероприятия по созданию безальтернативного выбора кандидатуры Баселя, сознательно ослабляя всех других влиятельных алавитов, особенно в армии и спецслужбах. Предпринятые Х. Асадом энергичные усилия по вводу Башара в армейскую среду и его приобщение к процессу управления государством могли дать свои плоды только спустя длительное время, запаса которого у Х. Асада в силу естественных причин становилось все меньше и меньше.¹¹

Х. Асад, по видимому, хорошо осознавал, что в силу всей неоднозначности и многовариантности проблемы преемственности власти, Сирия с его уходом с политической арены может вступить в полосу нестабильности. Пережить первые трудные этапы страна будет в состоянии только при наличии сильной централизованной власти военных, а именно тех лиц, чья деятельность в ближайшей перспективе вряд ли поставит под угрозу положение алавитов в сирийском обществе (министра обороны М. Тласа, генералов А. Аслана, И. Сафи, Ш. Файяда). При этом Х. Асад хорошо понимал, что личность Башара как перспективного лидера Сирии без энтузиазма воспринимается именно среди этой группы высокопоставленных военных, которые с высоты своего жизненного и военного опыта воспринимают традиционно далекого от армии 30-летнего Башара без видимого сопротивления пока жив сам Х. Асад.

Для того, что бы заручиться поддержкой указанных лиц своих планов в отношении Башара и выиграть время, необходимое для создания собственной «группы поддержки» для Башара в армии и спецслужбах, Х. Асад в январе 1996 года своим приказом присвоил второе по значению в Сирии воинское звание корпусных генералов командующим 1, 2 и 3 армейских корпусов А. Абдель Наби, И. Сафи и Ш. Файяду. Одновременно был подготовлен проект приказа президента о введении в сирийской армии нового звания – корпусной генерал первой степени, которое позднее Х. Асад присвоил своему верному другу и соратнику М. Тласу, а также начальнику Генерального штаба Х. Шехаби. Х. Асад издал также приказ, в соответствии с которым для высших командных чинов армии

увеличивался предельный срок службы по возрасту в среднем на 3-5 лет (т.е., очевидно этот срок Х. Асад считал достаточным для подготовки Башара – А.В.). Одновременно Х. Асад предпринял ряд мер по обновлению кадрового состава среднего и части высшего командного звена вооруженных сил путем ограничения срока службы в одной должности восьмью годами. Таким образом, в течение 1996 - 1997 гг. число уволенных офицеров должно было составить, по некоторым оценкам, 100-150 человек. Наряду с этим планировалось существенно усилить программы социального обеспечения выходящих на пенсию военных. Предусматривалось создание специального резерва должностей в государственном аппарате и государственном экономическом секторе для военных пенсионеров, свособразного банка земельных наделов и жилья, значительного увеличения единовременных выходных пособий. Оценочная стоимость данной программы должна была составить по некоторым данным 20-25 млн. долл. США.

Предпринятые Х. Асадом шаги дали свои положительные результаты. Во время очередных праздничных торжеств зимой 1996 года по случаю окончания мусульманского поста влиятельные военные публично выражали свою лояльность и преданность президенту и его сыну Башару. Разговоры о неопытности, неосведомленности Башара в государственных делах среди высшего сирийского генералитета если и не прекратились совсем, то стали значительно глуше и реже. Проведенные Х. Асадом мероприятия, представляли собой точно просчитанные (с учетом национальной психологии и менталитета) акции по вводу Башара в структуру власти. Они также были призваны продемонстрировать как внутри, так и за пределами Сирии, что президент, несмотря на просочившиеся в СМИ сообщения о болезни, уверенно удерживает в своих руках бразды правления и намерен твердо следовать принятому курсу в руководстве страной в т.ч. и в вопросах преемственности власти в САР.

На рубеже 1996-1997 гг. Х. Асад значительно активизировал свою деятельность по укреплению позиций Башара Асада во властных структурах. Причем, если раньше этот

процесс носил в определенной степени завуалированный характер, то теперь он стал все больше приобретать явную и открытую форму. Росло число сторонников Б. Асада в армии и спецслужбах. В основном это были представители т.н. «второго эшелона» офицерского корпуса на уровне комбригов и комдивов. Значительно укрепились отношения Башара Асада с его дядей по материнской линии М. Махлюфом. Последний фактически стал неофициальным советником Б. Асада в вопросах отношений с алавитскими шейхами. В руководстве алавитской общины клан Махлюфов в силу своей родовой знатности и богатства традиционно пользовался большим влиянием. В тоже время президенту не удалось окончательно разбить связки между рядом ключевых фигур в силовых структурах, которые в условиях преждевременного ухода Х. Асада могли бы стать потенциальными конкурентами его сыну. Активное продвижение Башара Асада сталкивалось со скрытым неприятием влиятельных сирийских военных, которые группировались вокруг начальника Генерального штаба Х. Шехаби. Настороженно относились к Б. Асаду начальники ряда ключевых управлений министерства обороны Сирии.

В этот период в Сирии разворачивается беспрецедентная по масштабам компания борьбы с коррупцией, руководителем которой становится по указанию Х. Асада его сын Башар Асад, который как бы наследует этот пост от своего покойного брата и продолжает начатое им дело. Конечно, собственно борьба с коррупцией в Сирии носила по большей части селективный характер и преследовала главным образом политические цели. Под лозунгом наведения порядка и законности президент стремился расширить базу своей и Башара Асада поддержки в обществе и, прежде всего в армии, спецслужбах и деловых кругах. Последние терпели значительный ущерб от коммерческой контрабанды импортных товаров. В политическом плане эта компания была рассчитана на сведение к минимуму неподконтрольных президенту источников финансовой подпитки действующих в стране «центров силы». К тому же в данной ситуации Х. Асад и его сын

могли более эффективно проводить в жизнь принятые решения во внутри и внешнеполитических областях и, в частности, осуществлять назревшие перестановки в сирийском руководстве, армии, спецслужбах в выгодном для себя плане.

Летом 1997 г. после очередного ухудшения здоровья Х. Асада во властных структурах Сирии активно зондировалось обсуждение вопросов, связанных с разработкой механизма преемственности власти в случае длительной нетрудоспособности президента или же его внезапной кончины. По некоторым данным, сам Х. Асад выдвинул идею создания т.н. «Консультативного Совета», в основу работы которого был положен принцип коллективного руководства. Данный орган должен был вырабатывать и принимать решения по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, проблемам национальной безопасности Сирии. Характерен предложенный Асадом персональный состав Совета; Башар Асад, заместитель главкома, министр обороны М. Тлас, вице-президент А.Х. Хаддам и Рифа'т Асад. Было составлено предложение, с которым Региональное Руководство ПАСВ должно было выйти к Х. Асаду для издания соответствующего президентского декрета. Однако официального юридического оформления данный проект не получил.

В 1998-1999 гг. Х. Асад значительно активизировал свою политику по изменению «формулы власти» в Сирии. Однако, если раньше президент проводил в этом вопросе сбалансированную и тщательно просчитанную линию в увязке с конкретными результатами на переговорах с Израилем, то теперь он намеренно форсировал события, и уже не склонен был, как раньше сохранять в неприкосновенности костяк «старой гвардии» и идти в отношении его членов на «почетные горизонтальные» перемещения. Состояние здоровья президента, складывающаяся внутри клана и вокруг него обстановка, изменения на региональном уровне, оставляли Х. Асаду все меньше времени и заставляли быть решительным и жестким в отношении вероятных оппонентов своего сына.

Летом 1998 г. с почтом был отправлен в отставку начальник Генерального штаба Х. Шехаби. После отставки Х. Шехаби начался процесс ослабления его сторонников в армии и их постепенного вытеснения из вооруженных сил. В самом Генштабе произошло перераспределение кураторских обязанностей, в результате которых контроль над деятельностью ключевых управлений Генерального штаба сосредоточился в руках верных президенту и его сыну военных. Новые начальник Генштаба А. Аслан, и два его заместителя А. Сайяд и Ф. И. Ибрагим считались «людьми» Башара Асада и были хорошо известны ему еще и потому, что их сыновья дружили и работали вместе с сыном президента. Еще одной знаковой отставкой 1998 года стало увольнение со своего поста другого высокопоставленного военного начальника Управления общей разведки САР генерала суннита Б. Наджара.¹² Одновременно зимой 1998 года своим приказом Х. Асад повысил в звании (до бригадных генералов – А.В.) группу молодых офицеров. Таким образом, президент решал сразу несколько важных задач. Во-первых; он продемонстрировал свою поддержку молодому поколению сирийских офицеров, которые были недовольны «засильем генералов-резервистов» и выслуживших установленные сроки полковников (примерно 10-15% от общей численности старших офицеров), что в целом негативно сказывалось на положении дел в армии.¹³ Во-вторых; Х. Асад опроверг циркулировавшие в армейских кругах слухи о том, что он намеренно тормозит процесс омоложения кадров и планирует провести увольнение этих офицеров под видом сокращения численности вооруженных сил после достижения мира с Израилем. Увязывание прогресса на мирных переговорах с Израилем с неизбежной необходимостью сокращения национальных вооруженных сил, пугало многих не только в армии, но и в целом в сирийском обществе, которое испытывало острый дефицит новых рабочих мест и страдало от растущей безработицы. С другой стороны, постоянные отсрочки реформ в армии и госаппарате САР в целом негативно воспринимались на Западе, прежде всего в США, которые активно «позиционировали» себя в качестве «единственного посредника»

в сирийско-израильских мирных переговорах и надежного гаранта их успешного завершения. В-третьих; вовлечение молодого поколения сирийских военных в орбиту т.н. «группы поддержки» Б. Асада из числа влиятельных алавитских генералов – Ш. Файяда, И. Сафи, Н. Аббаса, И. Зейдана, А. Хасана не только укрепляло позиции сына президента в армии, но и расширяло Х. Асаду и его сыну поле для возможных маневров. А присвоение президентом сразу четырех новых званий корпусных генералов летом 1998 г. было призвано «уравновесить силы» в армейском руководстве. Поскольку на абсолютную лояльность некоторых из его членов Х. Асад не мог рассчитывать до конца в критической ситуации. В-четвертых; Х. Асад продемонстрировал представителям самой многочисленной религиозной общины Сирии - суннитской, что смещение с высоких постов в армии и спецслужбах суннитов ни в коей мере не ущемляет их прав и не является попыткой пересмотреть «конфессиональную конфигурацию» сирийских силовых структур. Так, из 9 повышенных в должности в январе 1998 года молодых генералов 5 были суннитами, двое алавитами, один христианином и один друз.

В 1999-2000 гг. кадровые перестановки в армии и спецслужбах продолжились. В марте в Сирии было сформировано новое правительство во главе с выдвиженцем Б. Асада М. Миро. Значительное число мест в новом кабинете заняли сторонники Б. Асада. Кадровые перемещения происходили под контролем Б. Асада и его зятя А. Шауката, которому Х. Асад поручил продолжить обновление руководящего состава органов безопасности, их укрепление кадрами, полностью лояльными сыну президента. Таким образом, А. Шаукат становился фактическим главным координатором деятельности всех сирийских спецслужб. На освободившиеся места в армии, спецслужбах, аппарате правительства назначались преимущественно выходцы из алавитской общины. В отличие от «старой гвардии» соратников Х. Асада это были в основном лица в возрасте от 30 до 40 лет, получившие высшее образование в странах Западной Европы и хорошо показавшие себя на политической работе в правящей Партии Арабского Социалистического

Возрождения (ПАСВ)¹⁴. Многие молодые офицеры, получившие в последние несколько лет высокие назначения в армии и спецслужбах были на самом деле мало известны в офицерском корпусе САР и вряд ли могли бы серьезно претендовать на самостоятельную роль в процессе выбора преемника, тем более его выдвижении на высшие посты в государстве. С другой стороны, своим возвышением они были обязаны лично Б. Асаду, с которым связывали свое будущее. Данное обстоятельство было способно сыграть решающую роль в случае преждевременной кончины Х. Асада, когда решение о выборе преемника (как это уже бывало в САР в 1983-1984 гг. – А.В.) принималось бы не в парламенте и правительстве (которые в Сирии времен правления Х. Асада играли по большей части роль «фасадных структур» - А.В.), а в ключевых подразделениях армии и спецслужб, обладавших реальной властью, от которых зависела стабильность и сама судьба правящего в САР режима.

Кончина Х. Асада в июне 2000 г. стала своеобразным «моментом истины» для национальных вооруженных сил и определенным тестом для всего партийного аппарата на верность проводившейся президентом в последние 6 лет его жизни политики в вопросах преемственности власти в Сирии. Несмотря на различные ожидания, внутри Сирии и за ее пределами, армия и ПАСВ твердо выступили на стороне Башара Асада и поддержали его избрание новым президентом страны. Именно это обстоятельство в значительной мере обеспечило неконфронтационный переход власти в САР. На следующий день после кончины Х. Асада 11 июня 2000 г. на чрезвычайном заседании Регионального Руководства ПАСВ Б. Асад был выдвинут единственным кандидатом на пост президента САР. 17 июня 2000 г. в Дамаске открылась 9 – я Региональная конференция (съезд) ПАСВ. Завершившийся 19 июня партийный форум избрал его генеральным секретарем ПАСВ. 27 июня 2000г. сирийский парламент единогласно избрал Б. Асада президентом Сирии.¹⁵

ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО ХАФЕЗА АСАДА

Кажущаяся простота и легкость законодательного оформления процесса передачи власти в Сирии могли ввести в заблуждения обыкновенного обывателя, плохо осведомленного в хитросплетениях внутривластной жизни в Сирии. Действительно сама процедура передачи власти прошла в целом быстро и не сопровождалась видимыми конфликтами в борьбе за власть.

Через несколько часов после смерти Хафеза Асада сирийский парламент практически единодушно изменил соответствующую статью конституции, снизив возраст для избрания президента с 40 до 34 лет. На созванном менее чем через шесть недель после смерти Х. Асада референдуме Б. Асада был избран 97,3% голосов новым президентом Сирии¹⁶. Однако весь путь восхождения Б. Асада на высший государственный пост в САР оказался весьма не прост и был отмечен скрытой внутренней борьбой за решение вопроса преемственности власти в стране. К тому же в наследство Б. Асаду досталась сложная политическая система с проблемной экономикой и неопределенной внешнеполитической перспективой. Действительно, Б. Асад стал президентом жестко централизованного государства с авторитарной практикой руководства, модернизация которого требовала больших усилий и времени. Подчиняясь традиции и соблюдая необходимые государственные формальности, Б. Асад занял те же властные позиции, что и его отец. Еще до избрания президентом, он стал верховным главнокомандующим сирийских Вооруженных Сил*, генеральным секретарем ПАСВ (Региональное руководство – А.В.).

* Указ о назначении Б. Асада верховным главнокомандующим был подписан А.Х. Хаддамом, который в течение 37 дней после смерти Х. Асада исполнял обязанности президента Сирии. В некоторых политических кругах Сирии считали, что военные и представители спецслужб пытались отстранить А.Х. Хаддама от принятия политических решений, и обеспечить назначение на пост исполняющего обязанности президента бывшего министра обороны М. Тласа. Однако А.Х. Хаддам проявил обычно не свойственную ему жесткость и упорство и сумел преодолеть возникшие после смерти Х. Асада разногласия в правящей элите.

По должности он номинально возглавлял Прогрессивный Национальный Фронт (ПНФ), куда выходили несколько лояльных режиму партий при главенствующей роли ПАСВ. По конституции как президент он мог назначать и смещать правительство, судей, губернаторов провинций, ректоров университетов. В число его властных прерогатив также входили роспуск парламента, издание, утверждение или отклонение законов и решений парламента.

Несмотря на то, что приход к власти в САР Б. Асада породил ожидания, что эпоха авторитарного правления в стране скоро окончится, сама структура власти и ее механизмы, созданные Х. Асадом для обеспечения стабильности режима сохранялись в первые годы президентства Б. Асада.

1. Структура и характер власти. Роль личности Х. Асада

Приход Хафеза Асада к власти в Сирии в ноябре 1970 г. явился переломным моментом в современной истории страны. До этого времени Сирия представляла собой внутренне нестабильное государство, без самостоятельной политической линии и четкой национально-государственной идентичности. Политическая харизма Х. Асада наряду с изменением ситуации в регионе и мире в целом позволили ему превратить Сирию в сильное и централизованное государство. Во многом этому способствовали благоприятно сложившиеся для Х. Асада политические обстоятельства. Ко времени прихода Х. Асада к власти старая правящая элита в лице городской суннитской буржуазии, руководившая страной в течение столетий, фактически утратила свою власть. Основные политические партии и их лидеры либо подверглись гонениям, либо серьезно ослабили друг друга во время долгой борьбы за власть, оставив арену политической борьбы пустой. Офицерский корпус, ядро которого составляли высокопоставленные военные сунниты, растратил свою силу в долгой борьбе за контроль над армией и правительством. Лидеры так называемых «исбаасистов», пришедшие к власти в феврале 1966 г., многие из которых были друзьями

или исмаилитами, также оказались политически нейтрализованы. Таким образом, возникла ситуация, требующая прихода новых лидеров, способных вернуть власти стабильность, государству централизованность, а обществу уверенность в завтрашнем дне. В этих условиях Х. Асад показал себя как очень искусный и умный политик, способный эффективно использовать обстоятельства для решения задач укрепления политической власти в стране.¹⁷ Характерной особенностью внутренней ситуации в Сирии при Х. Асаде была ее относительно устойчивая стабильность. Президент при опоре на свое ближайшее окружение в течение 30 лет уверенно контролировал обстановку и проводил тщательно взвешенную линию на подготовку страны к вживанию в новые политико-экономические реалии. Данное обстоятельство позволяло избегать нежелательных социально-политических перегрузок в обществе. Начавшийся формироваться с 1970-х годов современный механизм власти в САР предусматривал сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы при сохранении законодательного режима чрезвычайного положения, установленного с начала 1960-х годов. Под Х. Асада были приспособлены основные реальные механизмы управления, которые с течением времени приобрели устойчивый характер. Действительно, при Х. Асаде в Сирии действовала так называемая двухуровневая система организации власти. Внешне функционировала стандартная управленческая структура во главе с правительством, рядом контролируемых государством институтов, большинство из которых было создано самим режимом и, которые действовали в рамках установленной иерархической системы, освященной конституцией и идеологическими установками ПАСВ. Эти государственные институты включали администрацию президента, парламент (Народный Совет), Совет министров. В партии существовала собственная властная иерархия и собственные органы управления. Наряду с этим в Сирии действовали общественные и профессиональные организации, представлявшие интересы различных слоев сирийского населения: профсоюзы, ассоциации крестьян, ремесленников, лиц

«свободных профессий», студенческие союзы, женские организации. Эти «формальные» государственные и общественные институты выполняли в основном задачу по созданию образа законности власти, служили средством легитимизации деятельности правящих элит и эффективным инструментом социальной и экономической мобилизации масс населения. Такая система позволяла власти привлекать на свою сторону новых сторонников, доказавших свою преданность и лояльность режиму и назначать их на руководящие должности, постепенно продвигая к реальным центрам власти.¹⁸ Наряду с этой «формальной» структурой действовал реальный механизм власти, представленный высшим руководством спецслужб и армии, то есть теми, от кого на деле зависели стабильность и будущее режима. Военные занимали ключевые позиции в правящей иерархии. Их властные полномочия могли быть не прописаны в конституции, но они обладали огромным политическим влиянием и силой, являясь своеобразными скрепами правящей элиты. Работа «формального» госаппарата осуществлялась в двух плоскостях: административной и партийной. Каждые четыре года партийные организации избирали депутатов на съезд ПАСВ, который формировал новый состав высших партийных органов: Центральный Комитет (90 членов) и Региональное Руководство (21 член). «Формальный» административно-управленческий аппарат должен был теоретически работать параллельно с ПАСВ. На практике он находился под ее полным контролем. Каждые четыре года в парламент избиралось 250 депутатов. ПАСВ осуществляла руководство партиями, входившими в состав Народного Совеста, где ей принадлежало около 60 % мест. Остальные места принадлежали так называемым независимым кандидатам. По конституции парламент называл кандидатуру на пост президента. Однако в начале он должен был быть утвержден Региональным Руководством ПАСВ. Парламент также принимал законы, утверждал бюджет, одобрял планы хозяйственного развития и ратифицировал международные соглашения. Исполнительная власть включала президента и правительство. По конституции правительству принадлежала высшая исполнительная и

управленческая власть в стране. Президент назначал премьер-министра и других членов правительства, которые отчитывались перед ним и парламентом.¹⁹ В правительстве были представлены различные конфессии в соответствии с их долей в общем составе населения САР. В 1960-х гг. алавиты и представители других религиозных меньшинств из периферийных районов Сирии практически не участвовали в работе парламента. Эта диспропорция была исправлена после приход к власти в Сирии Х. Асада. В Сирии также была разрешена деятельность других партий помимо ПАСВ, представлявших различные коммунистические и насеристские фракции. Реальной властью они не обладали и служили напоминанием о бурной поре политических баталий в САР 1950-1960 –х. годов. Эти партии входили в состав Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ), который был создан в САР в 1972 г. во главе с Х. Асадом. В тоже время, начиная с середины 1990-х годов сирийское руководство стало более внимательно относиться к предложениям входящих в состав ПНФ партий по их более активному подключению к процессу принятия политических решений. В рамках ПНФ все чаще стали подниматься острые вопросы об освобождении политических заключенных, внедрения в партийную жизнь принципа многопартийности, ускорении темпов либерализации экономики и т. п. Однако эти темы обсуждались, обычно, в постановочном плане и не имели выхода на конкретный результат.

В практическом плане процесс формирования политических решений в Сирии проходил несколько этапов и включал подготовку информационных документов (в ряде случаев устные доклады) президенту, рабочие встречи и консультации главы государства с некоторыми приближенными к нему лицами, проведение совещаний с различным составом участников в зависимости от обсуждавшихся проблем. Решения и распоряжения Х. Асада, передававшиеся после соответствующей доработки в аппарат президента, служили основанием для рассмотрения и утверждения в нужном ключе «фасадными» структурами. Деятельность правительства в этом плане ограничивалась выполнением

консультационно-информационных функции, а также реализацией выработанных в «недрах» власти решений. Во многих случаях решающее слово по ряду ключевых аспектов жизни Сирии принадлежало командирам дивизий, руководству спецслужб, группе политических советников аппарата президента, верхушке алавитского духовенства. Некоторые высокопоставленные военные входили в состав Совета обороны, который занимал важное место в механизме принятия политических решений. Помимо Х. Асада в Совет входили по должности вице-президент А. Х. Хаддам, министр иностранных дел Ф. Шараа, министр обороны, начальник Генерального штаба, ряд членов коллегии, отдельные командиры корпусов и дивизий, начальники спецслужб. Ежемесячные совещания часто проходили в усеченном составе, определяемом президентом, в присутствии которого рассматривались наиболее важные вопросы внешне-политического характера. Как и Совет обороны, Высший совет алавитских шейхов не афишировал свою деятельность, являясь весьма тонким инструментом в механизме принятия решений. На своих ежемесячных заседаниях верхушка алавитской общины принимала решения по самым деликатным вопросам жизни общины и страны, в целом. И хотя эти решения доводились до президента в виде рекомендаций, Х. Асад, как правило, следовал им. Главным отличием данных институтов от «формальных» структур власти являлось то, что в своей работе они были ориентированы на обсуждение вопросов на реальной стадии проработки, когда окончательное решение еще не было принято и могло носить многовариантный характер. Однако, в последние годы жизни Х. Асада, в рамках объявленной им политической либерализации, мнение представителей «фасадных» структур стало больше учитываться в процессе выработки решений по той или иной проблеме.

Отсутствие видимых кардинальных перемен при Х. Асаде совсем не означало, что жизнь в стране стоит на месте. Напротив, в сирийском обществе набирало темп развитие подспудных процессов, связанных с разрешением давно назревших внутри и

внешнеполитических проблем. В конкретном плане речь шла о необходимости изменений во властных структурах, механизме власти в целом, прежде всего реформы госаппарата с точки зрения выправления хронически сложной ситуации в сфере экономики и осуществлении коренных преобразований в области внешнеэкономического и внешнеэкономического регулирования в целях стабилизации неуклонно снижавшегося жизненного уровня значительной части населения Сирии, что вело к росту напряженности в обществе и его резкой социальной разобщенности. В последние годы своей жизни Х. Асад стал чаще прислушиваться к неоднозначным и противоречивым точкам зрения, стремясь выйти на оптимальные решения. Он не пренебрегал возможностью возвращения вызывающих споры вопросов на дополнительное обсуждение. Чаще использовал метод «пробных шаров» для обкатки деликатных, непроработанных вопросов в фасадных, с точки зрения реальных властных полномочий, структурах – Совете министров, Народном Совете (парламенте), Региональном и Общеарабском руководстве ПАСВ, Центральном Руководстве Прогрессивного Национального Фронта, главная функция которых заключается в одобрении и принятии подготовленных в недрах власти решений, создании видимости коллегиальности и демократичности. В последние несколько лет в целях расширения базы своей социальной поддержки режим расширил участие в парламенте представителей суннитских бизнес элит, особенно дамасских бизнес сообществ. Таким образом, президент стремился модифицировать существовавшую «формулу власти» в сторону наделения «фасадных» структур большими реальными полномочиями не только на стадии реализации принятых конкретных установок, но и на этапе разработки решений, повысить степень их участия в управлении политическими процессами.²⁰

В значительной степени образ Сирии, как на международной, так и ближневосточной политических аренах персонифицировался с Х. Асадом, а характер власти в стране во многом определялся личностными характеристиками президента.²¹ Х. Асад был весьма тонким и одновременно сильным стратегом. По своим политическим

взглядам и убеждениям Х. Асад был скорее больше арабский сирийский националист и консерватор, нежели революционер-социалист. В то же время он был привержен демократии, но чужд либерализма. С другой стороны, в восточном обществе понятия «демократ», «консерватор», «социалист» чаще не более чем этикетки для наружного пользования, тогда как в решающие моменты «включаются» традиционные механизмы. Одним из важнейших таких рычагов являлась клановая общность, о поддержании которой, как отмечалось выше, Асад проявлял ревностную заботу. Верховенство точки зрения Асада было бесспорно, но при этом не носило однозначного характера, особенно на этапе выработки решений. Доминирующая роль в процессе принятия самых ответственных решений отводилась узкой группе лично близких Асаду лиц из ряда высокопоставленных военных и представителей партгосаппарата. Реальная роль военных была очень высока. Они представляли собой своеобразную правящую «партию военных». Элитной опорой президента и режима в целом являлось высшее алавитское офицерство, чье мнение по самым деликатным вопросам Х. Асад учитывал в приоритетном порядке. Х. Асад представлял собой тот довольно редко встречающийся в высокой политике тип лидера, к которому мало применимо выражение: «Короля играет свита». Ситуацию под контролем держал он сам - и у себя в «ближнем кругу» и в государстве в целом. Подбор и расстановка кадров, вероятно, относились к излюбленным его занятиям. Расставить людей так, чтобы они наилучшим образом воплощали его волю: привлечь потенциальных противников в попутчики и исполнители, а от ненужных избавиться. Как руководитель Асад славился своей требовательностью. Однако президент никогда не торопился с принятием окончательных решений по персоналиям, терпеливо выжидая подходящий момент. Что же касается «асадовского» окружения, то ему не оставалось ничего, кроме как «соответствовать». Оно не раз уже было прочищено и прополото. Выживали лишь лично преданные, квалифицированные и дисциплинированные исполнители. Х. Асад был весьма тонким и одновременно сильным стратегом. Считаюсь со складывающимися

реалиями и политическими перспективами в Сирии и регионе в целом, президент осознавал, что тщательно возведенная им постройка является весьма хрупкой и зиждется на сложной системе сдержек и противовесов, а поэтому несет в себе элемент неопределенности, а возможно и саморазрушения при определенных условиях. Политика по использованию конфессионализма для решения стоящих перед режимом задач фактически шла по замкнутому кругу. С одной стороны, для проведения глубоких социально-экономических преобразований требовалась сильная централизованная политическая власть, а с другой - эта власть опиралась на те самые факторы; клановость, ссктантство, которые она была призвана ликвидировать. В сложившихся условиях президент Х. Асад предпочитал проводить сбалансированную и тщательно просчитанную линию на изменении «формулы власти». Однако с учетом лабильной ситуации в БВУ до выхода на субстантивные результаты в переговорном процессе с Израилем и общими неблагоприятными для САР тенденциями изменения регионального баланса сил в результате углубляющегося турецко-израильского альянса, Х. Асад не считал нужным форсировать события, и вынужден был ограничиваться по кадровым вопросам половинчатыми, в значительной мере популистскими мерами, особенно в отношении представителей ведущих сирийских правящих элит, без лояльности которых Х. Асаду вряд ли удалось бы осуществить свои стратегические планы в вопросах преемственности власти. Данной проблеме Х. Асад придавал особенно большое значение.

В этой связи выдвижение Х. Асадом на очередной пятый по счету срок своей кандидатуры на пост президента Сирии на прошедших в начале 1999 года выборах, несмотря на свой солидный возраст (69 лет) и периодическое обострение ряда хронических заболеваний являлось вполне логичным и объяснимым. Х. Асад также учитывал свою сохраняющуюся высокую популярность среди различных слоев сирийского населения, которые связывали с его именем и деятельностью на посту главы государства беспрецедентно длительный для современной Сирии период

внутриполитической стабильности. Несколько фамильярно прозванный в народе «папой», а в своем окружении «хозяином», Х. Асад был искренне убежден: он сам знает, что хорошо и что плохо для его страны. Главный и беспощадный его противник было время. Несмотря на свой преклонный возраст и известные проблемы со здоровьем, Х. Асад старался находиться в хорошей форме. Одевался всегда в костюмы классического кроя и строгих тонов, подчеркивая тем сдержанное отношение к «благам». Практически до последних дней своей жизни, президент, по свидетельству очевидцев, сохранял устойчивую работоспособность, хорошую память, высокий интеллектуальный уровень, который позволял ему адекватно выполнять сложные и разнообразные функции главы сирийского государства и эффективно, в целом, руководить созданным им авторитарным режимом. Президентский распорядок дня был строго регламентирован и тщательно спланирован с учетом рекомендаций лечащих врачей, к которым Х. Асад внимательно прислушивался. В то же время президент оставался весьма мобильным, легким на подъем и мог совершать внезапные и стремительные «броски» по стране и за рубеж, когда этого требовали национальные интересы. Х. Асад вообще был чрезвычайно вынослив. Очевидно, сказывалась крестьянская закалка. Ему, например, не стоило усилий произнести экспромтом двухчасовой спич без заготовленной шпаргалки, простоять три часа под палящим солнцем, не обнаруживая при этом явных признаков утомления. В отличие от Г.А.Насера его нельзя было назвать в прямом смысле этого слова публичным политиком. Скорее он был мастер закулисной игры и тонкой политической интриги. Он редко появлялся на публике, хотя снискал немалую популярность у простых людей еще в прежние времена. При всей своей внешней открытости Х. Асад был подлинный гроссмейстер политической игры. Он был наделен масштабным мышлением и не лишен личной харизмы. В зависимости от обстоятельств он умел быть терпеливым, пронырливым, хитрым, красноречивым, жестким.

Х. Асад знал, что власть развращает людей, а абсолютная власть развращает их абсолютно. Он видел, как власть портит людей. В последние годы жизни он старался заменять их все время новыми. Но и они быстро становились такими же, как те, что были до них. Созданная им система власти каждый раз воспроизводила саму себя, каждый раз делая и переделывая людей в таких функционеров, которые бы действовали только в соответствии с заведенными в ней порядками. И если кто-то выбивался из общего строя и начинал или пытался действовать по-своему, того система безжалостно и без исключений обламывала. После начала мирного диалога с Израилем в первой половине 1990-х гг. наступило время очередной попытки Х. Асада укомплектовать власть новыми, по-настоящему порядочными и стойкими людьми, не меняя самой системы власти. Странно, что Х. Асад, очень хорошо понимавший невозможность и несостоятельность такого подхода, тем не менее, раз за разом пытался решить вопрос именно таким образом, вместо того, чтобы попытаться изменить саму систему. Скорее всего, он понимал все это. Но выстроенная им система, как это часто бывает, оказалась сильнее своего создателя, и Х. Асад стал ее заложником.

Отличительной особенностью режима Х. Асада являлась хрупкость возведенной им властной конструкции, основу которой составляли сложные сочленения межобщинных, клановых, семейных равновесий, в свою очередь, построенных на межличностных взаимных обязательствах. На протяжении более двадцати лет только недюжинные воля и ум президента Асада, его упорство и одновременно гибкость, способность к маневрированию, позволяли ему сохранить найденный баланс сил. Подобная коалиционная поддержка власти могла быть действенной только при соблюдении ряда непеременимых условий. Во-первых, участники коалиции должны были иметь хотя бы видимость участия в управлении государством. Во-вторых, основные социально-экономические потребности различных групп населения необходимо было удовлетворять, хотя бы по минимуму. В-третьих, сохранение баланса сил между

различными частями этой коалиции предполагало обеспечение лидирующих позиций алавитов в армии и спецслужбах. Только в этом случае режим мог гарантировать бесконфликтное сосуществование различных компонентов общественной базы своей поддержки друг с другом и алавитами. Поэтому реальная опасность для власти заключалась не столько во внешних врагах, сколько в нарушении целостности созданной Х. Асадом конструкции.

Таким образом, за годы правления Х. Асада в Сирии была создана авторитарная система правления и сильное с точки зрения внутренней безопасности государство. В то же время Сирия никогда не была в прямом смысле этого слова тоталитарным государством. Власть не пыталась управлять обществом исключительно на основе идеологии и осуществлять контроль над общественными процессами в государстве только через свои идеологические институты, как указывали некоторые зарубежные исследователи.²² В то же время, режим Х. Асада был персонифицирован до такой степени, что Сирия стала называться «Сирией Асада», о чем гласили многочисленные лозунги и плакаты на улицах сирийских городов. Контроль Х. Асада над системой частично обеспечивался за счет использования патронажной общественно-политической сети базирующейся на семейных, племенных, конфессиональных и земляческих связях. Одновременно практиковалась институализированная форма авторитаризма. Концентрация сверхвласти в руках президента гарантировала на практике, что Х. Асада не может быть смещен конституционным путем до тех пор, пока он сам не решит покинуть свой пост. Устойчивость власти в САР базировалась на следующих основных опорах – алавитская община и семейный клан Асадов, ПАСВ, армия и спецслужбы, государственный бюрократический аппарат и новая национальная буржуазия. Они обладали надежными каналами управления государством, были способны защитить режим в случае необходимости и обеспечивали в целом мирное сосуществование правящих элит.

2. Основы стабильности режима.

ПАСВ

Одной из крупных политических партий регионального характера является созданная в Сирии в апреле 1947 г. Партия арабского возрождения (Баас). Первый учредительный съезд Баас состоялся в Дамаске 4-6 апреля 1947г. На нем были приняты программа и устав партии, избрано руководство партии. В 1952 году Партия арабского возрождения объединилась с Арабской социалистической партией (АСП), опиравшейся на поддержку части крестьян и офицеров. После объединения новая партийная структура получила название Партии арабского социалистического возрождения /ПАСВ/.²³

Созданная в обстановке подъема антиколониальной борьбы арабских народов, бурного роста освободительных идей, среди которых широкое распространение получили призывы к объединению арабов, ПАСВ стала носителем и выразителем идей «возрождения» и «единства» арабской нации, достижения политической и экономической независимости арабских народов.

С 8 марта 1963 г. ПАСВ является правящей в Сирии партией. Придя к власти, баасисты, наряду с выдвинутой ими главной задачей достижения арабского единства, провозгласили своей целью переустройство общества на социалистических началах путем создания планового хозяйства в стране и развития народной демократии. ПАСВ сыграла важную роль в укреплении сирийского государства. Одним из самых значительных последствий баасистской революции стало укрепление и упрочение политического центра в САР. Впервые за долгие годы ПАСВ дала стране крепкое правительство, связывавшее баасистскую элиту с народом. ПАСВ дала возможность власти расширить политическое участие масс в общественном развитии и одновременно тесно контролировать их деятельность. Она также способствовала образованию необходимой спайки между городом и деревней, политическим центром и религиозными меньшинствами.²⁴

Идеологические установки баасизма обусловили структуру ПАСВ и систему ее высших руководящих органов. Верховным органом власти в партии являлся общерабский съезд. Высшим руководящим органом ПАСВ в промежутках между общерабскими съездами было Общерабское руководство (ОР), которое руководило деятельностью всех существующих в арабских странах баасистских партийных организаций и определяло общую стратегию партии. В организационном отношении партия была построена по производственно-территориальному принципу и разделена на 19 обкомов и парткомов.

В Сирии работой баасистских партийных организаций руководило Региональное (сирийское) руководство (РР), избираемое Региональной конференцией из состава членов ЦК ПАСВ. РР ПАСВ направляло деятельность обкомов, которые руководили райкомами. На заседаниях ЦК ПАСВ, достаточно регулярных, в первой половине 1980-х годов обсуждались важнейшие внешнеполитические и внутренние проблемы, вопросы внутрипартийной жизни.

Армейская партийная организация имела особый устав и возглавлялась специальным отделом, который имел непосредственный выход на президента как генерального секретаря ПАСВ и главнокомандующего ВС САР. Ведение партийно-политической работы в армии – монополия ПАСВ. Деятельность других партий, действующих вместе с ПАСВ в рамках созданного в 1972 г. Прогрессивного национального фронта (ПНФ), - своеобразной межпартийной коалиции, в армии была запрещена. Практически все армейское руководство и высокопоставленные сотрудники сирийских спецслужб являлись членами ПАСВ. Значительное число членов партии было представлено студентами и учащимися, рабочими, крестьянами, разночинной интеллигенцией, торговцами.

Положение ПАСВ как правящей партии в стране было закреплено в постоянной конституции САР 1973г. Конституция ставила ПАСВ и ее органы над административным

аппаратом. Статья 8 Конституции определяла, что ПАСВ руководит обществом и государством и стоит во главе ПНФ, который работает над объединением усилий трудящихся масс и мобилизует их на выполнение задач арабской нации.²⁵ Такой статус давал партии реальную власть в лице армии, служб безопасности, других институтов государственной власти. Она обладала широкой сетью легально действующих и имеющих реальную силу на местах партийных организаций. Это привело в последние десятилетия к значительному усилению самостоятельности региональных руководящих органов и их независимости от ОП ПАСВ в принятии решений и практической деятельности. В конце 1980-х, начале 1990-х гг. возглавлявшее почти 800-тысячную ПАСВ, Региональное руководство обладало, куда большими властными полномочиями, чем Общеарабское. Членство в этом органе формально являлось одной из самых высоких ступеней в партийно-государственной иерархии САР. Члены РР через подчиненные им отделы формировали политику режима, в частности по важным вопросам расстановки кадров в высшем звене аппарата /назначение губернаторов, послов и т.д./. В отличие от Общеарабского, Региональное руководство периодически использовалось Х. Асадом как дополнительный совещательный орган. Как правило, в РР /формально избираемое ЦК ПАСВ, а фактически назначаемое самим президентом/ входили баасистские функционеры со стажем, прошедшие хорошую школу партийной и административной работы в губернаторствах, университетах, общественных организациях. Не менее важным условием отбора в члены РР являлась поддержка и одобрение их кандидатур спецслужбами. РР представляло собой специфическую модель взаимодействия теневых и "фасадных" институтов в политической системе САР.

С момента своего образования ПАСВ прошла значительную трансформацию. В конце 1960-х - начале 1970-х годов, особенно после прихода к власти в стране Х. Асада ПАСВ не только принимала самое активное участие в проведении целого ряда важных социально-экономических преобразований, но и была своеобразным локомотивом и

генератором прогрессивных идей в обществе. Однако по мере укрепления режима личной власти Х. Асада ПАСВ на деле оказывалась лишенной реальных директивных прерогатив. Ее влияние на формирование политического курса режима неуклонно падало. Она все больше превращалась в послушный в руках президента инструмент власти, призванный, прежде всего, осуществлять политико-пропагандистское обеспечение принятых решений.

В значительной степени это объяснялось спецификой эволюции в 1980-1990-ые годы политической системы Сирии, которая внутренне консолидировалась не столько партийно-политическими, сколько этно-конфессиональными узлами, факторами личной лояльности Х. Асаду.

Практическая деятельность ПАСВ в этот период сводилась к решению следующих основных задач. Высшие партийные органы и организации ПАСВ занимались преимущественно вопросами политико-пропагандистского обеспечения деятельности сирийского руководства в области внешней политики и проводимых им политических мероприятий внутри страны. Обсуждение на пленумах ЦК и заседаниях партийного руководства хозяйственных и других государственных вопросов зачастую выполняло скорее пропагандистские, нежели практические цели, а принимаемые по этим вопросам решения, как правило, носили скорее декларативный характер и не имели обязательной силы. Наряду с этим баасистские партийные организации всех уровней служили своеобразным инструментом политического руководства для сбора информации о настроениях в различных кругах сирийского общества.

Ослабление роли ПАСВ в политсистеме САР видно на примере кадровой политики Х. Асада, проводившейся им в 1980-х гг. Хотя выдвижение партийных кадров на важные должности и посты в государстве являлось прерогативой РР ПАСВ, на деле все эти вопросы решал лично президент. Второстепенность положения партии в системе институтов власти проявлялась также и на региональном уровне в углубляющемся несоответствии между формально провозглашаемым приоритетом партийного начала

перед административным. Часто секретари обкомов ПАСВ, призванные играть руководящую роль на местах, оказывались в подчиненном положении у представителей местной гражданской и военной администрации. Во всех 14 провинциях САР реальная власть находилась в руках губернаторов, назначаемых и сменяемых лично президентом. По своему партийному статусу губернатор как член обкома ПАСВ находился ниже первого секретаря обкома. На практике же он, как и представители основных спецслужб, и командиры дивизий и корпусов, дислоцированных в провинции, часто не подчинялись решениям обкома ПАСВ. В результате работа местных администраций оказывалась практически парализована. Важным фактором ослабления ПАСВ стало растущее соперничество между Общесарабским и Региональным руководством за лидерство в партии и обычное в этом случае дублирование функций двух руководств. Усиливающееся несоответствие между формальным положением и фактическим весом РР и ОР ПАСВ в политсистеме САР, определенные трения между его руководителями - заместителями Х. Асада по партии вносили дополнительную неразбериху в работу партаппарата, стимулировали рост бюрократических тенденций в партии.

В условиях роста в САР тенденций капиталистического развития и укрепления позиций буржуазных кругов, углубления имущественного расслоения в сирийском обществе, усиливались процессы разложения и коррупции партийной верхушки, обострялись противоречия между рядовой массой членов и партийными верхами. В партийных рядах укреплялись настроения разочарования, способствовавшие развитию среди рядовых партийцев левых тенденций. Все эти негативные моменты и явления, отмеченные Х. Асадом на 8-ой Региональной конференции (съезде) ПАСВ в январе 1985 года, не могли не сказаться на характере и деятельности ПАСВ. По свидетельству некоторых высокопоставленных партийцев, деятельность партии к концу 1990-х годов оказалась фактически парализованной. Достаточно сказать, что с января 1985г. и вплоть до лета 2000г. не удалось провести ни одной Региональной конференции (съезда) ПАСВ,

что казалось особенно противоестественным в условиях переживаемых страной экономических трудностей, роста социальной напряженности и углубления идейно-политических разногласий в правящих кругах.²⁶

Несмотря на то, что реальная роль партии как одного из «центров силы» этой мозаичной системы власти имела в этот период тенденцию к некоторому снижению, на рубеже столетий ПАСВ по-прежнему сохраняла разветвленный контрольно-административный аппарат, уступавший по степени влияния на ситуацию в стране только спецслужбам. И хотя, роль самой партии отошла на второй план в механизме принятия политических решений, наиболее важные вопросы внутренней и внешней политики выносились на обсуждение РР ПАСВ, которое коллегиально утверждало поступающие из аппарата президента предложения, имевшие, как правило, обязательный характер. Достаточно эффективным являлся механизм управления на местах через баасистские организации. При отсутствии реальных альтернативных политических партий в САР вероятные претенденты на высшие государственные посты могли рассчитывать на успех только при поддержке и одобрении партии, и с этой точки зрения были заинтересованы в обеспечении стабильности в стране через структуры правящей партии и сохранении баасизма, как идеологического инструмента управления сирийским обществом.

Таким образом, хотя президент Х. Асад и управлял Сирией от имени ПАСВ, экономическая и политическая системы власти в САР (особенно в последние годы жизни Х. Асада) уже не так жестко соотносились с баасистской идеологией и принципами общественного согласия под эгидой партии в качестве политического авангарда. На самом деле желание режима сохранить свою устойчивость и реализовать намеченную схему передачи власти зачастую являлось более важным моментом, определяющим ход событий, по сравнению с партийной доктриной. Поэтому власть в этот период в значительно большей степени опиралась на вооруженные силы и органы безопасности.

АРМИЯ И ОРГАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ.

Пожалуй, ни в какой другой стране Арабского мира вооруженные силы не играли такой доминирующей роли как в политической жизни Сирии. С момента завоевания политической независимости в апреле 1946 г. национальные вооруженные силы являлись одним из ключевых элементов политической системы Сирии. Однако если в 1950-1960-е годы армия играла по большей части дестабилизирующую роль в обществе, то после прихода к власти в САР Х. Асада сирийские вооруженные силы превратились в мощный оплот правящей элиты в поддержании внутривластной стабильности и защите национальных интересов за рубежом САР (главным образом в Ливане-А.В.).²⁷

В период правления Х. Асада фактически было узаконено широкое участие представителей армии в партсоставе сверху донизу, в том числе в правительственном кабинете, в руководящих партийных органах, на дипломатическом поприще, в различных министерствах и ведомствах, хозяйственных, банковских и коммерческих структурах. Это качественно меняло роль армии в общественно-политической жизни страны и создавало особые условия для доступа армейской элиты в высшие эшелоны власти, к хозяйственным ключевым механизмам, основным финансовым потокам страны. При Х. Асаде армия и органы безопасности превратились в главную опору власти и стали принимать самое деятельное участие через своих представителей во властных структурах в выработке политического курса и его практической реализации. Неслучайно ближайшее окружение Х. Асада, участвовавшее в формировании политического курса, выработке и принятии государственных решений составляли преимущественно военные.²⁸

По сложившейся при Х. Асаде традиции в государственном и партийном аппарате более или менее ответственные посты занимали действующие или отставные высокопоставленные военные, а также лица, тесно связанные с армией и спецслужбами родственными или иными связями. Характерным примером, иллюстрирующим политику Х. Асада в отношении высшего командного звена армии, была его манера сохранять

высших офицеров на их постах в течение длительного времени. Например, бывшие начальник Управления военной контрразведки Али Дуба продержался на своем посту с 1974 по 2000 гг., начальник Генерального Штаба Х. Шехаби – с 1979 по 1998 гг., министр обороны М. Тлас – с 1974 по 2004 гг. Это становилось источником стагнации в армии, прежде всего, с точки зрения совершенствования ее профессионального уровня.

В Центральном Комитете и Региональном Руководстве (ЦК, РР) ПАСВ также работало много действующих и бывших военных и сотрудников спецслужб. При Х. Асаде практически вся армейская верхушка и руководство спецслужб являлись по должности членами руководящих партийных органов в т.ч. ЦК и РР ПАСВ. В середине 1990-х годов в состав ЦК входило 16 крупных военачальников и руководителей спецслужб. Мощные армия и силы безопасности были необходимы Х. Асаду для того, чтобы добиться максимальной автономии от внешних факторов, которые на протяжении всего периода независимого развития Сирии оказывали заметное влияние на внутренние дела этой страны.²⁹ Х. Асад достиг внутренней автономии в руководстве Сирией, сконцентрировав власть в руках своего клана путем проведения политики социального баланса. Если революционеры баасисты добились внутренней независимости от прежних правящих элит, подорвав их контроль над средствами производства и мобилизовав рабочих и крестьян с помощью ПАСВ, то Х. Асад стремился использовать армию с тем, чтобы развязать себе руки и ослабить жесткие партийно-идеологические установки, которые сдерживали инициированный сверху процесс модернизации государства. Несмотря на то, что Х. Асад всегда широко опирался на поддержку в армии, он стремился оградить себя от возможности военных переворотов. В этих целях он предпринял ряд мер и, прежде всего, сохранил и упрочил контроль ПАСВ над армией. Так, согласно статье 9 устава Прогрессивного Национального Фронта (ПНФ) от 1972 г., за ПАСВ закреплено исключительное право на политическую работу в вооруженных силах.³⁰

К концу 1980-х - началу 1990-х годов армия превращается в наиболее мощный «центр силы» сирийского общества и государства. Такому положению армии в сирийской политической системе способствовал не только субъективный фактор в лице Хафеза Асада, но и ряд важных объективных причин. Участие армейских частей в подавлении антигосударственного мятежа «братьев-мусульман» продемонстрировало самой армии и всему обществу, что вооруженные силы являются не только инструментом обороны национальной территории, но и могут быть успешно использованы для подавления внутренней оппозиции и защиты режима. Это восстание, пик которого пришелся на начало 1980-х гг. представляло собой реальную угрозу сирийскому режиму и, в конечном итоге, было подавлено с помощью армии и сил безопасности. Внутриполитический кризис в САР 1983-1984 г.г. показал реальную силу военных, с которой вынужден был считаться теперь уже сам президент. Уступая давлению Х. Шехаби, М. Тласа, А. Дубы и других высокопоставленных военных, Х. Асад вынужден был отправить в «почетную ссылку» своего брата Рифаата, обвиненного верхушкой сирийского генералитета в стремлении «узурпировать власть» в САР в период болезни Х. Асада.³¹ Таким образом, сирийский генералитет дал ясно понять, что армия политически активна и сильна, а ее верхушка стремится не только сохранить определенную автономию по отношению к политической власти, но и реально участвовать в процессе выработки и принятия важных государственных решений. При необходимости военные были способны действовать самостоятельно и решительно, особенно, если речь шла о защите собственных привилегий и интересов.

По мере укрепления своего авторитета армейская верхушка САР завоевала значительную властную автономию, приобрела определенную независимость и относительную самостоятельность в процессе выполнения властно-управленческих функций. Имевшийся у высокопоставленных представителей сирийской военной элиты и служб безопасности доступ к контролируемым государством ресурсам, а также их

деятельность в качестве посредников между бизнесом и государством позволили им накопить немалые средства и добиться определенной материальной независимости и финансовой самостоятельности в своих отношениях с политической властью. В значительной мере, политическая власть зависела от служб безопасности, которые служили главным инструментом контроля над обществом и наиболее могущественными органами государства. Они были глубоко вовлечены в повседневную жизнь страны и народа. Проверка по линии спецслужб была необходима для любого гражданина при его приеме на работу или повышении, для занятия общественной и политической деятельностью. Даже кандидатуры членов партии при назначении на партийные должности согласовывались со спецслужбами. У спецслужб была разветвленная сеть информаторов. Несмотря на то, что специальные службы, как правило, не использовали жесткие репрессивные меры, их влияние ощущалось повсеместно: в университетах, на публичных собраниях, профсоюзах и т.п. Спецслужбы осуществляли постоянный контроль над умеренной оппозицией и отдельными диссидентами. В провинциях влияние специальных служб было еще выше. При провинциальной администрации действовали так называемые комитеты безопасности, в состав которых входили губернатор, глава обкома ПАСВ и начальник территориального управления спецслужб. Несмотря на то, что формальный статус начальника территориального управления спецслужб был ниже, чем у губернатора и председателя обкома, его мнение в ряде случаев оказывалось весомее. Руководители основных спецслужб входили в круг лиц, принимавших решения по важным политическим вопросам.³²

Таким образом, на рубеже 1990-х годов влиятельные представители сирийского генералитета приобрели значительную личную самостоятельность и сформировали свой «круг влияния» во властных структурах общества. Усилившийся контроль военной элиты над обществом позволял ей оказывать все возрастающее влияние на политику

государства, исходя из своих узкокорпоративных интересов, и еще больше укреплять социально-политические позиции своих властных представителей.³³

После кувейтского кризиса 1991 г., в ходе которого Сирия встала на сторону возглавляемой США антииракской коалиции, распада СССР, Дамаск сделал выбор в пользу мирного варианта решения ближневосточной проблемы. Подобная позиция Х. Асада не могла не вызвать опасений и неудовольствия армейской верхушки и руководства органов госбезопасности, которые опасались, что могут пасть первыми жертвами перемен внешнеполитического курса. Многие сирийские генералы настороженно отнеслись к перспективе замирения с Израилем. Они также исходили из того, что в условиях мира и отмены закона о чрезвычайном положении особый статус военных в сирийском обществе будет существенно ограничен и, генералы лишаться весомого участия в принятии политических решений, потеряют значительную часть своих привилегий.³⁴

Расхождение между президентом и группой высокопоставленных военных в оценках возможной позиции Сирии в отношении кардинальных изменений международной обстановки представляли собой лишь одну плоскость комплексной проблемы взаимоотношений Х. Асада и высшего сирийского генералитета. По мере изменения внешнеполитических задач Х. Асад все острее ощущал необходимость осуществления внутренних преобразований, в целях сохранения режима и стабильности власти в постконфронтационный период. Отсутствие в течение довольно долгого времени заметных кадровых подвижек на высших постах в армии и спецслужбах вело к значительному упрочению внутривластных позиций отдельных представителей сирийского генералитета.³⁵ Опираясь на реальную силу находящихся в их подчинении частей и подразделений, тесно взаимодействуя с коррумпированными элементами госаппарата, пользуясь своим связями с теневыми структурами, они начинали все больше претендовать на особую роль в государстве. Сильное раздражение Х. Асада вызывали активные попытки этих деятелей вмешиваться во внутрисемейные, внутриклановые дела,

оказывать влияние на планы президента в деликатных вопросах преемственности власти. Без глубокой реформы армии и спецслужб (как минимум, ротации и омоложения их кадрового состава) нельзя было серьезно рассчитывать на успешное осуществление планов Х. Асада по постепенному адаптиванию Сирии к новой международной обстановке и ожидать эффективного разрешения сложных внутриэкономических проблем.

АЛАВИТСКАЯ ЭЛИТА И НОВАЯ СИРИЙСКАЯ БУРЖУАЗИЯ.

Более тридцати лет алавитская элита фактически правит Сирией. К началу 1990-х гг. завершился этап ее становления как общины, способной обеспечивать себе привилегированное положение в сирийском обществе. В руках алавитов находились мобильные и хорошо вооруженные подразделения специального назначения, обеспечивающие безопасность режима и лично президента Х. Асада. Особо следует выделить, так называемую, «дворцовую гвардию» Х. Асада, «роты обороны», полк президентской охраны и Дивизию республиканской гвардии (ДРГ). Сформированные во второй половине 1970-х годов под младшего брата Х. Асада Рифаата «роты обороны», насчитывали к началу 1980-х годов свыше 20 тысяч человек. В них абсолютно доминировали алавиты, большинство из которых было выходцами из района проживания семейного клана Асадов – Кардахи. Вплоть до своего роспуска в конце 1980-х годов «роты обороны» по сравнению с обычными армейскими частями имели более современное вооружение, располагали собственной службой разведки и контрразведки и т.п.³⁶ Заботясь об укреплении устоев власти, Х. Асад при назначении на ключевые посты в армии и органах безопасности отдавал явное предпочтение соплеменникам, выходцам из алавитской общины. Характерно, что, если в партгосаппарате при Х. Асаде одним из основных принципов кадровой политики было обеспечение сбалансированного представительства в них практически всех общин и конфессий, то в командовании вооруженных сил и руководстве спецслужб удельный вес алавитов был значительно

выше. Так, к концу 1980-х. - началу 1990-х годов удельный вес алавитов в руководстве партии и органах государственного управления составил, по некоторым данным, немногим более 30%. В тоже время среднее звено вооруженных сил практически на 70% было укомплектовано выходцами из алавитской общины. Если количество алавитов – руководителей в РР ПАСВ и правительстве можно было исчислить по количеству пальцев на одной руке, то старший комсостав сирийской армии (командиры бригад, дивизий) практически на 60% был укомплектован офицерами-алавитами, причем представляющими разные племена и родовые объединения. На рубеже 1980-х годов из 24 наиболее высокопоставленных сирийских военных деятелей, по крайней мере, 14 были алавитами. Значительным влиянием в армии традиционно пользовались выходцы из племен хаятын и мутавира. Как правило, они занимали наибольшее число ключевых должностей в высших и средних армейских эшелонах, руководстве органов безопасности. В течение нескольких десятилетий во главе одного из важнейших институтов вооруженных сил – Управления военной контрразведки, - без участия которого (будь то прямо или косвенно) не решался ни один серьезный вопрос в армии, стоял представитель племени мутавира Али Дуба. Еще один важный орган в системе армии и спецслужб – контрразведку ВВС и ПВО – долгие годы возглавлял соплеменник Х. Асада М. Холи.³⁷

Удержание власти алавитским меньшинством (около 12% населения САР) служило постоянным катализатором конфессиональной напряженности в стране и придавало неафишируемым религиозным различиям между алавитами и суннитами характер политических противоречий. С другой стороны, в Сирии набирали силу процессы, ведущие к постепенному сращиванию деловых суннитских кругов с алавитскими нуворишами. В результате религиозно общинные грани в определенной степени стирались развитием рыночных отношений. К тому же принцип личной преданности и забота о стабильности режима преобладали в понимании Х. Асада над соображениями конфессионального порядка. Поэтому одним из основных принципов устойчивости

алавитской власти являлся союз алавитских верхов с рядом крупных суннитских представителей торгово-финансовых и военно-бюрократических элит Сирии при полном контроле над госаппаратом, армией и спецслужбами со стороны алавитского сообщества. Более слабые в экономическом плане по сравнению с традиционной суннитской буржуазией, алавиты опасались, что, если рыночный характер экономики получит дальнейшее развитие (а именно таковой просматривалась наиболее вероятная перспектива социально-экономической эволюции САР в 21 веке), то алавитское меньшинство может не устоять перед нажимом суннитской буржуазии. Действительно, суннитская буржуазия стремилась к более тесному партнерству с алавитской властью. Суннитским бизнесменам была необходима поддержка влиятельных алавитских генералов и партгосаппаратчиков с тем, чтобы обойти бюрократические формальности и ограничения госрегуляторов и получить льготный режим доступа к иностранной валюте. В свою очередь алавиты, были заинтересованы получить через суннитскую буржуазия выход на западные рынки и обеспечить приток в САР денежных инвестиций из-за рубежа. Таким образом, складывавшиеся между суннитской буржуазией и алавитской верхушкой отношения являлись по своей сути не столько партнерским, сколь клиентским, когда алавитские патроны получали материальную выгоду от защиты деловых интересов суннитской буржуазии. В тоже время, с начала 1990-х годов новая сирийская буржуазия стала приобретать все более весомы позиции в качестве одной из опор режима, стабилизирующей силы в государстве. Х. Асад хорошо понимал, что новая сирийская буржуазия может в ближайшем будущем стать одним из ключевых элементов независимости и стабильности режима. Поэтому он посредством экономической либерализации стремился открыть доступ буржуазии к властным институтам. Однако формирование сплоченного прорежимного класса требовало не только более тесного сближения частного суннитского капитала с алавитской властью, но и более широкой политической либерализации в САР.³⁸

Клановые аспекты алавизма не выражали в полной мере суть властной вертикали при Х. Асаде. Действительно, алавиты занимали доминирующие позиции во властных структурах, но их окружали другие фигуры, которые отражали более глубинные процессы в сирийском обществе. Это неалавитское окружение было достаточно сильным, чем обычно принято считать. Именно его представители способствовали приходу к власти в САР в 1963 г. новых социальных сил и свержению прежней правящей элиты в лице городской суннитской аристократии. До революции 1963 г. сунниты из сельских местностей были лишены какой-либо заметной социальной активности. Путь к власти им был закрыт, и они действовали на самых низких ступенях общественной иерархической пирамиды вместе с другими этническими и конфессиональными меньшинствами. В 1960-х годах они смогли выдвинуться, а после прихода Х. Асада к власти их продвижение ускорилося, хотя и во многом зависело от принятия первенства алавитов. Постепенно они заняли влиятельные посты в государственных учреждениях. Среди наиболее видных представителей этой группы можно упомянуть вице-президента САР Абдель Халим Хаддама, бывшего министра обороны М. Тласа и начальника Генерального штаба Х. Шехаби. Именно они, наряду с влиятельными представителями алавитской общины, составляли ближайшее окружение сирийского президента. Суннитская экономическая элита, главным образом торговая буржуазия Дамаска, с начала 1990-х гг. стала также постепенно интегрироваться во власть. Прирожденные бизнесмены и толковые менеджеры, они умело использовали начавшуюся с приходом Х. Асада экономическую либерализацию для укрепления своих позиций в обществе, и через систему брачно-родственных связей эффективно лоббировали свои экономические интересы в управленческих структурах. Однако их влияние на механизм принятия решений было ограничено, а участие как партнеров власти оставалось весьма незначительным.³⁹ Конфессиональные меньшинства – христиане, друзы, исмаилиты также рассматривали власть алавитов как определенную гарантию своей безопасности и сохранения своего

общественного статуса, который, как они полагали, мог измениться в случае абсолютного господства суннитов. Представители этих групп сирийского населения занимали серьезные политические и экономические позиции в государстве и в силу этого оказывали самое непосредственное влияние на формирование правящей сирийской элиты.

Таким образом, созданный Х. Асадом режим в значительной степени соответствовал интересам основных групп сирийского населения, обеспечивая, таким образом, широкую общественную базу поддержки режима и социальный мир в стране, и отражал те сирийские реалии, которые сложились на рубеже 1970 – х. гг. и практически не менялись в течение последующих трех десятилетий.

ГЛАВА III

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ БАШАРА АСАДА.

СИРИЙСКИЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ.

Несмотря на то, что Б. Асад, как указывалось выше, занял все высшие посты в государстве, в начале своего президентства он был вынужден делить власть с другими представителями правящей элиты и в отличие от своего отца не мог распоряжаться всем властным ресурсом. Поэтому в первые годы нового столетия Сирией управляло так называемое «теневое коллективное руководство», костяк которого составляли друзья и соратники Х. Асада. Нередко их именовали «старой гвардией».⁴⁰ Немалая часть высшего сирийского генералитета, а также представители «старой гвардии» рассматривали Б. Асада, прежде всего как компромиссную фигуру, способную примирить их властные амбиции и не допустить дестабилизации внутреннего положения в САР. Об этом косвенно может свидетельствовать заявление бывшего министра обороны САР М. Тласа – одного из ближайших друзей и соратников покойного президента (знаком с Х. Асадом с 1953

года – А. В.). Он, в частности, рассказывал, что после кончины Х. Асада сирийское руководство встало перед выбором, – «либо рекомендовать на пост президента министра обороны М. Тласа, либо вице-президента А. Х. Хаддама. Однако избрание на этот пост членов «старой гвардии», чей возраст приближался к 70 годам, могло бы потребовать частой смены президента, что отрицательно сказалось бы на стабильности власти в стране. Поэтому было принято единодушное решение назначить на пост президента «молодого доктора Башара». Указанная группа высокопоставленных представителей партгосаппарата, армии и спецслужб, возможно, рассчитывала, что приход к власти в САР Б. Асада будет способствовать сохранению прежней политической и экономической системы и позволит им удержать в своих руках контроль над важнейшими политическими, экономическими и финансовыми рычагами управления Сирией. Их отношение к реформам было очень емко охарактеризовано М. Тласом в интервью спутниковому каналу Абу Даби 12 апреля 2001 года «... в деятельности правительства встречаются ошибки, но Башар исправит их». Президенту часто приходилось идти на компромиссы по вопросам реформ и кадровым назначениям. Высокопоставленные представители прежней правящей элиты продолжали играть важную роль в политической жизни Сирии. В тоже время они не представляли реальной угрозы стабильности президентской власти, которая базировалась на следующих основных источниках.

Еще, не будучи президентом Б. Асад завоевал в обществе и политической элите авторитет как способный и надежный советник Х. Асада и приобрел статус его вероятного преемника. Он продемонстрировал хорошее знание и понимание сути новых мировых процессов, а также умение обращаться с современными политическими и информационными технологиями. В отличие от большинства представителей традиционной сирийской элиты Б. Асада хорошо отвечал представлениям Запада о лидере современного типа и пользовался популярностью внутри Сирии. Неоспоримым преимуществом Б. Асада являлось то, что он хорошо лично знал многих представителей

прежней правящей элиты. Президентский статус Б. Асада легитимизировал использование им широких властных полномочий согласно действующей конституции. В партии, силовых структурах и алавитской общине он пользовался поддержкой как преемник своего отца. В реформаторской среде он воспринимался как представитель молодого поколения властной сирийской элиты, сформировавшегося во времена правления Х. Асада. И, наконец, за последние 1,5-2 года Б. Асад существенно укрепил свою власть путем систематических назначений лояльных людей на важные посты в государстве.

1. Идеология перемен. Борьба за выбор пути развития.

Приход к власти Б. Асада породил в широких массах населения ожидания перемен. Сам президент подпитывал подобные настроения своими заявлениями и символическими шагами, назначением новых кадров в политические и административные структуры власти. После прихода к власти Б. Асад решительно приступил к проведению нового этапа экономической и социально-политической либерализации и попытался ускорить темпы модернизации Сирии. В своей инаугурационной речи перед парламентом 17 июля 2000 г. Б. Асад обратился к сирийскому народу с призывом «обновить старые и дать новые идеи». Его речь была полна оптимизма, уверенности в своих силах, надежды и веры в будущее. Он высказался, в частности, за большую открытость сирийской политической культуры и необходимость административной реформы в САР. Инаугурационная речь Б. Асада была многими расценена как декларация о реформах.⁴¹ Слова Б. Асада о «демократическом мышлении» и «принципе принятия противоположного мнения» отвечали либеральным воззрениям части сирийского населения. Декларация принципов административной реформы, равенства перед законом и борьбы с коррупцией, несомненно, имели далеко идущие последствия для определения перспектив внутренней политики и основных направлений перестройки властных структур, будущих роли и места

общественных институтов САР. Б. Асад также предпринял ряд шагов, призванных продемонстрировать движение к большей политической открытости.

В начале января 2001 г. появилось т.н. «послание тысячи» - обращение представителей сирийской интеллигенции к Б. Асаду. В послании сторонники реформ - либерально настроенная интеллигенция - решительно потребовали независимости судов, коренного реформирования Национального Прогрессивного Фронта, отмены действующего в САР с 1963 года закона о чрезвычайном положении, освобождении политзаключенных, свободы прессы, равенства женщин и т.п. Аналогичное обращение т.н. «меморандум 99» - группы сирийской интеллигенции, появившееся ранее в конце сентября 2000 г., вызвало не менее широкую поддержку общественности.⁴² Характерно, что его подписанты не подверглись арестам спецслужб. Некоторым даже было разрешено опубликовать статьи в местной прессе. Так, 1 октября 2000 г. передовица официальной сирийской газеты «Тишрин» поместила статью известного сирийского экономиста Арефа Далила, где говорилось о том, что однопартийная система власти в САР устарела и более не эффективна с точки зрения продвижения экономических реформ в стране. Характерно, что практически все выступившие публично в поддержку реформ не были раньше замечены в антирежимной деятельности и не выступали против перехода власти к Б. Асаду. В ноябре 2000 г. Б. Асад распорядился выпустить из тюрем 600 политзаключенных. Известная тюрьма в Дамаске в районе Меzze была закрыта. В сентябре 2001 г. были выпущены на свободу активисты одной из левых организаций, просидевшие 14 лет в тюрьме.

Молодой президент явно рассчитывал на поддержку заинтересованных социальных сил Сирии, - преимущественно интеллигенции и новых бизнесэлит.⁴³ Власти давали понять, что президент, если и не особенно рад такой «безмерной гласности и открытости», но в принципе не возражает против того, чтобы граждане публично выражали свои озабоченности. В отличие от прежней атмосферы политической цензуры и страха перед

спецслужбами, характерной для периода правления Х. Асада, Сирия оказалась вовлеченной в широкие политические дебаты. В ходе острых и широких дискуссий о масштабах, сроках и глубине реформ, охвативших не только крупнейшие города, но и провинциальные центры страны, выявилось несколько общественных течений и групп, выступавших за те или иные пути развития Сирии.

Наиболее многочисленной и организованной была группа так называемых «консерваторов». Они стремились сохранить прежнюю политическую систему. Оставить без видимых изменений внутри и внешнеполитический курс Сирии времен Х. Асада. В тоже время представители этой группы признавали, что в ходе правления Х. Асада были допущены определенные просчеты, которые необходимо было исправить. Главным лозунгом их движения была «преемственность». Они считали, что достижения прежнего режима не должны игнорироваться, и выступали против слишком быстрых и решительных преобразований в политике и экономике, которые, на их взгляд, могли подорвать внутривнутриполитическую стабильность, а также ослабить позиции Сирии на региональной и международной арене. Подобных взглядов придерживались представители «старой гвардии», такие как вице-президент САР А. Х. Хаддам, бывший министр обороны М. Тлас, а также ряд молодых представителей правящей элиты. Социальной основой этой группы была значительная прослойка партийно-бюрократического аппарата, руководители профсоюзных организаций, а также часть интеллектуальной элиты общества (писатели, журналисты, университетские профессора), которая связывала свою судьбу с прежней системой.

Представителей другого не менее многочисленного течения можно было условно назвать «реформаторами» или «технократами». Они выступали за модернизацию и претендовали на то, чтобы занять ведущие позиции в обществе. Нередко с ними ассоциировали самого Б. Асада и часть его ближайшего окружения. Сторонники этого движения полагали, что, если Сирия хочет адаптироваться к требованиям растущей

региональной конкуренции и новой геополитической обстановки, то необходимо серьезно реформировать прежние государственные институты и политическую систему власти. В основу реформ они ставили постепенную техническую модернизацию, масштабное обновление и переподготовку руководящих кадров. Лейтмотивом их взглядов на реформы была экономическая модернизация, за которой, как они считали, автоматически должны последовать перемены в политической системе, что позволит избежать возможной нестабильности в обществе. Социальной базой поддержки этого движения была сирийская технократическая элита, а также новые кадры руководства ПАСВ. Среди сторонников подобной точки зрения на пути реформ была также часть сирийской молодежи. Они считали, что их карьерный рост тормозится засильем старых управленческих кадров. Некоторые руководители спецслужб также поддерживали «технократов», опасаясь, что длительный застой в обществе в условиях отсутствия технического прогресса может вызвать нежелательные политические потрясения и даже спровоцировать политический кризис в САР.

Наиболее малочисленная группировка сторонников реформ придерживалась крайних взглядов и выступала за полный слом прежней политической системы. Сторонников этого направления представляли так называемые «либерально-демократические реформаторы», которые на деле никогда не порывали связей с режимом. Осознавая свою политическую слабость и малочисленность, они стремились создать коалицию и различного рода союзы со сторонниками постепенной модернизации. Заявляя о своей готовности к сотрудничеству с президентом и его командой технократов-реформаторов, они в тоже время призывали к коренному изменению системы власти и поэтому зачастую оказывались в оппозиции к режиму. Их главным лозунгом была политическая модернизация, утверждения равенства перед законом, отмена однопартийной системы власти. Среди наиболее видных представителей этого движения была группа либеральных интеллигентов. Это профессор экономического факультета

Дамасского госуниверситета Ареф Далили, писатель и журналист Мишель Кило, адвокат Анвар аль-Бунни и другие подписанты «меморандума 99», а также ряд независимых политиков типа депутата сирийского парламента Рияда Сейфа и некоторые крупные промышленники. Их поддерживали также многие члены националистических и леворадикальных политических группировок, а также некоторые молодые члены ПАСВ. Участники этого движения были плохо связаны друг с другом, а их группа имела весьма аморфную структуру.

Представители этих трех основных течений и групп составили ядро так называемого «движения за гражданское общество», которое возникло в первые несколько недель после прихода к власти Б. Асада. Активная деятельность «движения» в Дамаске побудила к более смелым действиям их активистов в провинции. В августе 2000 г. независимый депутат Рияд Сейф объявил о создании «клубов друзей гражданского общества». Через две недели Р. Сейф созвал первое заседание такого клуба у себя дома. В дальнейшем подобные встречи стали традиционными. На них читали лекции по острым вопросам политики. Большое число представителей сирийской интеллигенции открыто собирались в частных домах, превращенных в своеобразные «политические клубы», и вели острые дискуссии о судьбах реформ.⁴⁴ Более того, власти в начале в целом толерантно относились к требованиям интеллигенции о свободах. Сами баасисты, защищая линию ПАСВ, очень скоро оказались вовлеченными в эти дискуссии. В январе 2001г. около 20 депутатов создали т.н. «независимый парламентский блок» и 70 адвокатов опубликовали заявление с требованием отменить закон о чрезвычайном положении 1963 г., осуществить принцип независимости судов и дать легальную возможность создавать политические партии за рамками НПФ. В Дамаске официально начала работать так называемая «комиссия по защите прав человека» во главе с сирийским журналистом Ахтамом Наиса, который с 1991 по 1998 гт. находился в тюрьме по обвинению в критике режима. Среди участников «движения» и «политических ассамблей и клубов» шли

постоянные споры о масштабах и скорости реформ в Сирии, содержании текстов деклараций и петиций и т.п. Однако не следует преувеличивать глубину этих разногласий. Все они, так или иначе, действовали в рамках единого проекта. Плюрализм этого движения способствовал изменению политической атмосферы в стране. В Сирии и за рубежом заговорили о «Дамасской весне». Возникшие во второй половине 2000 г. в САР «политические клубы и ассамблеи» и общественные организации в поддержку развития гражданского общества в Сирии Б. Асад стремился в начале использовать для укрепления позиций сторонников реформ в госаппарате и армии, чтобы ограничить противодействие старой военно-бюрократической элиты Сирии⁴⁵. С этой же целью президент предпринял попытки дать больше свободы национальным средствам массовой информации. Во главе ведущих государственных газет были поставлены бывший профсоюзный деятель, оппонент прежней власти по социально-экономическим вопросам Махмуд Салама – «Ас-Саура» и один из ведущих сотрудников Центра стратегических исследований САР Х. М. Аль-Джарад - «Тишрин». Впервые за последние полвека в Сирии было разрешено издание частных газет. Конечно, право на издание независимых газет было ограничено и разрешено только трем из шести политических партий, сотрудничающих с ПАСВ в рамках Национального Прогрессивного Фронта. Первая такая газета – «Нидаль Аш-Шааб», издающаяся Сирийской коммунистической партией, вышла в начале января 2001 и критиковала решение правительства разрешить деятельность в Сирии частных банков. Впервые с 1963 г., с момента прихода к власти партии «Баас», стала легально издаваться газета, не отражающая и не разделяющая официальную идеологию правящей партии. В то же время, государственные газеты публиковали острые статьи с критикой экономической политики правительства. Б. Асад лично встретился с редакторами газет и поддержал их стремление печатать материалы по реформам в САР. Стремясь сблизить народ и власть и продемонстрировать ее открытость перед обществом, Б. Асад приказал убрать свои портреты с улиц и площадей сирийских городов и запретил выставлять их в

публичных местах, что в такой стране как Сирия уже само по себе являлось заметным событием.⁴⁶ Действительно, для укрепления своего имиджа сторонника демократических преобразований новому президенту было достаточно на первых порах сделать не так уж и много. Во время поездки по стране, он публично появился в торговой зоне г. Алеппо. В то время как его отец Х. Асад после мятежа «братьев-мусульман», которые особенно активно проявили себя именно в г. Алеппо в конце 1970-х, начале 1980-х гг., ни разу не посетил эту «северную столицу» САР. Эти и другие шаги молодого президента в условиях жестко контролируемой ситуации в стране представлялись важными изменениями и давали надежду сирийцам на будущее, которое большинство из них, особенно молодежь, связывали с именем Б. Асада. Таким образом, через полгода после прихода к власти Б. Асада демократические и реформистские тенденции стали играть заметную роль в политической жизни САР, и власть не могла их просто игнорировать. В тоже время эти тенденции не смогли институализироваться и превратиться в массовое народное движение.

Очень скоро перед Б. Асадом встал ряд сложных вопросов. Как органично вписать новый режим в современный мир? Каким образом провести либерализацию в стране, чтобы укрепить национальную экономику и сохранить при этом контроль над властью? Как в процессе реформ избежать возможной внутренней конфронтации и политической дестабилизации? Тем более что, для консервативной части правящей элиты эти перемены были весьма тревожным знаком. Когда темпы инициированной Б. Асадом политической либерализации ускорились, представители консервативного движения быстро объединились и сумели сделать все возможное, чтобы затормозить процесс реформ в САР. Да и сам президент, обеспокоенный напористой риторикой со стороны «гражданских обществ», не был заинтересован в том, чтобы втягиваться в процесс быстрых перемен глубже, чем считал необходимым сам Б. Асад и его команда реформаторов. Вскоре политическое руководство перешло в контрнаступление, пытаясь в

начале вернуть господство на поле политических баталий. Однако очень быстро вслед за этим власти перешли к административным и репрессивным мерам. В середине февраля 2001 года по поручению Регионального Руководства ПАСВ 17 членов этого высшего партийного органа были направлены в провинции и выступили в университетах Сирии «с разъяснением политической ситуации» в стране. Руководил этой компанией вице-президент САР А. Х. Хаддам, который позднее публично обвинил сторонников политической модернизации в том, что они перешли «красную линию безопасности и стабильности государства».⁴⁷ А.Х. Хаддам предупредил университетских профессоров, что интеллектуалы распространяют идеи, подрывающие единство нации. Он даже провел в этой связи параллель с алжирскими событиями 1992 г.⁴⁸ Сам Б. Асад в одном из своих интервью заявил, что те, кто делает подобные заявления «предпочитают перевороты и оккупацию стабильности, которая была установлена в 1963 г. и укреплена в 1970». В марте 2001 г. Б. Асад дал ясно понять, что национальное единство, партия Баас, вооруженные силы и курс Х. Асада не подлежат обсуждению и критике.⁴⁹ Другие представители власти обвиняли интеллектуалов в предательстве, игнорировании арабо-израильской борьбы и чернении достижений ПАСВ. Подписанное 20 февраля 2001 г. заместителем генерального секретаря ПАСВ А. Аль-Ахмаром внутреннее циркулярное письмо партии обвиняло сторонников реформ в служении интересам «врагов родины» и «ослаблении государства». В официальном заявлении ПАСВ от 18 марта 2001 года некоторые представители сирийской интеллигенции обвинялись в «связях с заграницей и провоцировании анархии в стране».⁵⁰ Предложения и требования сторонников демократизации и политических свобод были охарактеризованы как «разрушающие и ослабляющие государство». Сторонники реформ обвинялись в забвении «сионистской угрозы», игнорировании общепарабской роли САР и арабо-израильского конфликта. К данной компании присоединился и министр обороны САР М. Тлас, который 12. 04. 2001 в интервью спутниковому каналу Абу Даби обвинил подписантов «послания тысячи» в

«сотрудничестве с ЦРУ и врагами Сирии». Министр обороны М. Тлас заявил, что «мы не потерпим, чтобы кто-либо отобрал у нас власть, за которую мы заплатили кровью».⁵¹ Особое раздражение М. Тласа вызвал тот факт, что подписанты «петиций» ни словом не обмолвились об арабо-израильском конфликте. Спустя 4 дня после заявления М. Тласа инициативный комитет в поддержку восстановления гражданского общества в САР выступил с новой «декларацией принципов», где содержался призыв к оказанию «всесирийской» поддержки палестинской интифады. Подписанты двух петиций выпустили новый меморандум. В нем повторялись требования базовых принципов демократии, но одновременно содержались положения призванные умиротворить власти. Говорилось не только об арабском единстве, но и «сионистском враге». В тоже время демократия рассматривалась как «острое оружие», способное обеспечить успех в борьбе с этим врагом.⁵² Хотя власти дали ясную отповедь активистам гражданского общества, не все в руководящих кругах и окружении президента хотели покончить с новой атмосферой открытости. Однако судьба демократических реформ в САР была уже предreshена. Действия «консерваторов» были настолько стремительны, целенаправленны, сплочены и концентрированы, что застали врасплох не только аморфную и плохо организованную группу либеральной интеллигенции, но и сторонников реформ в армии и спецслужбах. Даже такой высокопоставленный сотрудник спецслужб, как генерал Бахджет Сулейман, известный своими либеральными взглядами еще при жизни Х. Асада и тесно связанный с семейным кланом Асадов, был вынужден пойти на попятную, - перестал высказываться в пользу перемен и оказывать свое обычное покровительство ряду сирийских интеллектуалов.⁵³ В середине февраля 2001 г. власти положили конец работе большинства «политических клубов», поставив перед их деятельностью такие административные барьеры, которые они не могли преодолеть. Было закрыто 14 «гражданских обществ» и «политических клубов». Деятельность оставшихся была жестко ограничена. Многих активистов «гражданских обществ» персонально предупредили о необходимости

прекратить их деятельность. Не пожалели даже депутатов сирийского парламента. В августе 2001 г. был заключен под стражу объявивший ранее голодовку протеста против действий властей депутат от Дамаска М. Хомси. С Р. Сейфа сняли депутатскую неприкосновенность, и против него началось судебное преследование по обвинению в нарушении конституции. Статьи, в которых Р. Сейф был представлен марионеткой в иностранных руках, публиковались в одном из прорежимных журналов в Лондоне и в частном «сатирическом» журнале.⁵⁴ В сентябре Р. Сейф возобновил деятельность своего клуба и пригласил туда сирийского эмигранта ученого-социолога Бурхана Гальюни. Через несколько дней Р. Сейф и 8 его соратников, в том числе А. Далили, который в течение долгого времени выступал против коррупции и плохого управления экономикой, были арестованы. М. Хомси и Р. Сейф публично выступили против политики нынешнего режима в САР, прекращения борьбы с коррупцией, отхода от ранее провозглашенных Б. Асадом принципов. В опубликованной в газете «Тишрин» статье Р. Сейф и М. Хомси обвинялись в том, что они своим поведением спровоцировали власти на жесткие действия, которые фактически означали отступление демократии в Сирии и обострение конфликта власти и прессы.⁵⁵ Рияд Турк один из лидеров коммунистического движения Сирии, который провел 17 лет в тюрьме при Х. Асаде был также арестован, после того как назвал бывшего президента «диктатором», выступая на спутниковом канале Аль-Джазира. Эти изменения отразились на «гражданских обществах» и сказались на активистах «политических клубов». Они вынуждены были снизить свою активность. Уже к середине 2001 г. постепенно был установлен определенный контроль над СМИ, а ряд прогрессивных редакторов был уволен. Главный редактор правительственной газеты «Ас-Саура», написавший в редакционной статье, что согласие в обществе может быть достигнуто не путем односторонней официальной пропаганды, а посредством политического, экономического и культурного плюрализма, подвергся давлению со стороны министра информации и был отправлен в отставку в мае 2001 г.⁵⁶ Смещение М.

Салама, который был поставлен на этот пост лично Б. Асадом, давало ясный сигнал, что президент был вынужден взять сторону «консервативных» кругов. Одновременно в сирийской прессе прежний термин «реформы и обновление», который использовался для обозначения новой эры, был заменен на более нейтральный с точки зрения официальной пропаганды - «развитие и модернизация».

Вскоре демократическая активность в Сирии оказалась фактически свернутой, политическая деятельность в стране была вновь поставлена под жесткий контроль спецслужб, а многие политические активисты получили недвусмысленные предупреждения от власти. Некоторые из них были арестованы. Бурные протесты в Сирии и за рубежом в связи с кампанией арестов вынудили сирийские власти пойти на определенный компромисс. Спустя два месяца после ареста М. Хомси и Р. Сейфа, обвинявшихся в антигосударственной деятельности, было объявлено о том, что судебный процесс над ними будет открытым. На суде Р. Сейф и М. Хомс были приговорены к 5 годам тюрьмы. А. Далили к 10 годам. Остальным дали от 2 до 5 лет.⁵⁷ Одновременно по случаю годовщины «исправительного движения» в САР из тюрем было выпущено свыше 100 политзаключенных, преимущественно «братьев-мусульман», членов оппозиционных иракских и палестинских организаций.⁵⁸

Очевидно, вопреки своему желанию, Б. Асаду не удалось долго оставаться «над схваткой», куда его активно втягивали противоборствующие стороны, и очень скоро пришлось определять свою позицию. На деле президент не смог полностью встать на сторону демократических реформ, и вынужден был на время отложить трансформацию политической системы в либеральную демократию, ограничившись заявлениями о необходимости «учета сирийского демократического опыта», представляя НПФ как «пример подобной демократии». Как утверждали в осведомленных сирийских кругах, большое впечатление на Б. Асада произвело заседание Регионального Руководства ПАСВ в феврале 2001 г. В ходе острых и бурных дискуссий о происходящих в сирийском

обществе процессах обнаружилось практически полное единство взглядов и схожесть позиций как «старых», так и «новых» гражданских и военных членов партийного руководства. Практически все участники партийного форума критиковали распространение в обществе явлений «распушенности и цинизма», «размытости идеалов», «падения морали, нравственности и дисциплины», высказывая в этой связи свою озабоченность за безопасность государства и стабильность власти в САР.

Поэтому, если в декабре 2000 г., выступая перед активом сирийских спецслужб Б. Асад высказался в том духе, что сирийские спецслужбы «имеют право знать что делают эти люди» (активисты гражданских обществ – А.В.), но, «они не могут воспрепятствовать им делать это», то уже менее чем через три месяца, в феврале 2001 г., сирийский президент заговорил о том, что «терпение имеет границы» (имея в виду деятельность тех же активистов – А. В.)⁵⁹

Аресты нанесли серьезный удар либерально-демократическому движению в САР и разочаровали тех демократов, кто связывал надежды на политические изменения с именем президента Б. Асада. Режим скорректировал курс реформ, а органы госбезопасности восстановили и укрепили свое влияние в обществе. И хотя «комитеты в защиту гражданского общества» продолжали собираться в частном порядке и публиковать свои заявления в ливанских газетах, западных СМИ и в Интернете, «Дамасская весна» закончилась.

2. Модернизация и проблема стабильности власти.

Пределы реформ.

На самом деле Б. Асад попал в весьма непростое положение. С одной стороны, - не желавшие считаться с тем, что мир вокруг них меняется,- представители т.н. «старой гвардии», давние друзья и соратники его отца, которым он в значительной мере был

обязан своим избранием на высший пост в государстве, с другой, - высокие и устойчивые ожидания больших экономических и политических свобод, которые связывались в различных слоях общества с личностью молодого президента, а также собственная убежденность в необходимости коренных социально-экономических реформ, невозможных без демократических преобразований. Сложность ситуации, в которой оказался Б. Асад, хорошо видна в его интервью 08.02 2000г. газете «Аш-Шарк Аль-Аусат», где Б. Асад в частности заявил, что, несмотря на прикладываемые им усилия, он не может обещать какого-либо прогресса, поскольку он (прогресс – А. В.) зависит не только от одного президента, а от всех слоев общества. Такое своеобразное обращение к народу, было сбалансировано высказанным Б. Асадом в том же интервью сомнением в необходимости устанавливать какие-либо временные рамки реформ, особенно в политической сфере. Таким образом, президент как бы давал понять, что он выступает за реформирование общественно-политической жизни страны, но путем эволюции, а не революции.

Б. Асад был вынужден допустить атаку на демократические реформы, поскольку его собственные позиции на властном поприще были в тот период еще не достаточно крепки. Возможно, чисто по человечески его раздражали и беспокоили настойчивые требования ускорения темпов реформ, обвинения в некомпетентности руководства, его коррупционности со стороны независимых депутатов и интеллигенции. Однако, скорее всего, Б. Асад и его соратники мало верили обвинениям, предъявленным Р. Сейфу и другим реформаторам-либералам в том, что они «иностранные агенты». Высокопоставленные представители правящей элиты не относились серьезно к этим обвинениям. Подобная терминология хорошо воспринималась на уровне низшего и среднего звена партгосаппарата. Некоторые официальные представители власти пытались оправдать крах движения за гражданское общество, утверждая, что его активисты делали не то и не в то время, не считались со сложными международным положением вокруг

Сирии. Однако региональная обстановка вряд ли могла быть решающим фактором в применении репрессий со стороны властей. В тоже время, обострение палестино-израильского конфликта и приход к власти в Израиле А. Шарона в феврале 2001 г. облегчали реформаторской команде президента принятие аргументов «консерваторов» и способствовали сплочению с консервативными элементами в партийном руководстве и спецслужбах. С другой стороны планы самого Б. Асада и большинства молодых представителей элиты на данном этапе не выходили за рамки модернизации и не предполагали системных изменений и широкой демократизации. В качестве приоритетного направления реформ Б. Асад рассматривал, прежде всего, преобразования в сфере экономики и осуществление широкой административной реформы. Суть политики Б. Асада сводилась «не к подрыву, а к изменению существующей реальности». При этом речь шла о модернизации авторитарной системы, а не о ее ломке. Характерно, что представители реформаторской команды президента не отвергали концепцию либеральной демократии, но когда дело касалось Сирии, они оставались на основах классической теории модернизации и утверждали, что демократия западного типа преждевременна для Сирии, чей народ в массе своей малообразован и беден. Они полагали, что сирийское общество пока еще не готово к демократии западного типа, но со временем по мере углубления темпов экономической модернизации такая постановка вопроса возможна.

Удачная экономическая конъюнктура 2000-2001 гг. - высокий урожай зерновых, доходы от транзита иракской нефти и финансовая поддержка арабских монархий Персидского Залива,- позволяла Б. Асаду и его реформаторской команде не торопиться с проведением политических реформ. В тоже время, предпринятые Б. Асадом в последующие годы шаги могли свидетельствовать, что сирийский президент не отказался полностью от планов политической модернизации Сирии.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ

В первой декаде декабря 2001 г. Б. Асад распорядился создать в рамках Народного Совета (парламента) САР специальную комиссию из представителей законодательных, исполнительных и судебных органов для выработки предложений по реформированию судебной системы в Сирии. При этом президент особо подчеркнул, что суд в Сирии должен стать независимым от влияния политиков и военных. Одновременно апелляционный суд САР принял решение (10 лет тюрьмы) по делу бывшего заместителя премьер-министра Сирии, министра экономики С. Ясина и министра транспорта А. Карима, которые обвинялись в нанесении экономического ущерба сирийскому государству в особо крупных размерах. Указанные лица были арестованы еще в мае – июне 2000 г. за получение крупных взяток в ходе заключения соглашения с французской компанией «Аэробус» на продажу в САР 6 гражданских самолетов на сумму 240 млн. долл. Замешанным в данном деле оказался также бывший премьер-министр САР М. Зоаби, который, как предполагают, решил не дожидаться ареста, и покончил с собой в мае 2000г.⁶⁰ В то время суд приговорил С. Ясина и А. Карима к 20 годам лишения свободы и арестовал принадлежавшее им имущество. Характерно, что это было последнее в САР крупное дело о коррупции, борьба с которой велась особенно жестко в последние годы жизни Х. Асада под руководством его сына Башара. Именно это обстоятельство позволило известному сирийскому писателю Тайибу Тизини заявить в ноябре 2000 г., что Б. Асад фактически свернул борьбу с коррупцией и медлит с проведением реформ, под влиянием своего ближайшего окружения.⁶¹ На самом деле коррупция оставалась острым моментом в жизни современной Сирии. Об этом могут свидетельствовать многие факты. Так, например, полученные в конце 2000 г. от Европейского инвестиционного банка кредиты на общую сумму в 182 млн. евро были «освоены» сирийским правительством к концу лета 2001 г. только на сумму в 1 млн. евро. Возможно, сирийские власти опасались, что Европейский банк может внезапно потребовать аудиторскую проверку и обнаружить

истинные размеры коррупции в САР⁶². Размер таможенных пошлин в Сирии один из самых высоких в регионе. При этом доходы государственного бюджета от таможенных поступлений незначительны. По некоторым данным, через таможню в обход государства ежегодно попадало в частные руки около 1 млрд. долл. США.⁶³ Судя по всему, Б. Асад хорошо осознавал, какую опасность представляла коррупция для стабильности и авторитета президентской власти и судьбы реформ в САР. 11 марта 2002 г. по обвинению в финансовых махинациях был арестован генеральный директор Сирийского коммерческого банка М. Мискаль. Его обвиняли в пропаже с банковских депозитов 5 млн. долл. США в результате инвестиционных операций с «ненадежным» иностранным банком. В этот же день был уволен генеральный директор сирийских авиалиний. 17 марта около 30 сотрудников министерств транспорта и экономики, а также Центра научных исследований САР были уволены и арестованы по обвинению в коррупции.⁶⁴

Таким образом, Б. Асад демонстрировал, что он намерен продолжить выполнение данных им в ходе своей инаугурационной речи обещаний реформировать Сирию.

РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА.

В первые годы президентства Б. Асада многие как в Сирии, так и за рубежом сетовали на отсутствие заметных перемен в политической системе страны. Действительно сама природа власти и ее структура мало изменились. В тоже время, представители политического руководства и сам президент считали, что политическая система Сирии подвергается постепенной эволюции. При этом происходящие перемены не затрагивали политической составляющей прежней системы власти. В качестве основной задачи реформ ставилось повышение эффективности экономики и административного управления. Большое значение придавалось программам кадровых замен в бюрократическом аппарате и омоложению персонального состава политической и административной элит путем ввода молодых и более образованных работников. Вместе с

тем эти программы носили ограниченный характер с точки зрения изменений структурных аспектов политсистемы. Предпринимавшиеся властью меры касались в первую очередь изменений прежних форм партийного плюрализма и повышения веса «фасадных» институтов государства.

Стремясь расширить социальную базу поддержки ПАСВ и избежать преждевременного с точки зрения власти создания политических партий вне рамок ПНФ, Б. Асад предпринял попытку реорганизовать деятельность ПНФ. Входящим в него партиям разрешалось учреждать региональные отделения, легально привлекать новых членов и издавать собственные газеты. Начиная с 2001 г. партиям, входящим в ПНФ было разрешено выпускать свои еженедельные издания. Было разрешено издание частных журналов, одним из которых стал «Ад-Думари», ориентированный на сирийский бизнес «Аль-Иктисадийя», новостной политический журнал «Абъяд ва Асвад» и общественный журнал «Лаялина». Ряд изданий такие как «Аль-Иктисадийя» и «Абъяд ва Асвад» стали ареной либеральной критики и в них раздавались осторожные призывы ускорить и углубить реформы. Однако это сложно было назвать свободой прессы в полном смысле этого слова. Для издания любой газеты или журнала требовалось письменное разрешение премьер-министра. Так, несмотря на то, что «Ад-Думари» придерживался официальной линии по острым вопросам политики, он стал объектом цензуры и был закрыт приказом министра информации в 2003 г. Официальной причиной закрытия послужил отказ издателя распределять журнал через государственную розничную сеть, которую министерство информации использовало как своеобразный инструмент контроля над прессой. В области практической политики власти пытались найти компромисс между опасениями разрешить открытую партийную конкуренцию и осознанием того, что однопартийная, по сути, система больше не способна адекватно выражать интересы всех групп и слоев сирийского населения. В официальной пропаганде стал чаще появляться тезис о политическом плюрализме. В начале февраля 2002 г. статья 9 Устава ПНФ,

определяющая монопольное право ПАСЗ на ведение политической работы в обществе, была частично изменена. Входящие в НПФ партии теперь могли действовать в молодежной среде, университетах. Запрет на работу в армии, тем не менее, сохранялся. О предпринимаемых властями усилиях по изменению прежней схемы взаимоотношений ПАСВ с другими политическими партиями Сирии свидетельствовал также тот факт, что на приходивший в декабре 2002 г. форум НПФ в качестве наблюдателей были приглашены представители Сирийской национальной социальной партии (СНПС)*, которая не так давно возобновила свою деятельность в стране после долгих лет запрета. Одновременно активизировалась дискуссия о расширении рамок партийного участия во НПФ путем признания других лояльных власти политических объединений. В тоже время увеличение числа партий в НПФ не меняло в целом ситуацию. За исключением Сирийской Коммунистической Партии (СКП) ни одна из партий НПФ не представляла собой по настоящему живой политической организм. Некоторые являлись, по сути «семейным предприятием», где состав членов оставался неизменным долгие годы. Политические заявления таких партий было совершенно невозможно отличить друг от друга или от установок правящей ПАСВ. На пример, в ходе одного из последних съездов Арабского Социалистического Союза (АСС) был выдвинут лозунг «За обновленную насеристскую партию, углубляющую свою приверженность делу Х. Асада и твердо стоящую на позиции руководства во главе с Б. Асадом».⁶⁵ В тоже время власти стали терпимее относиться к оппозиционным группам, которые не рассматривались ими как угроза существующему строю. Поскольку идеология этих групп базировалась на принципах политических воззрений 1950—1960-х годов, а значительная часть их членов была представлена людьми поколения Х. Асада, они не могли представлять серьезной опасности для власти. Это, прежде всего, относилось к так называемому «Национально демократическому блоку» (НДБ). Данное политическое объединение представляло собой

* В декабре 2004 г. СНСП была официально включена в состав НПФ.

союз насеристских, националистических и левых политических партий и организаций Сирии. В его состав входили Компартия–Политбюро (Р.Турка), Демократический арабский социалистический союз (ДАС) и ряд других. Этим группам позволялось организовывать встречи и собрания, выпускать заявления для прессы, создавать собственные сайты в Интернете и участвовать в общественной жизни. Некоторые из их руководителей были представлены во властных структурах страны. Так, например, ДАС в июле 2003 г. получила разрешение от спецслужб провести торжественное собрание по случаю годовщины насеровской революции в Египте 1952г.

В отношении исламской оппозиции политика властей была не столь терпимой. Выступившая с оружием в руках против режима в 1970-1980-х гг. организация «Братья-мусульмане» до сих пор является запрещенной в Сирии. Несмотря на то, что после прихода к власти в стране Б. Асада большинство сирийских «братьев» отреклись от насилия как средства политической борьбы, власти опасались, что в случае легализации их политической деятельности в Сирии они смогут очень быстро объединиться с леволиберальным движением.⁶⁶ Перспектива объединения или тесного сближения исламистских оппозиционных организаций с либерально-демократическими силами представлялась весьма тревожной для власти. Поэтому, несмотря на то, что в последние 1-1,5 года много членов «братства» было выпущено на свободу, вряд ли можно уверенно утверждать, что власти уже в скором времени готовы легализовать их политическую деятельность.⁶⁷ К тому же предпринятая в 1990-ые годы прошлого столетия попытка создания «исламской партии» в рамках НПФ провалилась из-за нежелания представителей мусульманского истеблишмента Сирии поддержать этот шаг властей. Появление же исламистской партии вне рамок и контроля власти, особенно если она опирается на широкую социальную базу, было неприемлемо с точки зрения политического руководства САР.

С другой стороны процесс роста политического ислама в САР ставит перед сирийским руководством вопрос о неизбежности допуска представителей исламского движения к участию в государственных делах. Рост религиозных настроений в Сирии виден сегодня на каждом шагу. За последние несколько лет значительно увеличилось число строящихся на частные пожертвования мечетей в крупных сирийских городах. Растет количество женщин, одевающих хиджаб. Последнее характерно не только для бедных кварталов, но и аристократических районов Дамаска. В моду входят домашние собрания женщин, на которых говорят не только о кулинарных рецептах и последних новинках моды, но и обсуждают вопросы религии, изучают религиозные дисциплины. Одновременно многие мусульманские проповедники в ходе пятничных проповедей в сирийских мечетях обращаются к властям с призывом ускорить темпы политических и демократических преобразований в стране. Таким образом, они рассчитывают оказать давление на власть и добиться большего участия в руководстве страной. Верховный муфтий САР Салах Кефтару – сын покойного сирийского муфтия Ахмса Кефтару каждую пятницу выступает с проповедью перед 10-тысячной толпой в дамасской мечети «Абу-Нур». Он также руководит крупнейшей в Сирии религиозной образовательной организацией, число учащихся в которой выросло за последние 3 года с 5 до 7 тысяч человек. По мнению С. Кефтару «возрождение» ислама в САР имеет мало общего с событиями 11 сентября в Нью-Йорке, а является результатом полного провала политики светских властей арабских стран, что вынуждает молодежь искать альтернативу официальным властям.* Подобное заявление, сделанное еще несколько лет тому назад, неминуемо бы привело к аресту муфтия. На протяжении последних 40 лет ПАСВ, основанная на светских идеях арабского национализма, вела непримиримую борьбу против любых проявлений радикального ислама. Сегодня же правящая ПАСВ и ряд высших сирийских руководителей (вице-президент САР А.Х. Хаддам, например – А.В.)

* Сирийский экономический центр, Washington Post, 24.01.2005.

считают, что «баасистам» необходимо сблизиться с исламским движением для того, чтобы таким образом повысить свою популярность среди широких слоев сирийского населения, прежде всего молодежи. Действительно росту популярности политического ислама в арабских странах способствует то, что религиозные настроения быстрее всего распространяются в среде молодежи, которая сегодня составляет от 50% до 60% населения арабских стран. Расхождение во взглядах на эту проблему в рядах команды реформаторов Б. Асада вызвало некоторое брожение как среди членов ПАСВ, так и в лагере леволиберальной оппозиции. Большинство членов партии выступает за сохранение светского характера ПАСВ, против вмешательства в ее работу религии. Однако такая точка зрения не является общей для всего партийного и административного руководства САР. В конце 2004 г. из сирийских тюрем было освобождено около 100 заключенных, большинство из которых так или иначе были связаны с исламистами. Одновременно руководителям религиозных общин было предоставлено больше свободы для обсуждения актуальных политических вопросов политики в мечетях. Однако исламистское сообщество Сирии не едино. Есть приверженцы жесткой линии, сторонники вооруженной борьбы с властью. Некоторые в сирийских политических кругах, в том числе и в руководстве САР, были склонны рассматривать выступление небольшой вооруженной группы в апреле 2004 г. в дамасском районе Меззе как «один из результатов фундаментализма». Другие представители политического ислама призывают к созданию «демократического исламского государства», «демократизации ислама», проведению демократических выборов, поддержке «ислама, отвечающего интересам торговли» с учетом прав и потребностей религиозных меньшинств. Они готовы сотрудничать с властью и поддерживают демократические преобразования сирийского руководства.^{*}

Сирийская интеллигенция, с одной стороны, в целом позитивно относится к растущему

^{*} 16 декабря 2004 г. сирийские «братья-мусульмане» публично выступили в Лондоне со своей программой реформ и демократизации Сирии, изложенной в виде 214 страничного документа под названием «Политический проект будущей Сирии». «Братья» признали ряд ошибок своей прошлой деятельности в САР, отрелись от насилия, поддержали процесс демократических преобразований в стране и предложили свою концепцию политической модернизации и экономических реформ, предусматривающую сотрудничество с властью.

влиянию политического ислама на правительство в плане более энергичного проведения экономической реформы и проявления большей открытости в управлении государством. С другой, леволиберальные круги САР выражает обеспокоенность укреплением политических позиций исламистов. Вместе с представителями сирийского среднего класса они стараются объединиться против этого явления. Многие из них открыто обвиняют власти в недооценке опасности роста массового исламского движения, которое, как они считают, является основным конкурентом либеральных светских сил Сирии в условиях свободных выборов. Сторонки такого мнения полагают, что, если сегодня в основе сближения правящей ПАСВ и исламистов лежит общая нелюбовь к США и их военному присутствию в Ираке, то очень сложно предсказать, как будут развиваться взаимоотношения между ними, когда американские войска покинут Ирак.

Как бы то ни было, определенный отход от жестких прежних баасистских установок свидетельствовал, что режим признал существование легальной оппозиции в Сирии. Так, в одной из своих статей, опубликованных в ливанской газете «Ас-Сафир» 15 мая 2003 г. Бахджет Сулейман – руководитель одной из сирийских спецслужб написал, что «у власти нет врагов». Требования оппозиции не выходят за рамки некоторых политических и экономических свобод - отмены закона о чрезвычайном положении, принятии закона о партиях и более справедливого распределения доходов, - утверждал генерал. Действительно сегодня в Сирии нет организованной и вооруженной оппозиции, представляющей реальную угрозу власти. Более того, действующая системная оппозиция готова сотрудничать с правительством, при условии, если ее основные политические требования будут учтены. В тоже время власть дает ясно понять, что она не позволит никому пытаться изменить ее характер.

Несмотря на отсутствие реальной политической конкуренции, подобная форма селективного партийного плюрализма все же давала возможность политическим партиям и объединениям Сирии для их более широкого представительства в структурах власти. В

начале марта 2003 г. в Сирии прошли первые с момента прихода к власти в стране Б. Асада парламентские выборы. Они не слишком заметно отличались от выборов прошлых лет, поскольку, несмотря на требования оппозиции, сирийское избирательное законодательство осталось неизменным. В результате ПАСВ, как и прежде одержала уверенную победу, получив 167 из 250 мест в парламенте. Комментируя итоги выборной компании, ее куратор - бывший глава МВД САР А. Хаммуд заявил, что «нынешний закон о выборах пока не требует изменений и соответствует текущим реалиям». Обращаясь к вновь избранным депутатам, он, тем не менее, дал понять, что от них ждут продолжения реформ. Действительно, 83 места получили т.н. независимые кандидаты (в основном представители крупного национального капитала), а также представители СНСП. Впервые за всю историю ПАСВ и НПФ независимая партия получила на выборах 4 места в парламенте.⁶⁸

С другой стороны, реформирование ПАСВ и укрепление ее руководящих органов верными людьми могли дать Б. Асаду возможность расширить базу поддержки своей власти в партийных рядах и властных элитах САР. В результате проведенных в мае 2000г. предварительных выборов делегатов 9 съезда партии, в его работе смогли принять участие около 200 новых молодых баасистов, среди которых было немало сторонников Б. Асада.

Это позволило значительно обновить кадровый состав директивных партийных органов, как в центре, так и на местах. Из 21 члена РР и 90 членов ЦК ПАСВ 12 и 62 соответственно были заменены новыми людьми. Полностью был обновлен обком г. Алеппо, где особенно были сильны позиции суннитского большинства и торгово-промышленной буржуазии страны. Существенные кадровые перестановки произошли в обкоме г. Сувеиды (юг Сирии), партийной организации (на правах обкома) Дамасского университета.

На проходившем в декабре 2000 г. под председательством Б. Асада заседании РР ПАСВ было решено отказаться от системы назначений в партии и провести 20 января

2001г. партийные выборы. При этом вводилось право «оказывать недоверие» на выборах партфункционерам среднего звена. Б. Асад дал также понять, что следующие президентские выборы 2007г. он хотел бы провести на альтернативной основе. На этом же заседании было одобрено создание в Сирии системы частных банков, выражена поддержка учреждению фондовой биржи и принятию закона о банковской тайне. Таким образом, партия как бы делала заявку на более активное участие в осуществлении давно назревших социально-экономических преобразований в Сирии и укрепляла свои позиции в среде национальной буржуазии. Реформируя ПАСВ, Б. Асад, очевидно, хотел изменить политическую конфигурацию сирийского общества. Президент не мог не считаться с тем фактом, что партия, которая объединяла в своих рядах около 1,4 млн. человек (все население САР составляет около 20 млн. чел. – А.В.), в силу широты распространения сети своих организаций и связей с различными слоями общества сохраняла значительный политический потенциал. А мощный партийный аппарат, находясь под контролем президента, мог стать одним из важных рычагов управления государством.

Однако, несмотря на то, что президенту удалось ввести в состав директивных органов ПАСВ несколько своих сторонников, партия по-прежнему служила оплотом консерватизма в сирийском обществе. И хотя молодые реформаторы из числа партфункционеров были ориентированы на реформы и поддерживали программу преобразований Б. Асада, партийный аппарат в целом скептически относился к экономическим и политическим реформам. Конечно, по сравнению с прежними временами ПАСВ утратила былую силу и влияние. Однако она могла существенно затормозить политический прогресс путем блокирования в РР ПАСВ важных решений и сорвать их выполнение в госсекторе и в провинции. Естественно, президент мог преодолеть любое вето на уровне руководства или же ускорить прохождение нужного ему решения по инстанциям. Партийные руководители не стали бы спорить с Б. Асадом и тем самым рисковать своим положением, тем более ставить под удар удобную для них

систему власти. Однако реформирование ПАСВ и ее полная подконтрольность президенту стали неременным условием выполнения плана реформ. Дискуссии о роли и месте ПАСВ в обществе активизировались в начале 2003 г. вслед за выборами в парламент и войной в Ираке. Баасистское большинство в парламенте в основном состояло из новых ориентированных на реформы партийцев, лояльных президенту. Поражение баасистского режима в Ираке позволило с выгодой для Сирии использовать традиционные расхождения между иракской и сирийской Баас. По мнению пресс-секретаря сирийского МИД Х. Шаабан роспуск партии «Баас» в Ираке мог помочь Б. Асаду открыть дорогу в руководящие структуры Сирии представителям других партий.⁶⁹ В РР ПАСВ стали пересматривать зафиксированную в конституции роль партии как «ведущей силы общества», ее замене на «планирующую и арбитражную» функцию. Ставился вопрос о том, что партия не должна вмешиваться в работу государственных учреждений. Однако оппоненты власти считали эти меры недостаточными и выступали за пересмотр тех статей конституции, где ПАСВ отводилась руководящая роль.⁷⁰

В начале ноября 2003 г. Б. Асад впервые за годы своего правления созвал пленум ПАСВ, в работе которого приняли участие члены – высшего руководящего органа партии - Регионального руководства ПАСВ, секретари партийных обкомов и горкомов, с целью выработки основных направлений реформ в партии.⁷¹ В феврале 2004 г. состоялось заседание РР ПАСВ, на котором было принято решение начать процесс «отделения партии от власти» и модернизировать организационную структуру руководящих органов ПАСВ в соответствии с новыми требованиями с целью создания условий для формирования атмосферы политического плюрализма в Сирии. В партийных организациях Сирии была развернута широкая дискуссия по этой проблеме для выработки рекомендаций предстоящему в конце 2004 г. съезду ПАСВ.⁷² Параллельно продолжался процесс реформирования НПФ. В конце декабря 2003 г. на III сессии провинциальных организаций НПФ обсуждались вопросы о принятии нового устава фронта, расширения

участия в его работе новых политических партий, создании исламской партии как альтернативы исламистскому экстремизму. В январе 2005 г. Центральный Комитет НПФ утвердил новый устав НПФ. Несмотря на то, что в тексте устава была в целом сохранена прежняя терминология в оценке ситуации в Сирии и в регионе, заметно умереннее стала риторика в отношении проблемы арабо-израильского конфликта. Выражение «ни мира, ни переговоров с Израилем, ни его признание» было заменено словами «приверженность принципам международной законности и резолюциям ООН в деле урегулирования арабо-израильского конфликта на основе принципов справедливости и международного права». Вместо прежних идеологем об «общепарабском деле» и «арабском единстве», в контексте которых в качестве «стратегической цели» ставилось «освобождение арабских земель, оккупированных после 5 июня», появились более конкретные формулировки с призывом к «осознанию существа арабских реалий, влияющих на положение арабской уммы и вставших перед ней в этой связи проблем». Подчеркивалась необходимость «достижения межарабской экономической интеграции, создания культурного единого арабского пространства и демократических институтов». В то же время в области внутренней политики текст устава содержал мало принципиальных изменений. Исключение составляла отмена прежнего монопольного права ПАСВ на работу в молодежной, университетской среде. В то же время запрет на работу в армии других партий в составе НПФ сохранялся. В тексте устава вновь подтверждалось, что «партии в составе НПФ обязуются не создавать партийных организаций в армии, а также вести в вооруженных силах партийную и фракционную работу». По сути, сохранялось прежнее усеченное определение многопартийности и принципа политического плюрализма, которые должны были реализовываться в рамках НПФ. Однако в вопросе о приеме в НПФ новых партий были допущены некоторые отступления от жестких прежних установок. В то же время, устав подтвердил руководящую роль ПАСВ и прежние ограничения на свободную и легальную деятельность политической оппозиции. Несмотря на это в тексте устава появились пассажи

о демократических реформах, соблюдении прав человека, «укреплении плюрализма, демократии, отвечающих чаяниям и потребностям народа, способных обеспечить реальное участие населения в строительстве государства».* Несмотря на это ряд представителей либеральных и демократических сил Сирии посчитали, что новый устав призван заменить собою закон о партиях. Тем более что некоторые участники НПФ высказались в том духе, что в тексте устава учтены все положения закона о партиях, и высказали сомнение в необходимости его принятия. На самом деле проблема принятия закона о партиях, которая активно дискутируется в сирийском обществе последние 1,5-2 года, оказывает значительное влияние на политическую жизнь сегодняшней Сирии. Проведенные в конце 2004, начале 2005 гг. Б. Асадом закрытые консультации с руководителями партий НПФ выявили всю остроту данного вопроса, в частности: проблемы демократии в Сирии, вообще. Действительно последние 40 лет сирийские политические партии, в том числе в составе НПФ, не имеют под своей деятельностью легальной основы. Ожидается, что одним из главных вопросов в повестке дня предстоящего съезда ПАСВ станет обсуждения этого закона.**

В циркулярах РР ПАСВ, направленных в 10-числах июля 2004 г. в низовые партийные организации была, наконец, названа примерная дата проведения X съезда партии – конец 2004г.*** Это на полгода раньше, чем предполагалось. Перенос даты съезда объясняется «особыми условиями, в которых находится САР». Ожидалось, что по результатам работы съезда в партийном руководстве произойдут большие кадровые перемены, призванные продемонстрировать смену поколений и символизировать вступление Сирии в новый этап развития. В ходе работы съезда планировалось уделить большое внимание обсуждению важных теоретических вопросов о роли и месте партии в сирийском обществе, международной деятельности ПАСВ, ее общерабском характере,

* Аль-Хаят, 17.01.2005

** Ахбар Аш-Шарк, 10.01.2005

*** В ноябре-декабре 2004 г. созыв съезда ПАСВ было решено перенести на весну 2005 г.

взаимоотношениях Общеарабского и Регионального руководства ПАСВ. Не исключалось, что могут подвергнуться пересмотру ряд основополагающих идеологических постулатов партии, например, о ее направляющей и руководящей роли в САР. При этом подчеркивалась приверженность ПАСВ ее историческому наследию как общеарабской партии. Предполагается, что вместо Регионального руководства будет создан новый руководящий орган Политбюро ПАСВ с целью постепенного пересмотра роли Общеарабского руководства, отмены поста генерального секретаря партии и его замены специальным бюро по координации с братскими и дружественными арабскими партиями во главе с членом нового Политбюро.⁷³

Политизация ислама в регионе и в Сирии, в частности, возможное в перспективе начало прямых арабо-израильских переговоров, сложный процесс смены правящих элит и перераспределения власти между ними вынуждали сирийского президента проявлять особое внимание к делам партийной жизни в стране, чтобы не допустить возникновения идеологического вакуума в Сирии. В условиях участия САР в глобальной борьбе с терроризмом для власти весьма актуальной становилась задача поддержания конфессионального баланса в стране. В этом смысле «возрожденная» ПАСВ могла послужить достаточно прочным связующим звеном между суннитами и алавитами, центром и регионами. Активизировавшаяся в последнее время деятельность мирового и арабского сообществ по разблокированию мирного процесса в регионе заставляла сирийское руководство обратить самое пристальное внимание на партию. В отличие от армии и разветвленного аппарата спецслужб, которым в случае прекращения арабо-израильского противостояния, пришлось бы существенно сократить свою численность и реформировать свою деятельность, обновленная ПАСВ, могла стать одной из основных опор президентской власти в постконфронтационный период. С учетом изменчивой политической ситуации на Ближнем Востоке, отход сирийского руководства от практики баасизма мог иметь далеко идущие последствия не только в идеологическом, но и

геополитическом плане. Борьба баасистов за влияние в арабском мире оставалась одним из реальных элементов сложного политического процесса в регионе. В результате активной «закордонной» работы ОР ПАСВ, Дамаск контролировал деятельность баасистских организаций в Ливане и Палестине. С учетом планов США и их западных союзников по переустройству миропорядка на Ближнем Востоке после свержения режима С. Хусейна в Ираке, Сирии приходилось пересматривать свои отношения с радикальными исламскими и палестинскими организациями, прежнюю политику в Ливане и Палестине. В этой связи ливанские и палестинские филиалы ПАСВ могли стать важным каналом влияния сирийского руководства на политическую ситуацию в соседних арабских государствах. С другой стороны, реформированная ПАСВ, выступая на равных с военным и государственным аппаратом, была способна сыграть роль важного фактора (особенно в постконфронтационный период), обеспечивающего стабильность политического курса, независимо от персональных изменений в руководящей элите. Однако, как бы не сложился процесс политической модернизации в Сирии, ПАСВ, вероятно, могла бы играть в нем не последнюю роль при любых поворотах социально-политического развития страны.

В начале декабря 2002 г. Б. Асад поручил премьер-министру М. Миро сформировать новое правительство. Число членов ПАСВ в составе нового кабинета сократилось с 26 до 19 человек. Это произошло главным образом за счет сокращения численного состава правительства с 36 до 34 человек и увеличения числа партий в НПФ с 5 до 8. Серьезные кадровые перестановки произошли в экономическом блоке правительства. Новым министром экономики и внешней торговли был назначен Г. Рифан, получивший ученую степень в Великобритании и, работавший ранее в международных финансовых организациях. Новые министры промышленности И. Заим, финансов М. Атраш и туризма А. Калаа также учились во Франции и Великобритании. В то же время, сам премьер-министр и руководители ключевых министерств (обороны, иностранных дел,

информации) остались прежними. Исключением стала отставка министра внутренних дел М. Харба.⁷⁴

Административная реформа играла важную роль с самого начала правления Б. Асада. При Х. Асаде административный аппарат характеризовался избыточной централизованностью и закрытостью. Это приводило к бюрократизму и неэффективности в его работе. Чиновники рангом ниже министра были практически лишены возможности принимать самостоятельные решения. Любой предприниматель, собиравшийся открыть собственное дело в сфере общественного питания и оказания бытовых услуг населению, должен был получить разрешение министра туризма. Чтобы открыть частную школу или университет необходимо было личное согласие президента. Профессор университета или любой служащий, который хотел поехать на работу за рубеж должен был получить разрешение премьер-министра. Показ новой программы на телевидении или публикация острой статьи в газете были невозможны без разрешения министра информации. Новое политическое руководство страны понимало, что, если прежний забюрократизированный процесс принятия решений не будет изменен, вряд ли можно серьезно говорить о реформах. Несовершенная практика администрирования представляла собой не только чисто техническую проблему, но и делала неэффективным сам процесс управления государством. Местные административные кадры в силу глубоко укоренившейся авторитарной практики оказывались не готовы принимать решения. Служащие госпредприятий хорошо усвоили, что инициативность и самостоятельность в принятии решений очень опасны для карьеры и, что более спокойно и выгодно дожидаться указаний сверху. Повышение по службе в значительной мере зависело от лояльности, нежели чем от личных качеств и квалификации. Подобное мировоззрение порождало конформизм, а не креативность. Ключевым элементом административной реформы стала масштабная замена и переподготовка управленческих кадров. В 2003 г. группа французских консультантов по просьбе сирийского правительства разработала план по

реструктуризации целой группы министерств и ведомств госсектора Сирии. Программа переподготовки включала изучение иностранных языков и приобретение навыков компьютерной грамотности. В сотрудничестве с французской Национальной школой управления и по ее образцу в Сирии был создан Национальный институт управления.⁷⁵

С учетом характера власти в САР любая серьезная попытка изменить ее природу должна была начинаться с высших уровней административного аппарата. Это особенно хорошо видно на примере нового сирийского кабинета министров, впервые самостоятельно сформированного Б. Асадом в начале сентября 2003г. Несмотря на то, что ключевые посты – министра иностранных дел и обороны - на протяжении последних десятилетий оставались в руках одних и тех же людей (по большей части это были чисто политические должности - А.В.), новый состав кабинета обновился практически на половину, и новые министры в большинстве своем считались настоящими профессионалами. Б. Асад поставил перед новым кабинетом министров весьма сложную задачу – проведения в сжатые сроки административной реформы, которую правительству приходилось решать в условиях весьма непростой внешнеполитической обстановки. В рамках мероприятий по административной реформе начался процесс совершенствования структуры правительства. В нем был образован новый орган, призванный координировать организационную часть работы кабинета – Генеральный секретариат, главой которого Б. Асад своим указом № 338 от 10.11.2003г. назначил беспартийного, доктора экономических наук, бывшего руководителя Высшего института управления Сирии Махера Муджатихида. Вновь назначенный председатель Коммерческого банка Сирии доктор экономических наук Дурейд Диргам также не состоял в ПАСВ. При этом Коммерческий банк являлся крупнейшим участником финансовой и внешнеэкономической деятельности в САР. Его доля в консолидированном бюджете сирийских банков составляет около 80%. Вслед за сменой кабинета Б. Асад отдал указания министрам пересмотреть их полномочия и расширить ответственность

заместителей, дав им право самим назначать себе советников. Президент также распорядился изменить прежние положения о должностных обязанностях высших должностных лиц государства, сделать их более внятными и четкими. Так, министры теперь могли самостоятельно принимать решения, по вопросам инвестиций и расходов вместе прежнего порядка передачи этих вопросов на рассмотрение премьер-министра. Руководители министерств и ведомств могли также назначать себе заместителей без предварительного согласования с партийными органами.

В то же время, по мнению некоторых сирийских экономистов, действующий кабинет министров, сформированный Н. Отри в сентябре 2003 г. под лозунгом административной реформы плохо справлялся с возложенными на него обязанностями. Летом 2004 г. в Сирии и на страницах арабоязычной прессы соседних арабских стран заговорили о предстоящей осенью 2004 г. отставки сирийского правительства. Появилась также информация о возможных переменах в директорском корпусе госпредприятий и на уровне руководителей провинций. Общим недостатком деятельности правительства являлось отсутствие у него ясного видения перспективы (на ближайшие 10-20 лет – А.В.) путей развития страны, программ развития капиталовложений с целью преодоления нынешних и будущих трудностей. Не была разработана привязанная к конкретным срокам программа экономических реформ в САР, главной целью которой, по мнению сирийского политического руководства, должны были стать: существенный рост ВВП и углубление масштабов реформ, совершенствование кредитно-финансовой политики для обеспечения благоприятных условий экономического роста, борьба с бедностью и безработицей, перестройка отраслевой структуры национальной экономики, придание ей рыночного характера, приватизация ряда отраслей и предприятий госсектора. В результате президент был вынужден фактически на постоянной основе вмешиваться в деятельность правительства и решать спорные вопросы. В конце июня 2004 г. Б. Асада выступил на очередном заседании Совета министров, где недвусмысленно дал понять, что «наверху»

внимательно оценивают деятельность правительства, а также подчеркнул необходимость регулярных отчетов министров об эффективности работы возглавляемых ими министерств.⁷⁶ Вслед за этим в сирийской прессе последовала серия критических публикаций в отношении работы ряда министерств, что было расценено в обществе как подготовка к смене отдельных министров. Сам премьер-министр, комментируя появившиеся сообщения о смене правительства, подтвердил, что в администрации президента действительно идет переоценка деятельности кабинета и не исключил того, что ряд должностей в правительстве могут быть пересмотрены.

В этой связи в сирийских экономических кругах высказывался ряд мнений. Часть экспертов считала, что реформа кабинета министров должна носить частичный характер и затрагивать 8-10 министров, в том числе иностранных дел, информации, экономики и внешней торговли, финансов, транспорта, жилищного строительства, промышленности и культуры. Так, нынешнего министра иностранных дел САР Ф. Шараа (занимает пост с 1984 г.) некоторые обвиняли в том, что в результате ослабления дипломатической работы на ключевых для Сирии внешнеполитических направлениях, отношения САР с США и ЕС достигли критической за последние два года отметки. Это же касалось и бывшего министра информации А. Хасана. Та активность, которую Ф. Шараа и А. Хасан демонстрировали, пытаясь исправить допущенные просчеты, служила косвенным подтверждением данных утверждений.⁷⁷ Так, например, ожидавшуюся отставку министра транспорта М. Обейда связывали с многочисленными просчетами в деле реализации важных проектов модернизации транспортной инфраструктуры САР. Большая диспропорция цен на потребительские товары, вызывавшая возмущение широких масс сирийского населения, вменялась в вину министру экономики и внешней торговли Х. Рифаи после передачи в его ведение функций сокращенного министерства снабжения. К

⁷⁶ В январе 2005 г. Б. Асад назначил заместителем министра иностранных дел одного из опытнейших сирийских дипломатов, бывшего посла САР в США Валида Муаллима, и поручил ему курировать «ливанское досье». Это дало повод некоторым в политических кругах Дамаска предположить, что именно В. Муаллим уже в ближайшее время может сменить Ф. Шараа на посту министра иностранных дел.

тому же Х. Рифаи считали противником приватизации госсектора, а его трения с министром финансов М. Хусейном стали предметом достояния гласности широкой общественности, что вызвало определенное недовольство в президентской администрации.⁷⁷ Сторонники такого подхода считали, что смена всего кабинета в условиях непростой сегодня для Сирии внутри и внешнеполитической ситуации могла быть чревата опасностью серьезных внутренних потрясений и предлагали, поэтому ограничиться сменой ряда «проштрафившихся» министров и не форсировать политические реформы. Другие, наоборот, полагали, что пришло время осуществить решительные меры и дать внятный ответ «arbi et orbi» о готовности власти к серьезным реформам. Часть из них придерживалась такого мнения, что Б. Асад должен на какое-то время (переходный период – А.В.) сам возглавить правительство, поскольку все равно без согласования с президентом кабинет не принимает решений ни по одному из более или менее серьезных вопросов.

С другой стороны, как утверждали в некоторых осведомленных кругах Сирии, многие, с кем уже неофициально говорили о возможности вхождения в правительство заявили, что они откажутся, если не произойдет полной смены кабинета и премьеру не дадут возможности самому его сформировать. Сторонники разных подходов, похоже, сходились в одном – сам премьер-министр Н. Отри вряд ли может нести всю полноту ответственности за ошибки правительства, поскольку он имел лишь косвенное отношение к формированию его персонального состава. Кандидатуры конкретных министров обсуждались на заседании Регионального руководства ПАСВ под председательством Б. Асада 18 сентября 2003, которое происходило в условиях резкого обострения сирийско-американских отношений, что дало повод партийной верхушке практически полностью изменить ранее предложенный Н. Отри состав кабинета.^{78*}

* 4 октября 2004 г. Б. Асад провел ряд кадровых перестановок в правительстве. Своих постов лишились министры промышленности, здравоохранения (занимает пост с 1987 г – А.В.), вакуфов, внутренних дел, экономики и торговли, информации, юстиции, труда и социальных дел. Одновременно президент назначил ряд новых губернаторов в

Происходящие в политических институтах и административном аппарате Сирии процессы указывали на то, что прежний баланс внутри властных структур стал постепенно меняться. Поскольку возможности партийных функционеров осуществлять патронаж сократились, вес прежде «фасадных» государственных институтов стал понемногу расти. В своей инаугурационной речи Б. Асад ясно дал понять, что Сирия должна войти в «эпоху институализации». За годы правления Б. Асада появилась более институализированная форма власти. Стала возникать система, которая стремилась действовать согласно установленных ею правил. Однако процесс создания подлинно демократических государственных институтов был еще только в самом начале. В сирийском обществе продолжались, начавшиеся с момента прихода к власти в САР Б. Асада споры о возможности реформирования системы изнутри. Левая оппозиция считала, что непременным условием успеха экономических и административных реформ являлись структурные политические изменения. Сторонники поэтапной модернизации из окружения президента предлагали сосредоточиться на реально достижимых задачах. Итог этим спорам подвел в одном из своих интервью сам Б. Асад, заявив, что реформы должны охватывать экономику, социальную сферу и политику. Однако одно из направлений будет идти легче, и опережать другое.⁷⁹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ Б. АСАДА

Основной причиной экономических трудностей Сирии являлось не то, что Сирия бедная страной, а то, что ее ресурсы плохо управлялись. По уровню индекса развития (Human Development Index) Сирия стояла на 110 месте из 175 стран среди Вьетнама, Таджикистана и Индонезии, чей доход на душу населения был много ниже.⁸⁰ Сирия традиционно являлась страной с аграрно-индустриальным типом экономики. В

провинции Дамаск, Тартус, Хасаке. Большинство новых министров – члены ПАСВ, сменившие беспартийных (бывший министр экономики – А.В.). Однако, как считают в демократически ориентированных кругах Сирии, в основу новых назначений Б. Асад положил не столько принцип партийной принадлежности, сколько профессиональные качества и опыт, приобретенный на госслужбе. Отмечается, что среди новых министров нет тех, кто работал ранее в международных финансово-экономических организациях. (Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас- Сурий, 05.10. 2004 г.).

сельскохозяйственном секторе производства было занято около 30% рабочей силы и создавалось около 25% ВВП.

В период правления Х. Асада правящая элита мало внимания уделяла развитию экономики и экономической политики до тех пор, пока это не стало угрожать стабильности самой власти. Когда с середины 1980-х гг. появился дисбаланс бюджетного и торгового дефицита, сирийское правительство стало проводить ограниченную экономическую либерализацию. Однако это не смогло кардинально изменить ситуацию и с конца 1990-х гг. правительство было вынуждено прибегнуть к политике жесткой экономии. Это помогло сократить бюджетный дефицит, стабилизировать платежный баланс и удерживать контроль над ценами. Однако темпы экономического роста стали отставать от прироста населения, и доход на душу населения перестал расти. С этого времени сирийская экономика вошла в полосу длительной стагнации.⁸¹

К моменту прихода к власти Б. Асада Сирия фактически находилась на грани тяжелого экономического кризиса. Так, доход на душу населения составлял 1010 долл. США в 1999 г., темпы экономического развития в этот же год имели отрицательный показатель и равнялись -1,7%. В то же время ежегодный прирост населения в САР приближался к 3%, а безработные составляли 20% населения Сирии.⁸²

Действительно, создание новых рабочих мест стало основной проблемой, с которой столкнулись Б. Асад и его команда реформаторов. Согласно данным МВД САР общая численность населения страны на 01.01.2004 г. составила 19,9 млн. чел. против 17,5 млн. чел. в конце 2003 г. (данные Центрального Статистического Бюро САР – А.В.), т.е. увеличилась за один год более чем на 2 млн. чел. Это тем более шокировало, так как согласно тем же данным ЦСБ САР, прирост населения в Сирии за несколько последних лет составлял немногим более 400 тыс. чел. или 2,7 -3% ежегодно. Однако и эта цифра внушала серьезное беспокойство сирийским экономистам, которые считали, что при таких показателях темпы экономического развития должны равняться 9% в год, а не 5% к чему

стремилось правительство. Сирийская экономика явно была не способна справиться с такими темпами прироста населения. Ежегодно на рынок труда в Сирии выходило 250 тыс. чел. Чтобы обеспечить их работой необходимо было как минимум потратить 250 млрд. сир. ф. (около 5 млрд. долл. США), что требовало ежегодных капиталовложений в размере 30% ВВП. На деле же этот показатель не превышал 15%, что вело к росту безработицы, которая уже составляла по разным оценкам 16-20% населения. Проблема безработицы и неполной занятости затрагивала, прежде всего, сирийскую молодежь - около 60% населения САР.⁸³ Молодые люди попросту не могли найти работу в соответствии со своим образовательным уровнем, поскольку практически все рабочие места были заняты старшим поколением, а новые создавались крайне низкими темпами.

Второй не менее сложной проблемой была хроническая зависимость Сирии от нефтяных доходов. Около 60-70% доходов страны от экспорта и внешней торговли, более 12% ВВП и около 50% бюджетных доходов зависело от продажи нефти.⁸⁴ Если цены на нефть оставались на прежнем уровне, доходы от нефти практически не росли. К тому же в результате постепенного истощения сирийских нефтяных полей производство нефти в САР сократилось с 600 тыс. баррелей в день (б/д) в середине 1990-х гг. до 525 тыс. б/д к началу 2000 гг. Одновременно росло внутреннее потребление, которое оставляло более 40%. При Б. Асаде были подписаны новые контракты на разведку и разработку нефти с иностранными компаниями. В середине 2002 г. заместитель премьер-министра САР публично признал, что производство нефти в Сирии в среднесрочной перспективе не сможет обеспечить программы экономического развития⁸⁵. В целях достижения необходимых темпов экономического роста и стабилизации торгового баланса Сирия должна была наращивать местное (ненефтяное) производство и увеличивать экспорт. Это требовало существенного обновления и расширения собственной производственной базы. Необходимо было также диверсифицировать сельскохозяйственное производство и увеличить объемы его продукции. Однако нехватка дополнительных водных ресурсов

существенно сокращала возможности для развития сельскохозяйственного сектора сирийской экономики.

С другой стороны, необходимо было поощрять развитие частного капитала. Сирийская экономика по-прежнему отличалась большой статичностью. Она управлялась госсектором, который занимал там лидирующие позиции и контролировал основные отрасли производства, такие как нефтедобыча, нефтехимия, электроэнергетика, металлообработка, а также банковский сектор. Деятельность госсектора была излишне централизована и бюрократизирована. Поэтому его работа была малоэффективна и ложилась тяжелым бременем на государство. По словам бывшего министра промышленности САР И. Займа общие потери в госсекторе промышленности достигли в 2001 г. 1,6 млрд. долл. США.⁸⁶

Новое сирийское руководство считало, что модернизация экономики и создание новых рабочих мест должно осуществляться главным образом за счет частного сектора, привлечения иностранных капиталов и финансовых средств сирийских эмигрантов. На деле сирийские инвестиции в другие арабские страны опережали арабские инвестиции в сирийскую экономику. Это происходило в силу слабой инвестиционной привлекательности сирийского рынка. В 2001 г. арабские инвестиции в Сирию составили 43,5 млн. долл. В тоже время сирийские инвестиции в арабские страны равнялись 305 млн. долл.⁸⁷

Серьезной социальной проблемой Сирии стало снижение показателей индекса жизни основной массы сирийского населения. В результате политики жесткой экономии конца 1990-х гг. количество относительно бедных граждан выросло, а разница в доходах существенно увеличилась. Качество среднего и высшего образования значительно ухудшилось в результате сокращения государственных расходов на эти цели. Растущая бедность сказывалась на уровне образованности и вела к оттоку учеников из школ. В отсутствие эффективной государственной системы социальной защиты населения, дети

школьного возраста были вынуждены работать, чтобы помочь пополнил семейный бюджет. В начале 2000-х гг. около 10% сирийских детей в возрасте от 10 до 16 лет работали. Большинство госслужащих не могли прокормить себя и свои семьи только за счет зарплат. Поэтому около 70% государственных наемных работников имели побочный доход. Те, кто был занят в частном секторе, жили немного лучше. Однако около 40-50% экономически активного населения Сирии оставались относительно бедными.⁸⁸ Около 60% учеников начальной и средней школы не смогли закончить учебу.⁸⁹ Безработные или бедняки находились на попечении своих семей или частных организаций социальной защиты. Несмотря на то, что бедность не особенно бросалась в глаза (на улицах сирийских городов не видно большого числа нищих – А.В.), социальные различия весьма значительны. Около 5% сирийцев распоряжались 50% национального дохода. Таким образом, сирийская экономика нуждалась в срочном реформировании, что признавалось официальной сирийской печатью.

В своей инаугурационной речи Б. Асад отметил, что экономическая модернизация является приоритетным направлением реформ. При этом Б. Асад дал ясно понять, что экономическая политика во время правления его отца Х. Асада не смогла решить узловых экономических проблем Сирии. Активизация и поощрение частного сектора, снятие бюрократических препятствий для привлечения зарубежных инвестиций, создание новых рабочих мест, повышение квалификации рабочих, укрепление образования и расширение информационных технологий – вот лишь не полный перечень задач, стоявших перед новым руководством в экономической сфере.⁹⁰ «Модернизация» стала ключевым словом, особенно в сфере законодательной базы экономики. В течение короткого времени была принята целая серия законов и декретов, с целью придать сирийской экономике более прозрачный характер, поощрить частный сектор, осуществить реформу административных органов и образования. Таможенные пошлины на импорт сырья для местной обрабатывающей промышленности были существенно снижены. Ограничения на

импорт, налоги на экспорт и ограничения на операции с иностранной валютой были заметно облегчены или вовсе сняты. А ведение торговых операций с иностранной валютой и владение ею больше не наказывалось. Закон о налоговой реформе, призванный сократить ставки налога при общем повышении сборов был передан в парламент. Был принят закон о т.н. особых экономических районах для иностранных инвесторов. Впервые в Сирии были созданы агентства по борьбе с безработицей и открылись бюро по найму рабочей силы. Были выделены средства на поддержку государственных программ занятости и выпускникам вузов стали выдавать кредиты на открытие собственного дела. Был принят закон об образовании частных университетов. При министерстве высшего образования был создан так называемый «Виртуальный университет» для общения сирийских студентов со своими коллегами в зарубежных университетах через Интернет.

В экономической области власти объявили ряд мер, призванных ослабить жесткий государственный контроль над экономикой за счет внедрения в нее некоторых принципов свободного рынка. Предпринятые новым руководством шаги, если и не могли сразу кардинально решить проблемы сирийской экономики, но демонстрировали признание правительством существования острых экономических проблем в Сирии. Так, в октябре 2000 г. официальная сирийская пресса опубликовала основные положения нового пятилетнего плана, принятого сирийским правительством, где констатировалось наличие серьезных экономических и социальных проблем в развитии САР.⁹¹ Таким образом, у населения сохранялась надежда, что темпы экономической либерализации будут усиливаться. Одним из косвенных показателей серьезности намерений власти в этой области стало то, что бюджет 2001 г. был разработан и принят без проволочек и затяжек, что являлось беспрецедентным для Сирии последних десятилетий.

Несмотря на предпринятые в первые годы президентства Б. Асада усилия по улучшению экономического положения страны (к июлю 2001 г. было принято около 100 новых законодательных актов в области реформирования экономики), существенно

изменить ситуацию не удалось. И дело здесь было не столько в самой экономике, сколько в проблемах политического характера. В случае быстрых и масштабных рыночных преобразований в Сирии, которые неизбежно привели бы к обрушению прежней экономической системы, многие, чье благополучие было связано с государственным сектором, могли серьезно пострадать. При определенных обстоятельствах это могло вызвать социальный взрыв в САР. Так, по данным официальной сирийской статистики, 1,2 млн. человек (40% экономически активного населения) было занято на государственной службе, в том числе в отраслях военной промышленности и гражданском производстве.⁹² Более 80% занятых в сельском хозяйстве работало в государственных предприятиях и сельских кооперативах. Их деятельность полностью зависела от государственной помощи и различных дотаций. Занятые в этих отраслях экономики составляли 2/3 экономического активного населения страны, и образовывали одну из важнейших социальных опор режима, многие нынешние руководители которого (как сунниты, так и алавиты – А. В.) были родом из сельской местности⁹³. Б. Асад хорошо понимал и вынужден был учитывать данные сирийские реалии.

Поэтому сирийское руководство крайне настороженно относилось к идее приватизации госсектора. Вместо этого была предложена реформа госсектора. Иностранным компаниям разрешалось принимать в ней участие на контрактной основе. Однако продажа госпредприятий не предусматривалась. Промышленный госсектор должен был быть «рационализирован», а государству отводилась роль предпринимателя, в отраслях стратегического характера и в «прибыльных» сферах хозяйства.⁹⁴ Правительственные чиновники опасались возможного социального недовольства в результате приватизации. Поэтому было принято решение о необходимости поддержки госсектора по соображениям «безопасности и стратегического характера». Сторонники этого курса считали, что в связи с сохраняющейся угрозой возможной агрессией Израиля государство должно было иметь возможность обеспечить население базовыми товарами

собственного промышленного производства.⁵⁵ Приватизация части госсектора затрагивала также интересы влиятельных промышленных группировок. Несмотря на свою убыточность, госсектор оставался важным инструментом политической мобилизации и контроля над обществом.

Среди большинства правящей элиты не было особых разногласий по вопросу о том, что фискальная политика государства должна осуществляться более решительными темпами для того, чтобы обеспечить стране экономический рост. Политика жесткой экономии 1990-х гг. была успешно преодолена. Доходы бюджета выросли с 10% до 18% за первые три года правления Б. Асада. Высокий дефицит платежного баланса был снижен. В 2003г. сирийский бюджет составил 420 млрд. сир. ф. против 265 млрд. сир. ф. в 2000 г. Снижение расходов на образование было пересмотрено, а реальные потери доходов занятых в госсекторе были компенсированы повышением зарплаты на 25% в 2001 г. и 20% в 2002 гг. В середине мая 2002 г. президент подписал указ о повышении заработной платы государственным рабочим и служащим, а также военным на 20%. Размер пенсий для этой категории населения также был увеличен на 15%.⁵⁶ Благодаря этому в 2003 г. удалось поднять зарплату в госсекторе до 6 тыс. сир. ф. в месяц. Населению стало легче брать кредиты в госбанках. Вновь созданный Совет по кредитам и финансам впервые за последние несколько десятков лет, снизил процентную ставку в 2003 г. с 9% до 2,5% чтобы поощрить частные инвестиции.

С другой стороны многие представители властной военно-бюрократической элиты САР были не заинтересованы в углублении реформ, тем более приватизации госсектора. В Сирии министры и приравненные к ним по тарифной сетке зарплаты другие категории служащих официально получали около 400 долл. США в месяц. При этом размер их заработка вроде бы не очень заметно отличался от жалования других бюджетников. На деле же, министры регулярно получали различные премии (размер которых был сопоставим с их заработком), имели в своем распоряжении несколько автомобилей с

шоферами и т.п. Только размер командировочных этой категории сирийских трудящихся составлял 200 долл. США в день. Естественно, они с опаской и без должного энтузиазма относились к любым переменам.⁹⁷ Поэтому, несмотря на желание Б. Асада структурно реформировать сирийскую экономику, в том числе ее административный аппарат, сделать это было весьма не просто.

Особенно хорошо это было видно на примере реформы финансово-банковской системы – основы модернизации всей сирийской экономики. Не случайно экономическая либерализация в Сирии началась с реформы именно этого сектора национальной экономики. За день до своего избрания президентом республики на заседании сирийского парламента 27 июня 2000 г. Б. Асад распорядился разрешить иностранным банкам действовать в одной из 5 «свободных зон» Сирии. Менее чем через месяц после своей «инаугурационной речи» 17 июля 2000 г., в которой он выступил с программой реформ, Б. Асад 8 августа издал указ о работе трех частных банков в сирийских «свободных зонах». Ряд ливанских банков первыми получили возможность принять участие в этом эксперименте. 2 декабря 2000 г. на заседании Регионального Руководства ПАСВ под председательством Б. Асада было принято решение о создании частных банков в Сирии «в виде частных или смешанных акционерных предприятий» с минимальной кредитной базой в 30 млн. долларов США. При этом указывалось, что частные банки не заменят собой контролируемые государством 6 существующих банков, а будут служить их дополнением. На заседании была также выражена поддержка планам создания фондовой биржи и принятия соответствующих законов для юридического обеспечения банковской реформы.⁹⁸ Действительно, при условии, что частные банки смогли бы в кратчайшие сроки завоевать доверие на международном уровне, они были бы способны оперативно обслуживать и финансировать сирийский экспорт и импорт. Стали бы гарантом от воздействия отрицательных факторов, которые могли бы появиться в результате свободного обмена сирийского фунта и разрешения на переводы неограниченных средств

в национальной валюте. В отличие от частных банков, государственные не могли обеспечивать столь высокую норму прибыли, качественно и быстро проводить операции. Таким образом, потенциальные клиенты вынуждены были прибегать к помощи финансовых учреждений третьих стран, в результате чего Сирия, по некоторым данным, ежегодно теряла около 1 млрд. долл. ежегодно. Наличие широкой сети частных банков и их филиалов в туристических центрах способствовало бы развитию туризма, увеличению притока посетителей, особенно из арабских государств. Частный банковский сектор смог бы обеспечить появление новых рабочих мест для высококвалифицированных специалистов, многие из которых не находили себе достойного применения, а также ускорил бы процесс модернизации государственных финансовых структур. В ходе банковской реформы предлагалось также разрешить арабским и другим зарубежным компаниям становиться совладельцами финансовых учреждений на условиях, что 51% уставного капитала будет принадлежать сирийской стороне. Это позволило бы привлечь капиталы извне, перенять прогрессивный опыт работы, улучшить деятельность управленческих структур. Большие надежды возлагались на превращение Коммерческого банка Сирии в предприятие со смешанным капиталом, (у государства предполагалось оставить лишь 25%) и переход к выплате им не 1% , а 8% годовых, что обеспечило бы приток вкладов граждан и мелких инвестиций. С другой стороны, Сирия была более заинтересована в притоке долго- и среднесрочных вкладов. Для их привлечения было необходимо, чтобы банк, с одной стороны, работал быстро и эффективно, а с другой, гарантировал возвращение инвестиций. Для решения этой задачи планировалось реконструировать Промышленный и Сельскохозяйственный банки в Банк развития со смешанным капиталом (50% остается у государства). Параллельно с организационными мероприятиями необходимо было провести большую работу по внедрению новейшей техники, обучению персонала, изучению управленческим аппаратом современных методов ведения банковского дела. 25 декабря 2000г. Центральный банк САР объявил о

планах ввода в стране первых кредитных карточек. А уже 29 марта 2001 г. Совет министров САР принял новый закон о банках, на основании которого разрешалось создание частных банков и вводилось понятие тайна вклада. В Сирии разрешалось создавать два типа частных банков: с участием капиталов частных лиц или иностранных граждан при условии, что 51% уставного капитала принадлежал национальным инвесторам и совместные финансовые предприятия с участие частных лиц и сирийского государства (не менее 25% капитала). 16 апреля 2001 г. Б. Асад издал декрет N28 о создании частных банков, где государство владело 25% капитала, а также декрет N29, обязывающий сирийские банки соблюдать тайну вкладов. Сирийское руководство хорошо понимало всю значимость для дальнейшего развития страны реальной банковской реформы. 30 апреля на пресс-конференции премьер министр САР М. Миро заявил, что сирийское правительство считает, что частные банки «смогут облегчить бремя национальной экономики» и снизить ее зависимость от государства. Хотя сирийское банковское законодательство сильно отставало от западных стандартов, сирийские власти не прекращали попыток реформ: введение кредитных карточек, тайны банковских вкладов и т.п. Особое внимание Б. Асад уделял вопросам развития системы частных банков и созданию современной финансовой системы в САР.⁹⁹

Однако, сохранявшиеся ограничения на обмен валюты и наличие нескольких обменных курсов в Сирии, давали представителям властной верхушки возможность, используя свое служебное положение и связи, обогащаться на разнице этих курсов. Они стремились также сохранить прежнюю систему выдачи банковских кредитов и определения процентных ставок по ним, которые зависели не столько от экономической целесообразности, сколько от политических соображений. Поэтому, несмотря на то, что в январе 2001 г. в Сирии был принят закон об образовании частных банков, сирийское правительство отказалось учредить новый независимый орган банковского регулирования. В результате, за год после принятия этого закона кроме нескольких банков

Ливана, чья экономика находилась под контролем Сирии, банки других стран не выразили желания работать на сирийской рынке. Более того, в середине 2002 г. Б. Асад публично выразил сомнение в способности частных банков обеспечить развитие национальной экономики.¹⁰⁰

Процессы модернизации в Сирии осложнялись еще и непростой конфессиональной и земляческой составляющими властной вертикали, доставшейся Б. Асаду в наследство от прежних лет. Решая задачу безусловного обеспечения наследственной преемственности власти в сложных внутри и внешнеполитических условиях, Х. Асад и его сын несколько нарушили сложившийся во властных структурах конфессиональный баланс, что вызывало плохоскрываемое возмущение суннитов засильем алавитов в правительстве и армии. Проведенные Б. Асадом перестановки в армии и спецслужбах были призваны несколько успокоить суннитскую общину и алеппское землячество Сирии. Возможно, с этой же целью Б. Асад неоднократно в ходе различных арабских и исламских конференций подчеркивал свою приверженность общисламскому делу. Конфессиональный аспект новой экономической политики Б. Асада учитывал также позицию по этому вопросу Х. Асада, который считал, что экономика не должна быть зоной исключительных предпочтений для алавитов по сравнению с остальными конфессиями Сирии¹⁰¹. Поэтому, чтобы успокоить своих соплеменников и ослабить их оппозицию программе реформ, Б. Асад активно развивал экономическую инфраструктуру средиземноморского побережья САР (р-ны Латакия, Тартус), где традиционно компактно проживала подавляющая часть алавитов. За счет привлечения зарубежных, прежде всего, арабских инвестиций сотни миллионов долларов вкладывались в развитие туристического сектора сирийской экономики, главным образом в прибрежных районах Сирии. В мае 2003 г. Европейский инвестиционный банк предоставил Сирии кредит на модернизацию порта Тартус в размере 50 млн. евро.¹⁰²

Помимо этой проблемы внутри правящих сирийских элит существовали расхождения и по другим вопросам. Так, Сирия стремилась заключить соглашение о партнерстве с ЕС. Страны ЕС являлись самыми крупными партнерами внешнеэкономической деятельности САР и подобное соглашение предусматривало развитие свободной торговли и оказание финансовой помощи. Соглашение должно было обеспечить доступ сирийских товаров на рынки европейских стран и побудить Сирию снизить, а потом снять таможенные барьеры на импорт товаров из Европы. Соглашение также имело и политический аспект – защита прав человека и демократии. Последнее в принципе не отвергалось Дамаском, хотя и рассматривалось в ряде случаев как попытка вмешательства во внутренние дела страны. Согласно опросу общественного мнения в Сирии, большинство сирийцев позитивно оценивали перспективы подключения к этой инициативе.¹⁰³ Однако часть сирийской политической элиты сомневалась и рассматривала такое сближение как нежелательное. Они считали, что Сирия не выиграет от взаимной либерализации торговли, особенно до тех пор, пока в странах ЕС сохраняются ограничения на импорт сельхозпродукции. По мнению сирийского экономиста Мухаммеда Атраша, который в 2001 г. был министром финансов, союз с ЕС представлял угрозу арабской промышленности и усилиям арабских стран по созданию экономического союза.¹⁰⁴ Этот сирийский экономист также настаивал на том, что если в Сирии будет создана биржа, необходимо будет ограничить участие иностранцев в ее работе.¹⁰⁵ Однако большинство среди новой экономической команды выступало в поддержку соглашения о партнерстве с ЕС, полагая, что это будет самым безопасным путем вхождения САР в процесс глобализации. Хотя в краткосрочной перспективе определенных потерь было не избежать, открытие сирийских рынков перед внешним миром и административная реформа, изменение производственной структуры, несомненно, должны были принести пользу экономике в будущем.¹⁰⁶ Несмотря на скептицизм части сирийской элиты, Б. Асад в начале 2002 г. принял решение ускорить процесс переговоров с ЕС. Это решение

президента вызвало публичные дебаты, в ходе которых акцент был сделан на очевидные будущие выгоды от партнерства с ЕС. Так один из членов команды реформаторов, стоявший на крайне левых позициях - министр промышленности Сирии подчеркивал, что в силу своего «особого независимого пути САР не должна учиться у кого-либо, ни у ЕС, ни у МВФ». В тоже время реформа и модернизация промышленности были крайне необходимы, и соглашение о партнерстве могло обеспечить «миллионы евро» в качестве будущей экономической помощи. Поэтому,- заявлял он, - Сирия должна тщательно подготовиться к будущим переговорам.¹⁰⁷ С учетом статичного характера сирийской экономики сделать это было не просто. Поэтому подготовка к переговорам заняла у Сирии больше времени, чем у других стран Средиземноморского бассейна и окончилась только в декабре 2003 г.

Стремясь обеспечить членство Сирии в ВТО и полноправное участие в европейских политических и экономических институтах, Б. Асад был крайне заинтересован в продолжение процессов политической и экономической либерализации. Тот факт, что в конце апреля, начале мая 2003 г. сирийское правительство, наконец, выдало лицензии трем частным банкам, мог рассматриваться как важный шаг на пути модернизации сирийской экономики. Сирийский кабинет также утвердил проекты создания 2-х частных университетов и 4-х частных радиостанций. В правительстве рассматривался вопрос о реформе образования, в частности планировалось сократить объем военной подготовки в школах и университетах. Школьники младших и средних классов должны были носить новую униформу гражданского, а не военного, как прежде, образца.

В новой правящей сирийской элите не было особых расхождений по вопросу о том, что если не добиться экономического роста Сирия не сможет справиться с проблемой безработицы. Для этого необходимо было дать больше свободы для действий частного сектора. Приоритетными вопросами развития были административная реформа,

образование и техническая модернизация. Важными вопросами с точки зрения команды реформаторов были рост компьютерной грамотности и распространение Интернета. В начале 2003 г. только 1,5% сирийцев пользовались Интернетом.¹⁰⁸ Правительство стало вводить в школах уроки по информатике, поставив задачу довести в ближайшее время число пользователей Интернета в САР до 5% населения. В крупных сирийских городах стали открываться Интернет кафе.¹⁰⁹ Подобная деятельность вызывала обеспокоенность сирийских спецслужб, опасавшихся, что быстрое распространение Интернета без должной защиты сирийских компьютерных сетей, может повредить безопасности страны. Однако их возражения были преодолены, поскольку технократы пользовались полной поддержкой президента. Однако это не помешало спецслужбам участвовать в этом процессе. В 2003 г. доступ к некоторым Интернет сайтам был неожиданно блокирован.¹¹⁰

Таким образом, новое политическое руководство Сирии приняло программу поэтапных экономических реформ, ограниченных по своим масштабам и скорости. Реформы ставились в качестве открытой цели, но должны были осуществляться постепенно, чтобы не нарушить внутривнутриполитической стабильности и баланса сил в стране. Такой подход, хотя и был оправдан с политической точки зрения, затруднял для Сирии конкурентную борьбу с другими арабскими странами за западных потенциальных инвесторов и торговых партнеров. Модернизационные процессы шли, но медленно с точки зрения тех, кто считал необходимым осуществление масштабных реформ. Являясь отражением определенного компромисса внутри правящей элиты, такая политика удерживала иностранных инвесторов от активного развития экономического партнерства с Сирией. В какой-то мере сложившаяся ситуация частично объяснялась расхождениями внутри правящей элиты по вопросу о реформах. С другой стороны, преодолеть сопротивление бюрократии было весьма непросто. Об этом в интервью кувейтской газете «Аль-Анба» 25.05.2003 г. говорил сам президент. Б. Асад отмечал «Мы принимаем законы. Однако имеются проблемы в их выполнении. Граждане Сирии удивляются,

почему принимаются новые законы, когда старые еще не выполнены». Несомненно, десятилетия экономического застоя также имели свои последствия. Поэтому, несмотря на предпринятые новым руководством шаги в реформировании сирийской экономики, многие ее острые проблемы оставались нерешенными. Основопологающие элементы экономической системы – государственное регулирование и управление экономикой – также оставались неизменными. Инициированные Б. Асадом и его единомышленниками реформы не смогли оказать существенного воздействия на процессы модернизации в Сирии на данном этапе. Тем более что проведение экономической либерализации в Сирии сталкивалось с определенными проблемами политического порядка. Многие влиятельные представители правящей элиты, пользовавшиеся экономическими и финансовыми привилегиями опасались, что в случае более радикальных преобразований в стране, они могут оказаться отодвинуты от основных финансовых потоков в Сирии и таким образом утратить свое политическое влияние и экономические позиции в государстве. В этой связи они поддерживали только те реформы, которые не выходили за рамки действующей в САР системы. Вероятно, Б. Асад понимал, что при существующем раскладе сил его власть была объективно ограничена, а подлинные сторонники реформ пока еще не набрали достаточного политического веса, чтобы переломить положение в свою пользу. Возможно, другой бы на его месте в схожей ситуации сложил руки и предпочел бы царствовать, но не править, либо применил силу (соответствующие возможности у президента в армии и спецслужбах имеются), поставив страну на грань гражданской войны. Но не таков Башар - сын Асада. В сложной ситуации он проявил редкие для своего возраста качества – твердость и целеустремленность в достижении поставленной цели в сочетании с политической гибкостью и умением маневрировать. Он действовал как истинный патриот и гражданин своей страны, заботясь, прежде всего не об удовлетворении собственных властных амбиций, а об интересах Сирии и ее народа. Б. Асад осознавал, какая ответственность лежит на нем как гаранте стабильности в стране. В

условиях отсутствия в Сирии серьезной альтернативы Б. Асаду, коалиционное руководство (за исключением вряд ли возможной сегодня военной диктатуры – А.В.) в любых его персональных конфигурациях неизбежно свелось бы к открытой борьбе за власть верхушки властных сирийских элит, межконфессиональной розни и расколу общества. В условиях переходного характера власти в стране, Б. Асад, считал, что оптимальный путь модернизации Сирии должен выражаться формулой «преемственность ради реформ», что позволило бы взять все положительное от прежних времен и одновременно избежать серьезных политических потрясений. Поэтому, очевидно, потребуется еще не один год, чтобы изменения в Сирии приняли необратимый характер.

В тоже время, можно утверждать, что экономические реформы при Б. Асаде, несомненно, будут иметь более широкие рамки и идти быстрее, нежели это можно было представить во времена его отца. Война в Ираке и последовавшие за ней события в регионе побудили Б. Асада серьезно задуматься о необходимости ускорения темпов реформ в САР. При этом речь шла не только о том, чтобы лучше соответствовать требованиям нового миропорядка, который США стремятся внедрить на Ближнем Востоке. Углубление экономической либерализации позволило бы Сирии укрепить свои позиции в новой международной обстановке в регионе и упрочить позиции самого президента внутри страны.

3. Эволюция военно-политической элиты и проблема смены властных поколений в

САР.

Война в Ираке и ее последствия крайне негативно сказались на темпах роста сирийской экономики, привели к значительному сокращению валютных поступлений в бюджет в связи с прекращением экспорта сирийских товаров на емкий иракский рынок и импорта иракской нефти в САР. Возможно, поэтому осуществляемая Б. Асадом до недавнего времени политика государственного менеджмента, суть которой сводилась к

формуле «преемственность ради реформ» стала постепенно сдвигаться в сторону большего ужесточения. Для Б. Асада это было тем более важно, поскольку в отличие от своего отца, который прокладывал себе путь к вершинам власти в условиях жесткой, а под час и жестокой политической борьбы, он был президентом «большого скачка». Б. Асад совершил невероятную карьеру и в результате оказался в «кадровом вакууме». Несмотря на то, что, благодаря усилиям, предпринятым Х. Асадом в последние 6 лет своей жизни, ему удалось создать условия, в которых вопрос преемственности власти в САР был решен в пользу его сына, покойному сирийскому президенту явно не хватило времени, чтобы дать возможность Б. Асаду постепенно обрасти своими людьми на всех уровнях власти. Поэтому на первых порах Б. Асаду пришлось работать в чужой команде. К тому же некоторым из влиятельных представителей этой команды, которые стояли на консервативных позициях в отношении проводимых реформ, он был обязан своим возвышением.

Однако со свойственной людям его профессии деликатностью и осторожностью Б. Асад производил кадровые замены поэтапно и делал это достаточно тонко. В отличие от последних 2-3-х лет правления Х. Асада не было резких отставок и громких увольнений, которые могли породить мощное противодействие самой элиты. Сказался и горький опыт короткой «Сирийской весны», когда хлынувшая через край свобода (по сирийским меркам – А.В.) после прихода к власти Б. Асада не на шутку напугала представителей властных структур, (причем, как старшего, так и молодого поколения – А.В.), которые достаточно быстро сумели отмобилизовать свои силы и фактически свернули политические реформы в САР. При этом процесс замен хоть и отличался достаточно широким охватом, шел достаточно тихо и незаметно, без громоподобных скандалов. Отставники, как правило, хорошо устраивались и, благодаря этому удавалось избегать возникновения армии обиженных чиновников. В Сирии чиновничество – это особый

класс и нужно было иметь определенный талант, чтобы даже из проштрафившихся создавать себе сторонников.

Тем не менее, за первые два года своего президентства Б. Асад осуществил достаточно широкие кадровые перестановки в партийном и государственном аппарате. Так, с 2000 по 2002 г. около 60% политических, административных и военных руководителей разного уровня были отправлены в отставку. Все редакторы ведущих сирийских газет сразу после прихода Б. Асада к власти были заменены. В последующие месяцы во главе большинства провинций и обкомов ПАСВ были поставлены новые руководители. В 2002 г. выборы в первичные организации ПАСВ привели к значительным изменениям в их руководстве. В 2003 г. был избран новый парламент, из 250 членов которого 178 депутатов были новые. В марте 2002 г. правительство приняло указ, согласно которому все гражданские служащие, чей возраст превышал 60 лет, должны были уволиться. Это решение касалось около 80 тысяч чиновников и давало возможность молодым кадрам продвинуться по службе, создавало перспективы для вновь пришедших. На гражданской службе возникли благоприятные условия для укрепления позиций молодого поколения. Под давлением «старой гвардии» президент сделал исключения, прежде всего для министерства иностранных дел и силовых структур под предлогом нехватки опытных специалистов в условиях сложной обстановки вокруг Сирии. С точки зрения президента такое обновление и омоложение политической и управленческой элит было необходимо для того, чтобы обеспечить поддержку идеям Б. Асада в отношении реформ и расширить круг руководителей, обязанных своим назначением лично президенту. Поэтому спустя весьма непродолжительное время Б. Асад произвел ряд кадровых перестановок в армии и спецслужбах.

В январе 2002 г. в отставку был отправлен начальник Генштаба САР А. Аслан – алавит, один из близких Хафезу Асаду высокопоставленных военных. В армии А. Аслан пользовался репутацией руководителя, который существенно укрепил боеспособность

сирийских вооруженных сил. Назначенный Х. Асадом на этот пост после отставки в 1998 г. Х. Шехаби, А. Аслан, как считали в осведомленных сирийских кругах, не смог найти общего языка с зятем Б. Асада генералом А. Шаукатом, который после смерти Х. Асада фактически руководил всеми кадровыми вопросами в силовых структурах Сирии. Отставка А. Аслана с поста начальника Генштаба объяснялась также и тем обстоятельством, что в течение 24 лет этот пост занимал представитель суннитской общины Алеппо, а с приходом А. Аслана в армии заговорили о дальнейшей «алавитизации» командного состава сирийских вооруженных сил. На место А. Аслана был назначен его заместитель, суннит, 67-летний генерал Х. Туркмани – уроженец Алеппо. В сирийской армии Х. Туркмани был известен как один из верных и последовательных сторонников укрепления военно-технического сотрудничества с Россией. Отставка А. Аслана предполагала начало масштабных кадровых перестановок на уровне высшего и среднего звена командного состава сирийской армии, особенно среди тех офицеров, чье выдвижение было обусловлено поддержкой представителей «старой гвардии», к которой наряду с А. Асланом относился и министр обороны М. Тлас. Возможно, этим обстоятельством было продиктовано решение М. Тласа поторопиться с подачей Б. Асаду в феврале 2002 г. своего рапорта об отставке (по возрасту), рассмотрение которого было отложено президентом до июля 2002 г., когда в армии и спецслужбах ожидалась серия кадровых перемещений.¹¹¹ Как уже о практически решенном вопросе, в Дамаске заговорили об отставке генерала Х. Халиля с поста начальника Управления военной контрразведки. На этот пост Х. Халиль был назначен летом 2000 г. после того, как Б. Асаду наконец удалось отправить в отставку многолетнего главу Управления военной контрразведки А. Дубу, который не скрывал своего скептического отношения к власти молодого президента. Однако и при новом начальнике – своем прежнем заместителе, А. Дуба не утратил связи с Управлением военной контрразведки и пытался вмешиваться в работу этой важнейшей в Сирии

спецслужбы. В начале 2002 г. свой пост начальника контрразведки ВВС/ПВО САР (одной из самых «закрытых» и близки к Х. Асаду сирийских спецслужб) оставил генерал И. Аль-Ховеиджи. В начале марта 2002 г. Б. Аль-Асад своим приказом уволил в отставку «за грубые нарушения норм поведения и превышение служебных полномочий» около 30 высокопоставленных офицеров спецслужб. В основном это были сотрудники территориальных (провинциальных) управлений Департамента политической безопасности МВД САР, во главе которого находился также один из ближайших сподвижников Х. Асада генерал Аднан Бадр Хасан.¹¹² В начале октября 2002 г. А. Б. Хасан был отправлен в отставку. Вместо него главой Департамента Б. Асад назначил командующего разведкой сирийских войск в Ливане Г. Канаана. Ранее, в декабре 2001 г. в ходе произведенных Б. Асадом кадровых перестановок в сирийском кабинете министров на пост министра внутренних дел САР вместо отправленного в отставку М. Харба – еще одного из старых сподвижников Х. Асада, - был назначен генерал А. Хаммуд. До этого А. Хаммуд - представитель алавитской общины в течение нескольких месяцев возглавлял Управление общей разведки САР, что вызывало настороженность военных-суннитов. На место А. Хаммуда был назначен генерал, суннит, Х. Аль-Ихтияр. Назначение А. Хаммуда рассматривалось в информированных кругах Дамаска как новый шаг Б. Асада по усилению своего контроля над национальными спецслужбами за счет укрепления руководящего состава МВД переданными ему людьми и передачи этому министерству части полномочий и функций сирийских спецслужб. Характерно, что традиционно на пост министра назначался выходец из полиции. Кадровые перестановки в МВД САР имели также и внешнеполитическую подоплеку. Возглавлявший ранее службу разведки и контрразведки в Западном Бейруте Г. Канаан мог оказаться полезным президенту в проведении его собственной политической линии в Ливане. С другой стороны, в соответствии с негласным распределением обязанностей в сирийских спецслужбах, Департамент политической безопасности МВД САР, который возглавил приобретший в

Ливане богатый опыт «переговорщика» Г. Канаан, отвечал за «турецкое досье» и курировал общий ход сирийско-турецких отношений, в нормализации которых Б. Асад был крайне заинтересован.¹¹³

Как и его отца покойного президента Хафеза Асада молодого сирийского лидера отличало внимательное и аккуратное отношение к кадрам. Собственный выбор Б. Асада и его личные предпочтения наиболее удачно были представлены в кабинете министров. Особенно хорошо это было видно на примере экономического блока правительства. Большинство вновь назначенных министров были технократы, ориентированные на техническую модернизацию и интеграцию Сирии в мировую экономику. Многие из них имели университетское образование (инженерное или экономическое – А.В.), полученное на Западе. Несколько членов команды реформаторов были «тезависимые». Они не состояли ни в ПАСВ, ни в других политических партиях, входящих в состав НПФ. Ряд из них были из числа ведущих членов сирийского компьютерного общества, которое Б. Асад возглавлял до того, как стал президентом.

Б. Асад хорошо знал, что любая власть при подборе кадров учитывает, прежде всего, два основных критерия: компетентность и преданность. Для нынешней сирийской власти, во главе которой стояли выходцы из алавитской общины (12% населения САР – А.В.), немаловажное значение имел и еще один критерий – конфессиональная и земляческая общность. Если брать на должности одних профессионалов, то рано или поздно власть будет представлять собой идеальную бюрократию, которая вряд ли сможет адекватно восприниматься традиционным сирийским обществом, тем более управлять им. Если замещать руководящие посты исключительно преданными и соплеменниками, то это бы означало консервацию прежних порядков и сохранение патримониального государства по типу восточных деспотий. Такая власть не была бы заинтересована в глубоких реформах, не смогла бы их осуществлять и эффективно реагировать на внешние вызовы, которые в связи с иракскими событиями все больше фокусировались на Сирии. В

сложившихся условиях Б. Асад стремился найти оптимальное решение и выйти в своей кадровой политике на следующую пропорцию: 10-15 преданных и соплеменников на 1-2 профессионалов.

Тем не менее, большинство новых назначений представляло лучшее и более эффективное руководство. Новые кадры отличались более демократичными взглядами и более открытым стилем руководства, чем их предшественники, особенно в сфере общественных связей. Министры-технократы устраивали пресс-конференции и не боялись отвечать на острые вопросы. Новые назначенцы, как правило, не были замешаны в коррупционных делах, что выгодно отличало их от некоторых бывших руководителей эпохи Х. Асада. Такие критерии как политическая благонадежность и активное участие в делах ПАСВ больше не играли определяющей роли при назначении на различные административные посты. Более того сама партия предпринимала соответствующие меры по повышению квалификации своих членов. Так, на выборах 2003 г. в парламент баасистские кандидаты идущие на выборы по спискам «рабочих и крестьян» (более 1/2 зарезервированных мест в парламенте – А.В.) обязаны были иметь сертификат об окончании средней школы. Остальные – как минимум бакалаврскую степень.¹¹⁴

Совпавшие по времени кадровые перестановки в правительстве и руководстве армии и спецслужб дали основания некоторым сторонникам Б. Асада предположить, что президент стремится постепенно переместить центр власти из военных в гражданские институты государства. Однако на деле, административная реформа так и не была завершена и свелась к обычному «перепрограммированию» чиновничьего аппарата. Тем более, как и при Х. Асаде в условиях новой президентской власти, сирийские силовые структуры, прежде всего спецслужбы, оставались главным элементом социально-политической жизни САР и продолжали осуществлять контроль над развитием основных внутривнутриполитических процессов в стране. Поэтому реальные рычаги власти остались под контролем прежней правящей элиты. Возможно, отдельные ее представители и

помолодели на 5-8 лет, но большинство из них, по сути, обладало мировоззрением своих старших коллег. К тому же они не чувствовали своей полной зависимости от воли Б. Асада и оставались во многом лояльны своим бывшим начальникам, которые продолжали составлять ближайшее окружение молодого президента. Так, уже в мае 2002 г. Б. Асад издал специальный указ о продлении на два года срока службы министру обороны САР М. Тласу, который по возрасту (70 лет) должен был выходить в отставку. А уволенные в отставку А. Аслан, И. Ховейджи, М. Насыф были назначены советниками президента по вопросам обороны и национальной безопасности.¹¹⁵ В этой связи не будет большим преувеличением утверждать, что за первые 4 года своего правления Б. Асад вряд ли поменял больше 10% - 15% элиты, в руках которой находилась реальная власть в стране.¹¹⁶

С другой стороны, молодого сирийского лидера явно не могли устроить вялые темпы процессов модернизации и демократизации в стране, что усугубляло и без того сложные демографические и социально-экономические проблемы и ставило под вопрос дальнейшую судьбу реформ и стабильность власти. Б. Асада явно беспокоит тот факт, что реальные рычаги власти оставались под контролем прежней правящей элиты, многие влиятельные представители которой, продолжали монопольно пользоваться в своих интересах крупными финансовыми потоками в стране. При существующем раскладе сил подлинные сторонники реформ не могли набрать достаточного политического веса, чтобы переломить сложившуюся ситуацию.

Большинство партийных функционеров низшего и среднего звена в возрасте 30-40 лет были склонны увязывать процесс кадровых перестановок на высшем уровне руководства партии и государства со сменой поколений, а не политическими предпочтениями. Они подчеркивали, что их поколение более современно, более технически развито, более открыто миру. Они сетовали, что кроме Б. Асада его поколение слабо представлено в высших эшелонах власти и настаивали на необходимости

«улучшить качество» руководящего состава партии и государства. Это, однако, не свидетельствовало о том, что новое поколение имело альтернативный план, отличавшийся кардинальным образом от планов их предшественников. В своем интервью спутниковому каналу «Аль-Арабия» 9 июня 2003 г. Б. Асад прямо говорил об этом. Если «старая гвардия» стремится сохранить свои интересы, то «новая гвардия» это, возможно, те, кто хочет быть вместе с ними и делать то же самое», - подчеркнул сирийский президент. На самом деле, основная проблема заключалась не столько в противоречиях между «старой» и «новой» гвардиями, сколько в необходимости осуществить кардинальные изменения в прежних структурах реальной власти.

Первым серьезным шагом в этом направлении стала отставка «несменяемого» министра обороны САР корпусного генерала первой степени М. Гласа (находился на этом посту с 1974 г. – А.В.) 11 мая 2004 г. Данное мероприятие готовилось постепенно. Однако с началом войны в Ираке Б. Асад был вынужден предпринять более решительные меры. Уже 21 апреля 2003 г. Б. Асад издал закон № 18, 166 статья которого устанавливала жесткие ограничения по возрасту для высшего командного состава армии и спецслужб, а также пересматривала прежние положения о продлении сроков воинской службы, сохранении в запасе и заключении гражданского контракта. Согласно этой статье для военнослужащих в звании от полковника и выше устанавливались следующие возрастные пределы: корпусной генерал первой степени – 62 года, корпусной генерал – 60 лет, дивизионный генерал – 58 лет, бригадный генерал – 56 лет и полковник – 54 года. Одновременно допускалось двукратное продление срока службы не более чем на 2 года в соответствии с особым указом президента. Раньше, например, бригадный генерал мог занимать должность до 58 лет, затем ему, как правило, продляли срок службы еще на 2 года. Прежде служба высших офицеров всех званий ограничивалась определенным числом лет, в течение которых он мог находиться в одном и том же звании без повышения. Бригадный генерал - 10 лет плюс 2 года продления. Затем этот срок

сократился до 8 лет плюс 2 года продления. Дивизионный генерал 10 лет, корпусной генерал -15 лет. Новый закон вводил также определенные изменения для офицеров (40 лет и старше), которые хотели поступить на курсы высшего комсостава, что служит основой их дальнейшего повышения в звании и продвижения по службе.¹¹⁷ Прежде поступать на такие курсы (обучение 13 месяцев – А.В.) могли офицеры в звании не ниже дивизионного генерала. Еще в 1998 г. Х. Асад планировал снизить планку для абитуриентов до полковника и бригадного генерала. Новый закон был явно нацелен на то, чтобы освободить командные должности для среднего офицерского звена и побудить их активнее овладевать премудростями современной военной науки.

Сроки выхода на пенсию начальника Генштаба и министра обороны регламентировались новым законом особо. Им разрешалось оставаться на военной службе до 70 лет без учета ограничений по званию. В связи с тем, что на момент принятия данного документа возраст М. Тласа превысил указанный рубеж, в законе было сделано особое дополнение, в соответствии с которым президент в качестве исключения мог продлить срок службы министра обороны еще на 2 года¹¹⁸. Несмотря на это, в армии хорошо осознавали, что принятие данного закона означает, что, во-первых: дни М. Тласа на посту министра обороны сочтены, и, во-вторых: президент вряд ли пойдет в дальнейшем на другие исключения. Силловые структуры получили недвусмысленный сигнал президента о том, что уже в ближайшие 1,5-2 года он намерен существенно омолодить кадровый состав армии и спецслужб, продолжая и развивая кадровую политику своего отца, суть которой сводилась к «транспарентности» кадровых перемещений в армии, когда любое выдвижение на руководящие посты должно было производиться, прежде всего, с учетом выслуги лет и старшинства по званию. Став президентом, Б. Асад на деле продемонстрировал свое намерение следовать курсом Х. Асада при кадровых назначениях в армии. После отставки М. Тласа пост министра обороны занял Х. Туркмани, а начальником Генштаба стал соответственно А. Хабиб.

Таким образом, после принятия закона №18 кадровые перемещения в армии стали осуществляться в соответствии с понятными принципом и логикой, что облегчало прогноз развития дальнейших событий. Так, например, у Х. Туркмани гипотетически есть еще в запасе 3 года до отставки, после чего его место должен будет занять А. Хабиб (если их работа будет устраивать президента – А.В.). На место А. Хабиба будет назначен один из его заместителей – старший в звании корпусного генерала.

Таким образом, Б. Асад демонстрируя свое намерение омолодить кадровый состав армии и спецслужб, старался делать это весьма деликатно и осторожно, исходя из особенностей развития внутренней обстановки в стране и складывающейся вокруг Сирии внешнеполитической ситуации. Характерно, что положения статьи 166 закона №18 от апреля 2003 г. стали применяться только в июле 2004 г. в соответствии с особым декретом президента. Так, 18 июля 2004 в отставку ушел заместитель начальника Генштаба, корпусной генерал А. Сайяд, которому к этому времени исполнилось 64 года. На очереди был другой заместитель начальника Генштаба, корпусной генерал Ф. Исса (14.04.2004), а также заместитель министра обороны корпусной генерал А. Наби (08.12.2004). В первой половине 2005 года оканчивается срок службы начальника инспекционного управления министерства обороны, корпусного генерала Т. Джаалюля, а также заместителей министра обороны, корпусных генералов Ш. Файяда и И. Сафи.

Сложнее обстояло дело с сирийскими спецслужбами, где любые кадровые перемещения на высшем уровне производились крайне осторожно, а их возможные последствия тщательно взвешивались. Однако, если Б. Асад решил следовать букве нового закона, то уже в январе 2005 г. ему придется отправить в отставку начальника Управления общей разведки САР дивизионного генерала Хишама Ихтияра, а в феврале-апреле 2005 г. должны будут оставить свои посты дивизионные генералы, начальники

Управления военной контрразведки (Хасан Халиль)*, Департамента политической безопасности МВД САР (Гази Канаан), Контрразведки ВВС/ПВО (Изеддин Исмаил), соответственно.¹¹⁹ Характерно, что первым трем срок службы уже продлен, а И. Касем вообще находится в запасе. Такая масштабная смена руководства ключевых сирийских спецслужб явление для Сирии необычное и есть основания полагать, что президент вряд ли будет здесь торопиться или, по крайней мере, постарается разработать какие-то альтернативные варианты, учитывая при этом необходимость сохранения конфессионального баланса в силовом блоке. Тем более что некоторых из указанных лиц он лично выдвигал и способствовал их карьерному росту в армии, а затем и в спецслужбах. К тому же, инициированная Б. Асадом реформа сирийских спецслужб идет весьма не просто. Назначение в октябре 2004 г. на пост главы МВД Г. Канаана, которому президент поручил реализацию плана реформы органов госбезопасности, предусматривающего создание на основе различных соперничающих спецслужб единого суперведомства, было неоднозначно встречено в сирийских силовых структурах. В руководстве армии и органов госбезопасности резко обострилась борьба за власть. Часть «силовиков», опасаясь утратить свои властные полномочия, выступили против планов Б. Асада по реформе спецслужб и их подчинению Г. Канаану. 25 января 2005 г. министр обороны САР Х. Туркмани выступил с инициативой создания в Сирии Совета Национальной Безопасности. В состав СНБ, во главе которого стоит президент, должны были входить ряд постоянных членов: премьер-министр, министры обороны, иностранных и внутренних дел, информации, начальники Генштаба и УОР САР. Как полагают, в либеральных сирийских кругах данный шаг сирийского военачальника был

* 18 февраля 2005 г. Б. Асад подписал указ о назначении Асефа Шауката начальником УВКР вместо отправленного в отставку Х. Халиля, которому 14 февраля исполнилось 60 лет. Характерно, что еще в ноябре 2004 г. созданная в 2000 г. А. Шаукатом структура в УВКР, контролировавшая деятельность всей армии и самого Управления была расформирована, а сам А. Шаукат назначен заместителем Х. Халиля. Данное решение президента вызвало неоднозначную реакцию в военных кругах Сирии. Часть представителей силовых структур считали, что с учетом напряженных отношений А. Шауката с Х. Халилем и братом президента М. Асадом положение некогда влиятельного генерала сильно осложнилось. Другие же рассматривали данное назначение как еще один шаг президента в рамках идущей в Сирии реформы спецслужб и подготовку А. Шауката к назначению на пост начальника УВКР. (Ахбар Аш-Шарк, 20.11.2004, Elaph, 18.02.2005).

продиктован желанием обеспечить реформу сирийских силовых структур и создать новый, современный аппарат госбезопасности в духе курса реформ и с учетом геополитических изменений в регионе. Общие контуры Совета: его состав, структура и функции, были разработаны рядом видных представителей леволиберальных сил САР еще в конце 2003 г в виде отдельного документа. Однако последние перестановки в руководстве сирийских спецслужб свидетельствуют, что Б. Асад пока склонен идти прежним проверенным путем в ходе кадровых перемещений в этой сверхделикатной сфере государственного менеджмента.* В этой связи, необходимо подчеркнуть, что согласно положению об Управлении общей разведки там могут служить как военные, так и гражданские лица.** При этом допускается, что начальник управления и его заместители не обязательно должны носить погоны. С другой стороны, Департамент политической безопасности – структура наиболее тесно связанная с широкими массами сирийского населения. Поэтому в недрах этой организации разрабатывались предложения о том, что должность начальника Департамента может занимать гражданское лицо. В качестве главного аргумента выдвигался тезис, что этот пост в сегодняшней Сирии больше политический, чем военный, а его руководитель должен иметь стратегическое видение развития политических процессов в стране и принимать активное участие в них. Это особенно важно, с учетом готовящегося закона о политических партиях в рамках предстоящих реформах в ПАСВ и НПФ. Поэтому министерство внутренних дел, в структуру которого входит Департамент политической безопасности, призванный надзирать за политической благонадежностью граждан, находилось на особом учете у Б. Асада. В этой связи характерен подписанный Б. Асадом в начале июля 2004 г. приказ об одновременном повышении в звании 5 бригадных генералов МВД – 4-х начальников

* MENL, 03.02.2005, BBC World service, 25.01.2005

** Именно это обстоятельство послужило формальным предлогом для того, чтобы Х. Ихтияр, срок службы которого окончился 18 января 2005 г., остался на прежнем посту. Любопытно, что в свое время Х. Ихтияр, который служил начальником управления УВКР по г. Дамаску был направлен в УОР на «укреплении военной составляющей» этой службы.

полиции: г. Дамаска, провинций Дамаска, Идлеба, Халеба, а также начальника политуправления МВД САР. Комментируя столь беспрецедентное в истории МВД САР событие, начальник полиции г. Дамаска дивизионный генерал Набиль Гариб отмечал, что данный шаг президента свидетельствует о его большом доверии к силам внутренней безопасности и высокой оценке из работы.¹²⁰

Как это обычно бывает в Сирии, столь крупные кадровые перемещения в армии и спецслужбах неизбежно влекли за собой, и сопровождались не менее крупными перестановками в других ключевых министерствах и ведомствах САР. Так, 21 июля 2004 года министр иностранных дел Сирии Ф. Шарра издал приказ №67 о новых назначениях в центральном аппарате и зарубежных дипломатических миссиях МИД САР. В нем в частности говорилось о назначении 25 различного ранга дипломатов (преимущественно послов) центрального аппарата на службу в зарубежные дипломатические представительства САР и переводе на работу из одних в другие сирийские посольства. Еще в конце июня, начале июля 2004 г. в информированных кругах Сирии заговорили о том, что Б. Асад намерен направить двух своих ближайших соратников Сами Хейми и Набраса Фадыля послами в Лондон и Париж, соответственно. Данная информация не на шутку встревожила «реформаторские» круги Сирии, в которых с этими именами связывали дальнейшее продвижение реформ в стране. 50-летний уроженец Дамаска С. Хейми считался одним из близких президенту людей, под началом которого он работал еще в Компьютерной ассоциации САР. В последнее время Б. Асад поручал ему выполнение деликатных миссий за рубежом. С. Хейми являлся также ведущим членом так называемой «группы поддержки», сформированной в мае 2003 г. по поручению Б. Асада Н. Фаделем для оживления переговоров о партнерстве с ЕС. Менее чем за год С. Хейми и его группа добились, куда больших успехов, чем их предшественники за 7 предыдущих лет. Если с назначением С. Хейми было все более или менее ясно и «Форин Офис» уже дал согласие на его приезд в Лондон вместо М. Насара (был избран недавно заместителем

генсека ЛАГ - А.В.), то вопрос с Н. Фаделем оставался, судя по всему, открытым. Выпускник Высшего политехнического института в Париже 43-х летний Н. Фадль, проживавший с 1978 по 2003 гг. во Франции, всячески опровергал информацию о своем возможном назначении послом. Действительно, у него и дома хватало забот. К тому же, если для С. Хейми назначение послом было явным скачком в карьере, то для Н. Фадля не все обстояло так однозначно. Будучи советником президента по экономическим вопросам, он курировал ряд важных проектов, связанных с административной, финансово-кредитной и судебными реформами, призванными коренным образом изменить внутривнутриполитическую ситуацию в Сирии. В тоже время, с назначением Н. Фадля в Париж связывали достижение прорыва в сирийско-французских отношениях, которые достигли чрезвычайно низкого уровня за последние 2-3 года.¹²¹ Это было связано, прежде всего, с расхождением позиций Дамаска и Парижа по проблеме Ливана, а также с тем, что в ходе недавних торгов тендер на добычу и разработку природного газа в САР достался англо-американскому консорциуму, а не французской «Тоталь», пользовавшейся поддержкой президента Франции Ж. Ширака.

Англия и Франция были далеко не единственными странами, где Б. Асад намеревался «усилить» новыми кадрами дипломатические представительства САР. Как утверждали в осведомленных сирийских кругах, президент распорядился отозвать послов из Канады, Италии, Иордании (назначен Гази Диб – бывший директор САНА – А.В.), Йемена, Германии, Швейцарии. На их места подбирали новые кадры, причем далеко не всегда из числа карьерных дипломатов, а бывших военных и некоторых руководителей частных предприятий САР. Например, дивизионного генерала, бывшего начальника одного из управлений министерства обороны САР Карьякоса Карьякоса назначили послом САР в Ирак. Характерно, что далеко не все кандидатуры новых послов согласовывались с Региональным руководством ПАСВ, как это было принято раньше, а утверждались по рекомендации президента на заседании Совета министров. Правда, на

заседание 20 июля 2004 г., к удивлению многих, пришло все руководство РР ПАСВ. Однако последовавший вслед за этим упомянутый указ Ф. Шараа коснулся в основном назначений во «второстепенные» страны, с точки зрения приоритетов внешней политики Сирии. Кадровые перестановки в сирийском МИДе действительно имели крупный характер. Всего по данным сирийских экспертов с начала 2003 по июль 2006 гг. предстояло заменить более 50 высокопоставленных сирийских дипломатов.¹²²

Кадровые перестановки коснулись также и информационно-пропагандистского блока, деятельность которого подвергалась все большей критике как не достаточно эффективная с точки зрения качественного и своевременного обеспечения внешнеполитического курса Б. Асада. Так, новый директор сирийского информационного агентства (САНА) отозвал в начале июля 2004 г. ряд зарубежных корреспондентов из-за их недостаточной квалификации и низкого уровня работы. Благодаря этому, САНА смогла сэкономить около 120 тыс. долл. США, которые была намерена потратить на открытие новых корпунктов, например в США (Вашингтон), Германии, Китае. В 20-х числах июля 2004 г. министр информации САР А. Хасан назначил нового директора по телерадиовещанию Сирии Т. Ахмеда бывшего директора общих программ, вместо Ф. Шариджи, назначенного советником министра по телерадиовещанию. Кадровые перестановки коснулись также директоров ряда ведущих телевизионных программ, в том числе спутникового вещания.¹²³

В значительной степени такие масштабные перестановки в ключевых с точки зрения внутренней и внешней политики структурах САР произошли под воздействием внешнего фактора. Складывающейся ситуация вокруг самой Сирии, в соседнем Ираке и арабо-израильском мирном процессе оставалась весьма неопределенной и потенциально опасной для сирийских властей. Возможно, именно это обстоятельство заставило Б. Асада скорректировать прежний курс и ускорить процесс обновления кадров ради углубления реформ. С другой стороны, сирийский лидер давал достойный ответ тем зарубежным

политикам и политологам, которых все время волновал вопрос «Кто правит Сирией?». Действительно решиться на подобные перестановки в узловых механизмах власти в условиях сирийской действительности, не будучи твердо уверенным в крепости своих властных позиций и без однозначной поддержки в армии, спецслужбах, родовом клане и в обществе, в целом, было бы чрезвычайно рискованно и смело и могло быть чревато самыми тяжелыми последствиями. Однако прошедшие четыре с половиной года правления Б. Асада показали, что он хорошо научился рассчитывать свои и чужие силы и способен найти выход из очень непростых ситуаций, не отступая при этом от намеченной цели.

4. Влияние внешнего фактора. Приоритеты внешней политики САР: региональный и глобальный аспекты.

Когда Б. Асад пришел к власти обстановка на Ближнем Востоке и в мире в целом не предвещала для Сирии опасности. Сирийско-израильское направление мирного процесса оказалось в тупике после безрезультатного окончания сирийско-израильских переговоров в декабре 1999 г. и январе 2000 г. и провала встречи Х. Асада и Б. Клинтона в марте 2000 г. Несмотря на это как в Израиле, так и в Сирии не теряли надежд на возможность возобновления мирного диалога. В тоже время каждая из сторон полагала, что особой срочности в возвращении за стол переговоров не было. Премьер-министр Израиля Э. Барак завершил план вывода израильских войск с территории юга Ливана и готовился к переговорам с палестинцами. В Сирии были заняты проблемой оформления законодательных процедур утверждения новой власти.

Однако последовавшее вслед за этим развитие событий на Ближнем Востоке и в мире в целом достаточно быстро похоронило надежды Б. Асада на то, что ему удастся сконцентрироваться исключительно на решении внутренних вопросов реформ. Несмотря на достигнутые за последнее время лично Б. Асадом (24 визита в ведущие страны Запада

и Востока с 2000 г. – А.В.) определенные успехи на внешнеполитической арене, которые несомненно способствовали выводу Сирии из внешней изоляции и укреплению ее внешнеполитических позиций в мире, складывающаяся сегодня ситуация вокруг САР далеко не спокойна.

Во времена Х. Асада внешняя политика Сирии строилась, прежде всего, в контексте арабо-израильского противостояния и одновременно преследовала цель минимизировать зависимость развития внутренней политики от внешнего фактора. В то же время, Х. Асад был прагматиком и сильным политическим стратегом, тонко чувствовавшим малейшие колебания политической обстановки в регионе и в мире в целом, и умел быстро и своевременно реагировать на внешние вызовы. Даже оппоненты Х. Асада высоко оценивали его внешнюю политику и, поэтому, предполагалось, что его преемник должен следовать в русле той же политической схемы.

Однако было бы не до конца верным утверждать, что внешняя политика Б. Асада строилась согласно изначально заданному курсу. Конечно, в начале президентства Б. Асада внешняя политика и стратегия национальной безопасности Сирии во многом были подвержены влиянию бывших советников Х. Асада. В отличие от молодых реформаторов из окружения Б. Асада, которые следовали его советам, влиятельные представители «старой гвардии» чувствовали себя куда более самостоятельными и независимыми в принятии решений. Однако по мере развития реформ положение постепенно менялось, и императив модернизации все больше влиял на выработку внешнеполитического курса Сирии.

Б. Асад и его команда реформаторов стремились строить внешнюю политику с учетом обеспечения социально-экономических и внутривнутриполитических преобразований в Сирии. Исходя из особенностей функционирования механизма региональных и международных отношений, «реформаторы» считали необходимым подчинить внешнюю политику Сирии интересам экономики страны. При Б. Асаде внешняя политика Сирии

стала более активной, а в ряде случаев приобрела даже наступательный характер. Это объяснялось тем обстоятельством, что молодой президент стремился таким образом укрепить свои позиции в мире и регионе. Не случайно Б. Асад во время своих зарубежных турне старался позиционировать себя как панарабского лидера, подчеркивая стремление Сирии к сотрудничеству со всеми арабскими соседями. Действительно, Б. Асад и его окружение много внимания уделяли развитию публичной дипломатии, особенно на Западе и, прежде всего, в США. При Б. Асаде впервые в сирийском министерстве иностранных дел появлялись дипломаты, которые могли квалифицированно доводить позицию своей страны через средства массовой информации до общественности стран Западной Европы и США. С другой стороны, новое руководство стремилось использовать внешнеполитические и пропагандистские инструменты для поднятия популярности президента как внутри Сирии, так и за ее пределами. В тоже время, основополагающие интересы внешней политики и национальной безопасности Сирии оставались неизменными.

ОТНОШЕНИЯ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ

И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Одним из приоритетных направлений внешней политики Сирии при Б. Асаде стало укрепление и развитие отношений с арабскими странами, Турцией и Ираном. Новое политическое руководство САР уделяло приоритетное внимание экономическим измерениям региональных отношений. В отличие от стран Запада, куда Сирия экспортировала преимущественно нефть и нефтепродукты, региональный рынок давал возможность Дамаску поставлять продукцию ненефтяных отраслей производства. Это обеспечивало перспективы для развития местной промышленности и решения проблемы безработицы. Частный сектор Сирии был также крайне заинтересован в развитии торговли с арабскими странами, Турцией и Ираном. Действительно, около 15-20% всего сирийского

экспорта и импорта приходилось на арабские страны и 6% на Гурцию.¹²⁴ В этой связи, Б. Асад считал, что расхождения по политическим вопросам, не должны определять развитие двустороннего сотрудничества.

В последние годы наиболее активно развивались отношения Сирии с Египтом и Саудовской Аравией. Б. Асад совершил свой первый зарубежный визит в Каир, где был принят Х. Мубараком 17 октября 2000 г. Б. Асад также встретился в Эр-Рияде с королем Саудовской Аравии Фахдом и наследным принцем Абдаллой. Каир и Эр-Рияд оказали поддержку и доверие молодому сирийскому президенту, несмотря на разницу в подходах в вопросах палестинской «интифады» и ближневосточного мирного процесса. Отношения с Египтом и Саудовской Аравией давали сирийской политике в Арабском мире известную стратегическую глубину. Каир и Эр-Рияд воздерживались от осуждения сирийской роли в Ливане. В свою очередь Сирия до известных пределов снисходительно смотрела на растущее влияние Саудовской Аравии в Ливане. К тому же, Сирия была основным реципиентом саудовской и кувейтской финансовой помощи. Конечно, Эр-Рияд уже не оказывал столь крупной финансовой поддержки САР, которая поступала в 1980-1990-х гг. Но королевство служило важным рынком сбыта сирийских промышленных товаров, основным источником иностранных инвестиций в Сирию, а также надежным партнером, к чьим советам сирийские руководители нередко прислушивались. Отношения с Египтом складывались не так однозначно. Интенсивные дипломатические контакты, включая частые встречи в верхах, поддерживались на регулярной основе. Однако контакты Б. Асада и Х. Мубарака происходили скорее с целью снятия каких-либо «шероховатостей» в отношениях двух стран и корректировки их позиций по острым проблемам региона, нежели чем для выработки общей платформы по ситуации на Ближнем Востоке. Каир был недоволен острыми популистскими выступлениями Б. Асада на саммите арабских стран в Бейруте в 2002 г., в которых сирийский лидер осуждал арабские государства, поддерживавшие отношения с Израилем.¹²⁵ Помимо этого между Египтом и Сирией

существовали определенные разногласия по Ираку и реформам на Ближнем Востоке. Возможно, свою роль играла разница в возрасте между сирийским и египетским лидерами, а также другие личностные факторы. Тем не менее, руководители Сирии, Египта и Саудовской Аравии были уверены, что пока они координируют свои действия в регионе, они будут способны доминировать в ЛАГ и определять межарабскую политику.

Б. Асад также постарался устранить атмосферу недоверия, которая характеризовала отношения Х. Асада с покойным иорданским монархом Хусейном. Во времена Х. Асада и короля Хусейна сотрудничество двух стран было сильно персонифицировано и зачастую определялось политической конъюнктурой. Сближение Б. Асада с новым иорданским королем Абдаллой II тормозилось рядом прежних обстоятельств, важнейшим из которых было недовольство Дамаска активизацией иордано-израильских связей и нерешенностью ряда территориальных вопросов. Однако, как и новый иорданский монарх Абдалла II, Б. Асад являлся прагматиком и стремился дать импульс развитию двустороннего экономического сотрудничества, несмотря на политические разногласия. Достаточно быстро Б. Асад сумел убедить Абдаллу II в том, что Сирия не испытывает враждебности к Иордании. 23 декабря 2000 г. МИД САР возвратил в Иорданию своего посла, который был отозван в 1993 г., в знак протеста против установления дипломатических отношений между Амманом и Тель-Авивом. В марте 2001 г. Президенты Сирии, Египта и король Иордании тожественно открыли сирийский участок энергосистемы, связывающий Египет и Иорданию. В будущем планировалось подсоединить к этой энергосистеме Турцию, Ливан и Ирак, а также ряд африканских и европейских государств.¹²⁶ В начале 2004 г. с участием лидеров САР и Иордании состоялось торжественное открытие начального этапа строительства сирийско-иорданской плотины на р. Ярмук. В засушливые годы Дамаск стал поставлять воду на поля Иордании. Сирия также неплохо использовала возможности своего частного сектора в целях развития экономического сотрудничества с Иорданией. Так, несмотря на то, что официальные сирийские представители не присутствовали на

международном экономическом форуме в Аммане в июне 2003 г., сирийские бизнесмены во главе с председателем Федерации торгово-промышленных палат САР Р. Шалляхом приняли в нем самой активное участие.

После прихода к власти в САР Б. Асада сирийско-иракские отношения значительно укрепились. В 2000 -2003 гг. между двумя странами не прекращался обмен визитами на достаточно высоком уровне. Была открыта сирийско-иракская граница, сняты ограничения на выдачу виз гражданам двух стран, подписан ряд важных двусторонних соглашений в области торговли, транспорта, связи. В 2000 г. Ирак открыл секцию защиты своих интересов в Дамаске. Аналогичная секция защиты сирийских интересов была открыта в Багдаде. Сирийско-иракское сближение было вызвано также растущей обеспокоенностью Дамаска укреплением военно-политического турецко-израильского альянса в условиях застоя в мирном процессе на Ближнем Востоке и позицией Турции по распределению вод Евфрата, что представляло стратегическую угрозу для Сирии. В этой связи Сирия активизировала свои связи с Ираком. В январе 2001 г. было подписано соглашение о таможенных тарифах, предусматривающее постепенное сокращение ограничений на развитие торговли между двумя странами. Перспективы увеличения темпов экономического роста Сирии во многом определялись развитием экономических связей с Ираком. С конца 2000 г. когда после 20-летнего перерыва возобновилась работа нефтепровода Кирук-Баньяс, сирийская территория стала основным транзитным путем для транспортировки иракской нефти на внешние рынки в рамках программы ООН- мир в обмен на продовольствие. Дамаск также играл роль основного поставщика товаров на иранский рынок. «Неофициальная» прокачка через сирийскую территорию около 150-200 тыс. баррелей нефти в день позволила Сирии увеличить свой собственный экспорт нефти в таких же размерах и получать от 800 до 1300 млн. долл. ежегодно.¹²⁷ Одновременно быстрыми темпами рос промышленный частный сектор САР, поставлявший товары в Ирак в рамках программ ООН. В 2002 г. сирийский экспорт в Ирак составил 2 млрд. долл.

что составляло около 40% всего сирийского экспорта.¹²⁸ Война в Ираке отрицательно сказалась на развитии сирийской экономике. Доходная часть бюджет сократилась на 15%. Потеря иракской нефти существенно сужала возможности сирийского руководства оказывать поддержку социальным программам реформ.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ТУРЦИЕЙ И ИРАНОМ: КОНТУРЫ НОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Одним из важных итогов войны в Ираке стала трансформация политического облика Ближнего Востока и изменение баланса сил в регионе. Ряд ключевых государств Ближнего Востока обнаружили, что американские войска находятся теперь в непосредственной близости от их национальных границ и не планируют в ближайшей перспективе покидать регион. Это заставило такие государства региона как Сирия, Турция и Иран пересмотреть прежние позиции в отношении проблемы региональной безопасности и задуматься о необходимости создания новой региональной структуры на Ближнем Востоке. Учитывая то давление, которое оказывали США на Сирию и Иран, становилось очевидным стремление прагматичного руководства этих стран сблизиться для определения единой позиции по острым региональным проблемам. Речь шла, прежде всего, об Ираке и иракской проблеме, которая угрожала безопасности всех трех стран в случае раскола Ирака. Ни Сирия, ни Турция, ни Иран не хотели, чтобы в Багдаде утвердилась враждебная им власть, и стремились не допустить возникновения «независимого» курдского государства на севере Ирака. С другой стороны, эти три страны были заинтересованы в закреплении как двусторонних, так и трехсторонних политических и торгово-экономических отношений. Актуальным представлялось также развитие культурных связей для сглаживания традиционной настороженности, существовавшей между их народами. Эти государства стремились к созданию нового баланса сил в регионе, с целью заполнения политического вакуума, возникшего после падения Багдада.

Объединившись, они рассчитывают ослабить политическое давление США на страны региона и не допустить какой-либо провокации со стороны Израиля. Одновременно руководители Сирии, Турции и Ирана занимали ясную и четкую позицию в отношении противодействия международному терроризму, акции которого в последнее время коснулись этих стран.

Как заявляли руководители Турции, Ирана и Сирии, объединяя свои позиции и силы, они не стремились к созданию какого-либо стратегического союза в регионе, а были движимы стремлением сделать регион более стабильным в условиях новых политических реалий. Политические деятели этих государств неоднократно выступали против блоковой политики и военных союзов и призывали к развитию добрососедских отношений между всеми странами региона.¹²⁹

За последние 3-5 лет были сделаны попытки со стороны трех стран к построению более дружественных отношений и проведена определенная работа по развитию их сотрудничества. Визит президента Сирии Б. Асада в Турцию в начале января 2004 г., основные параметры которого были согласованы с Ираном, способствовал дальнейшей нормализации и всестороннему развитию отношений между странами. В ходе переговоров премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана в Тегеране с президентом ИРИ М. Хатами 27 июля 2004 г. обсуждалась возможность более тесного сближения трех стран для решения политических вопросов региона.¹³⁰ Последующий визит премьер-министра Турции в САР явился результатом переговоров лидеров трех государств с целью политической координации и безопасности Турции, Сирии и Ирана. Большую роль в налаживании контактов трех государств сыграло улучшение сирийско-турецких отношений, которое получило значительное развитие с начала 2000 г. В Турции хорошо понимали, что без участия Сирии вряд ли возможно добиться успешного и прочного решения региональных проблем. В июне 2002 г. начальник Генштаба Сирии Х. Туркманли посетил с визитом Турцию. По итогам визита были подписаны «Рамочное соглашение об

образовательном, техническом и научном сотрудничестве в военной сфере» и «Соглашение о сотрудничестве в военном образовании». Другим важным событием стал официальный визит в Турцию министра иностранных дел Сирии Ф. Шара в январе 2003 г., в ходе которого были рассмотрены двусторонние отношения, а также региональные и международные вопросы.¹³¹ В феврале 2003 г. был заключен договор о развитии экономических отношений между Сирией и Турцией. Новый импульс сирийско-турецкие отношения получили в связи с войной в Ираке. Визит сирийского премьер-министра в Турцию после 17-летнего перерыва был призван продемонстрировать уровень развития двусторонних отношений и определить общую позицию в отношении иракской войны и присутствия американских войск в регионе¹³². С момента прихода к власти в САР Б. Асада в отношениях Сирии и Турции произошли заметные сдвиги в сторону сближения, взаимопонимания и доверия, укрепления экономического сотрудничества.¹³³ В значительной степени этому способствовал исторический визит в Турцию сирийского президента Б. Асада в январе 2004 г. Это был первый визит сирийского президента со времени завоевания Сирией независимости 1945 г., в результате которого удалось разбить лед, сковавший отношения двух стран в течении более чем полувека. В результате удалось создать новый климат доверия между руководителями и положить начало складыванию новой геополитической ситуации на Ближнем Востоке. В интервью арабским СМИ Б. Асад подчеркнул, что «нынешнее состояние сирийско-турецких отношений отличается переходным состоянием от обоюдного недоверия к атмосфере полного взаимного доверия».¹³⁴ 19 июля 2004 г в Дамаске прошло заседание совместной сирийско-турецкой технико-экономической комиссии, посвященное вопросу создания сирийско-турецкой зоны свободного торговли.¹³⁵ В ходе визита премьер-министра Сирии Н. Отри в июле 2004 г. в Анкару Турция заявила о своей поддержке сирийской позиции по Голанским высотам и согласилась посредничать в возобновлении мирных переговоров между Сирией и Израилем. Была также достигнута договоренность об открытии 4-х

новых воздушных коридоров между САР и Турцией и дополнительных консульств на сирийско-турецкой границе. Всего с 2000 г. между Сирией и Турцией состоялся обмен 50 визитами на уровне министров двух стран.¹³⁶

Однако, несмотря на отмеченные положительные сдвиги в отношениях этих трех столь разных по государственному устройству, населению и другим признакам стран, и совпадение их позиций по ряду региональных и международных проблем, у них имелись свои геостратегические и экономические интересы, которые затрудняли их сближение. Это, прежде всего проблемы исторического и территориального характера, которые затрагивали жизненные интересы сторон. История арабо-турецких отношений насчитывала несколько столетий и характеризовалась в целом настороженностью, а в некоторых случаях даже враждебностью. Арабским народам было не просто забыть четыре века господства Османской империи. Турция же затаила обиду на арабские страны, в том числе и на Сирию, которые сражались против Порты на стороне Англии и Франции во время I мировой войны. Со своей стороны Сирия не могла забыть, что в обмен на нейтральную позицию Турции в отношении фашистской Германии, Франция в 1939 г., в нарушение статьи 4 Договора о мандате Лиги Наций, на основании которого Франции было передано в апреле 1920 г. управление над Сирией и Ливаном, передала Турции часть сирийской территории – Александреттский санджак (Искендерун). В 1939 г. данная территория превратилась в вилайет Турции. Это вызвало протест у Сирии, которая различными путями выражала свое несогласие. С 1950 г. проблема Искендеруна стала использоваться в качестве внутривосточного аргумента в пропагандистской деятельности, как фактор ненасильственного отчуждения сирийской территории. На всех официальных картах Сирия включала Искендерун в свои границы. В последние годы в отношении спорных территорий начали происходить некоторые позитивные изменения. На карте Компьютерного общества Сирии, в состав учредителей которого входил президент САР Б. Асад, при описании сирийско-турецкой границы Искендерун включен в

пределы Турции. Но, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, происходившие в связи с возникшим процессом сближения между двумя странами, эта тема продолжала оставаться препятствием на пути сирийско-турецкого сближения. Обладая удобным портом на Средиземном море и являясь местом слияния трех рек, эта территория имела для Сирии стратегическое значение. Сирия по-прежнему считала эти земли своими. Каждый год в Сирии отмечалась годовщина отторжения этой земли. До сих пор действует общественная организация, созданная в 1970 г. «За освобождение Искендеруна». Подобные настроения сохранялись среди многих представителей политической элиты САР, и не случайно, поэтому, во время своего визита в Турцию президент Б. Асад не поднимал эту острую тему. В новом политическом руководстве САР исходили из того, что, если Дамаск заинтересован в нормализации отношений с Анкарой, то ему не следует будировать проблему Искендеруна. Помимо территориального спора, между двумя странами остро стоял вопрос о распределении водных ресурсов. Самыми главными реками, протекающими по территории Сирии и Турции, являются Евфрат, Аси, Африн, Чагчаг. Проблема, связанная с распределением вод этих рек между Сирией и Турцией, представляла важный фактор, влиявший на отношения двух стран. Евфрат пересекал Сирию с севера на восток, Аси с юга на север, на северо-восточной границе течет река Тигр на протяжении 35 км. В связи с климатическими условиями воду на Ближнем Востоке можно использовать как стратегическое оружие. Ежегодно Евфрат дает в среднем 30 млрд. куб. м. Турецкие плотины общим объемом 48,5 млрд. куб.м. значительно уменьшали количество воды, поступавшее в Сирию. Сирийская сторона считала, что поскольку воды Евфрата делят между собой три страны (Турция, Сирия и Ирак), то и использование вод этой реки должно определяться тремя сторонами. В настоящее время водный баланс Сирии составляет 21,46 млрд. куб.м. По соглашению между Сирией и Турцией 1987 г. Анкара передает Дамаску 15,8 млрд. куб. м (500 куб. м сек). Но после завершения строительства турецкой плотины «Ататюрк» доля Сирии может уменьшиться.

Вместо того чтобы увеличить площадь орошаемых земель для обеспечения своего населения, которое удваивается каждые 25 лет, Сирия будет испытывать нужду в воде. По оценке сирийских экспертов планы Турции по строительству плотины вызовут у Сирии нехватку воды из Евфрата и Тигра от 7 до 9 млрд. куб м. К тому же Турция не подписала протокол ООН о правилах использования международных вод в несудоходных целях от 31 мая 1997 г. Турция продолжает считать Тигр и Евфрат одной рекой, так как они сливаются в Шатт Эль-Арабе и не признает их в качестве международных вод, определяя, как «воды выходящие за границы». Таким образом, ни Сирия, ни Ирак не могут контролировать проекты строительства плотин на этих реках. Со своей стороны Турция критикует Сирию за нерациональное использование воды. Турция считала, что для Сирии остается достаточное и даже излишнее количество воды, но в силу технической отсталости вода используется неэффективно. Помимо этого, Турция утверждала, что по вопросу реки Аси, берущей свои истоки в Сирии и идущей далее в Турцию, сирийские сторона не учитывала потребности Турции: 98% вод реки Аси использовалось Сирией и Ливаном и только 2% вод оставалось на долю Турции. Несмотря на то, что водная проблема неоднократно рассматривалась в ходе различных двусторонних переговоров, она продолжала сохранять структурный характер между двумя странами. Но и в отношении нее имелись определенные подвижки. Премьер-министр Сирии Н. Отри во время своего визита в Турцию в июле 2004 г. уведомил турецкие власти о готовности Дамаска пересмотреть глубину водной сирийско-турецкой границы в Средиземном море с 35 до 12 миль для поощрения судоходного движения Турции.

Общей для всех трех стран проблемой, которая особенно обострилась после иракской войны, являлся курдский вопрос. Это одна из главных внутренних проблем для стран Ближнего и Среднего Востока, серьезный дестабилизирующий фактор их внутривнутриполитической жизни. Стремление курдов, одного из древнейших и самобытных народов данного региона, к национальному самоопределению не находило ответного

желания разрешить вопрос политическим путем у руководства государств на территории которых они проживали. Турция, Иран, Сирия выступали против объединения курдов в единое государство. По мнению руководителей этих стран, создание независимого курдского государства неизбежно приведет к значительным территориальным потерям и нежелательным изменениям в расстановке политических сил в регионе. Несмотря на свою многочисленность (около 40 млн. человек – в диаспоре – А.В.) курды никогда не имели своей государственности. По имеющимся оценкам, большинство курдов - около 20 млн. человек проживало на территории Турции, 6-8 млн. в Ираке, 4-5 млн. в Иране. Около миллиона – в Сирии¹³⁷. Острее всего курдская проблема стояла в Турции. Руководство Турецкой Республики с самого начала своего возникновения заняло жесткую позицию по отношению курдской автономии, что вызывало неоднократные протесты курдского населения. История разрешения курдского вопроса со стороны турецких властей шла по пути в основном силовых методов. Рабочая партия Курдистана (РПК) созданная в 1979 г., объявила войну официальным властям Турции, которая продолжается до настоящего времени. Лагерь РПК располагались на территории Ирана и до недавнего времени Сирии. РПК выступала с радикальными требованиями – предоставления турецкому Курдистану политической автономии с последующим отделением от Турции. Иран и Сирия также имели в своем составе значительные курдские меньшинства, ведущие многолетнюю борьбу за свои права. Ситуация в иранском Курдистане также оставалась нестабильной. Несмотря на запрет деятельности политических партий в 1980 г. аятоллой Хомейни, иранским курдам удалось сохранить свое движение за автономию и политические организации. Различных позиций в курдском вопросе придерживались иранские «консерваторы» и «реформаторы». «Консерваторы» выступали против любой автономии курдов. Иранские «реформаторы», возглавляемые президентом М. Хатами, старались смягчить напряженность между иранскими курдами и центром в рамках выдвинутой ими программы диалога цивилизаций. Следует также отметить, что иранские курды

сотрудничали с курдскими партиями иракского Курдистана и поддерживали их планы создания широкой курдской автономии. Сирия играла особую роль в политике курдских организаций, в том числе РПК. В тоже время она выступала за соблюдение национальных интересов и территориальной целостности всех ближневосточных государств. В последнее время в связи с иракскими событиями Сирия проводит более жесточенную политику в отношении курдских лидеров. Поддержка Сирией РПК, которая считается в Турции террористической организацией, вызвала в прошлом неоднократные протесты со стороны турецкого руководства. Проблематичный в целом характер отношений между двумя странами по курдскому вопросу господствовал со времени обретения Сирией независимости. Но в Сирии осознали, что, вряд ли САР сможет успешно и долго противостоять Турции. Первый шаг к примирению сделала Сирия. Разрыв с РПК и ликвидация ее представительств в Сирии и контролируемых Дамаском районах Ливана в октябре 1998 г. устранили основное препятствие на пути нормализации двусторонних сирийско-турецких отношений. Состоявшиеся в сентябре 1998 г. в пограничном г. Адана переговоры турецкого и сирийского генералов А. Атеша и А. Бадр Хасана привели к подписанию соответствующего договора, согласно которому Сирия прекратила оказывать поддержку этой организации и выдворила ее лидера А. Оджалана за пределы своей территории. Сирия также обязалась не давать разрешения на нахождение в стране других членов организации, закрыть лагеря РПК, арестовать некоторых членов организации и т.п. В рамках этих обязательств, было принято решение о принятии таких мер, как создание прямой телефонной линии между двумя странами и назначение специальных представителей, для проведения совместных инспекций. Сирия не только прекратила поддержку РПК, но и совместно с турецкой стороной организовала ряд операций против членов организации на сирийской территории и передала Турции пойманных террористов.¹³⁸ Проблема нормализации отношений с Турцией стала постепенно занимать все большее место в региональной политики Сирии. В турецко-иранских отношениях

также наметилось сближение по курдскому вопросу. В ходе переговоров премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана с президентом ИРИ в Тегеране 27.07.2004 обсуждалась возможность выработки общего решения трех стран, чтобы не допустить создания курдского государства на севере Ирака. Турецкая дипломатия вела массивную политическую кампанию с целью срыва любых попыток курдских руководителей на севере Ирака превратить город Киркук в столицу автономного курдского района. В ходе встречи с М. Хатами премьер-министр Турции высказал соображения о том, что раскол Ирака будет иметь отрицательные последствия и для соседних государств – Ирана и Сирии. В этой связи этим странам нужно объединить свои усилия, чтобы не допустить раскола Ирака, - отметил турецкий руководитель. В ходе переговоров в Тегеране Р.Т. Эрдоган ознакомил иранскую сторону с результатами совместной работы спецслужб Сирии и Турции против РПК и предложил, чтобы соответствующие ведомства Ирана также подключились к этой работе. По результатам визита Р.Т. Эрдогана ожидалось подписание турецко-иранских соглашений о совместном сотрудничестве спецслужб трех стран и включение РПК Тегераном в список террористических организаций.¹³⁹

Отношения ИРИ с Турцией складывались не просто. Сближение Турции и США, членство в НАТО, турецко-израильское сотрудничество, которое являлось одним из ключевых моментов американского плана по созданию на Ближнем Востоке «нового регионального порядка», - все это вызывало обеспокоенность Ирана. Серьезной проблемой ирано-турецких отношений являлось их соперничество за влияние в Средней Азии и Закавказье. Иран объективно являлся конкурентом Турции в данном регионе. В своей экономической стратегии Иран был заинтересован в обеспечении рынков для своих товаров, разработке нефти и газа, развитии сети по транспортировке энергоносителей в государства Центрально-азиатского региона. Эти же цели преследовала и Турция. Во второй половине 1990-х гг. в Средней Азии действовало свыше 3 тыс. турецких компаний. Ежегодный объем турецкого экспорта в регион составлял в этот период более 10 млрд.

долл. США Правда, с приходом президента М. Хатами политика ИРИ в Центрально-азиатском регионе несколько активизировалась, расширились экономические связи. Используя прочные отношения с Туркменистаном и рядом других центрально-азиатских государств, Иран пытался перехватить проект доставки нефти и газа из региона. На фоне непрекращающегося армяно-азербайджанского конфликта, в оценке которого ИРИ и Турция расходились, Иран испытывал большие трудности в своих взаимоотношениях с Азербайджаном, который ориентировался на США и Турцию и предоставил свою территорию для баз Североатлантического альянса. Нерешенность проблемы использования богатств и недр Каспия на фоне нестабильного внутривнутриполитического положения в регионе также вызывала недовольство Тегерана. Определенная напряженность отношений Турции и ИРИ была связана также и с тем, что Иран поддерживал в Турции радикальные исламистские группировки («Исламское движение», «Селям», «Хезболла» и др.). Происходившее улучшение ирано-турецких отношений, обмен визитами высоких политических деятелей двух стран, сближение их позиций по важным международным и региональным проблемам, свидетельствовали о новой расстановке политических сил в регионе, в связи с иракской войной и обострением отношений между США и рядом стран Ближнего Востока на фоне массированного военного присутствия США в регионе.

В отличие от Турции ирано-сирийские отношения отличались длительной дружбой и активным сотрудничеством по различным проблемам внутренней и внешней политической жизни обеих стран. Наблюдалась общность подходов Сирии и Ирана в оценке внешнеполитической обстановки как в регионе, так и в мире. Сирийская республика являлась связующим звеном между Ираном и арабским миром. Сирия была единственной страной Арабского мира, которая на протяжении всей ирано-иракской войны открыто, оказывала Ирану политическую и моральную поддержку. Обе страны были заинтересованы в развитии торговых и экономических отношений, существовал

договор о военно-техническом сотрудничестве Сирии и Ирана, об их взаимодействии в области ядерных исследований. Устойчивую тенденцию к углублению сирийско-иранских отношений имел и сложившийся механизм военно-политической поддержки: руководство двух стран проводило регулярные консультации в связи с ситуацией в Ливане, ходом ближневосточного урегулирования, иракской проблемой и по вопросу региональной безопасности в Персидском заливе. Сирия и Иран поддерживали отношения с ливанской «Хезболлой», которую США причисляют к террористическим организациям Ближнего Востока. Ливанская «Хезболла» является одной из наиболее активных исламистских организаций шиитского толка на Арабском Востоке. Иран оказывал «Хезболле» финансовую и другую поддержку. В настоящее время большинство в руководстве организации придерживается курса на превращение «Хезболлы» в политическую партию шиитской общины Ливана. С общих позиций выступали Сирия и Иран и в отношении палестинской проблемы, поддерживая «интифад», борьбу палестинского народа за создание своего государства. В начале июля 2002 г. в Тегеране с официальным визитом находился министр иностранных дел САР Ф. Шара. В ходе переговоров с президентом ИРИ М. Хатами речь шла преимущественно о положении на оккупированных палестинских территориях. М. Хатами подчеркнул поддержку ИРИ борьбы палестинцев и высказался за объединение сил исламских государств в этот сложный период. Палестинская проблема обсуждалась также в ходе визита министра иностранных дел ИРИ К. Харази в Сирию в ноябре 2002 г. Во время его встречи с президентом Б. Асадом обсуждалось положение на оккупированных палестинских территориях. Обе стороны отметили общность позиций и прочность двусторонних отношений.¹⁴⁰ Поддержка палестинской «интифады» стала предметом обсуждения в ходе переговоров в Тегеране в декабре 2002 г премьер-министра САР М. Мир с М. Хатами. Основная нерешенная проблема в сирийско-иранских отношениях – задолженность Сирии Ирану, была решена еще в 1999 г. Сирия оказывала содействие политике ИРИ в арабских странах, стараясь

смягчить развертывание в них антииранской пропаганды, посредничала в разрешении территориального спора с ОАЭ, старалась регулировать развитие отношений с Ливаном и другими арабскими странами. Активно развивались сирийско-иранские культурные связи. В Дамаске работал культурный центр ИРИ, который занимался распространением знаний языка, культуры, искусства, истории Ирана. Действовали шиитские школы, финансируемые Тегераном.

Сближению Турции, Сирии, Ирана мешали не только существующие внутренние территориальные и политические споры, главное состояло в том, что эти страны занимали различное положение в своих отношениях с США. Сирия и Иран находились среди стран, причисленных США к списку «государств, оказывающих поддержку терроризму» и имели с этой страной проблемные отношения, так как оказывали поддержку радикальным палестинским и исламским организациям региона («Хамас», «Хезболла», «Исламский Джихад»). Они являлись для США странами представляющим угрозу также из-за наличия у них, как считали в Вашингтоне, оружия массового поражения и присутствия их воинских формирований в Ливане. После иракской войны они превратились в мишень для США. В отличие от Сирии и Ирана, Турция долгие годы занимала положение союзника США в регионе и поддерживала с ними весьма близкие политические, экономические и военные отношения. Различное положение этих стран в отношении с США являлось фактором, затруднявшим их сближение, а также влияло на отношения с другими государствами региона. В то время как Турция имела тесные связи с США и ЕС, в силу своих отношений с Западом, Иран и Сирия находились только в начале пути к налаживанию полноценных политических и экономических контактов с Западом, прежде всего государствами ЕС.

С точки зрения Сирии и Ирана, страной создающей главную угрозу региональной безопасности на Ближнем Востоке являлся Израиль. В основе внешней политики Сирии и Тегерана лежала борьба против Израиля. Использование идей иранского и арабского

национализма, палестинской проблемы, поддержка радикальных организаций региона в качестве инструмента внешнеполитической деятельности этих стран, определялась задачами борьбы Сирии и Ирана, которую они вели против Израиля. В отличие от них, у Турции имелись другие отношения с Израилем. В 1996 г. Турция подписала с Израилем договор о военном сотрудничестве, который вызвал обеспокоенность Сирии и Ирана. Для Турции было важно иметь союз с Израилем, чтобы оказывать влияние на политику США на Ближнем Востоке. Со своей стороны, Израиль стремился приобрести в регионе мусульманского партнера, чтобы таким образом облегчить свое вхождение в арабо-исламский мир. По мнению сирийских и иранских руководителей израильско-турецкий союз представлял угрозу для стран региона. Руководители Сирии и Ирана считали, что только в рамках ближневосточного урегулирования, где Турция выступает в качестве посредника, можно было ослабить негативное влияние этого союза.

Различие положений в международной системе и имеющиеся структурные проблемы, затрудняли в течение длительного времени сближение Турции, Сирии и Ирана. После иракской войны положение в регионе стало меняться. Появились новые тенденции в политике Турции, Сирии, Ирана. Усилились опасения руководства этих стран за безопасность их государств. Сегодня они выступают против раздела Ирака и образования независимого курдского государства. В этой связи они предпринимают решительные меры военно-политического характера призванные обеспечить их региональную безопасность и не допустить создания независимого курдского государства на севере Ирака. Так, Военный консультативный совет Турции на своем заседании в конце 2004 г. рассмотрел вопрос о создании нового военизированного формирования (5-ой бригады, общей численностью около 5 тыс. человек), действующего на востоке Турции и дислоцирующегося вблизи города Ван. Анкара готова координировать действия этой бригады с Тегераном и осуществлять совместные операции против курдов на иракской границе. Характерно, что Анкара не согласовывала свои действия с США и НАТО,

которые выступили против создания этого подразделения. Боязнь возникновения курдского государства, а также кризис в турецко-израильских отношениях из-за позиции занятой Израилем по ряду региональных проблем, особенно палестинской и курдской, заставили Турцию активизировать свои действия в регионе без оглядки на западных партнеров. Турецкое руководство прекрасно осознало, что, действуя в одиночку против политики Вашингтона, оно вряд ли сможет добиться успеха. Общность задач, стоящих перед Турцией, Ираном и Сирией в регионе способствует их сближению и координации действий.

СИРИЯ И МИРНЫЙ ПРОЦЕСС.

В своей инаугурационной речи Б. Асад повторил прежнюю официальную внешнеполитическую установку Сирии о том, что мир с Израилем является стратегическим выбором для САР. Он также подчеркнул, что не отступит от позиции своего отца в вопросах полного вывода израильских войск с оккупированных территорий в границах 4 июля 1967 г. как неперемного условия мира.¹⁴¹ Б. Асад также указал, что ни о каких территориальных уступках Израилю на Голанских высотах не может быть и речи. В тоже время, мотивация задач сирийской политики в отношении Израиля и мирного процесса в регионе стала постепенно меняться. Признавая, как и его отец, что мирный процесс это «стратегический выбор» Сирии, Б. Асада развил этот лозунг и придал ему более широкое толкование. Мир с Израилем теперь напрямую увязывался с задачами внутреннего развития и становился необходимым условием успеха реформ. Сам президент неоднократно говорил об этом в своих интервью¹⁴². С другой стороны, сирийская политическая элита хорошо понимала, что Сирия не сможет долго противостоять Израилю в случае полномасштабной войны. Хотя Сирия имела большую армию, ее технические характеристики были значительно ниже, чем у израильских вооруженных сил.¹⁴³ По оценке западных военных экспертов в случае войны Израиль

быстро установил бы свое господство в небе, а израильская бронетехника оказалась бы через 4 часа на подступах к Дамаску – значительно быстрее, чем сирийские войска смогли бы достичь территории Израйля. В лучшем случае сирийская армия могла бы начать внезапную атаку на израильские поселения на сирийско-израильской границе в районе Голанских высотах и Джебль Аш-шейх, а сирийские ракеты типа «Скад» поразить приграничные израильские города. Однако серьезной угрозы для Израйля это не представляло. К тому же, Сирия не имела оружия ядерного сдерживания, а после распада СССР лишилась мощного внешнего союзника.

Однако эти прагматичные расчеты нового политического руководства САР оказались нарушены. И с началом палестинской «интифады» сирийская позиция ужесточилась. Сирийские политические деятели и сам Б. Асад перешли на давно забытую в арабских странах враждебную риторику в отношении Израйля.¹⁴⁴ Из-за растущей поддержки Сирией палестинцев возможность возобновления диалога с Израйлем оказалась нереальной. Однако, несмотря на занятую Б. Асадом жесткую позицию в отношении Израйля по палестинскому вопросу в ходе массовых демонстраций на Западном берегу и в секторе Газа палестинцы несли, как правило, портреты С. Хуссейна. Возможно, причиной этого служило то, что поддержка Сирией палестинского восстания, как считала палестинская «улица», определялась, прежде всего, соображениями внутривнутриполитического порядка в самой Сирии и служила средством расширения социальной базы поддержки молодого сирийского президента. Выступая на арабском саммите в Аммане в марте 2001 г., Б. Асад заявил, что стремится к тому, чтобы начать сирийско-палестинские отношения с нового листа.¹⁴⁵ В интервью арабоязычной газете «Аш-Шарк Аль-Аусат» Б. Асад заявил, что после провала соглашений в Осло необходимо добиваться координации палестинского, сирийского и ливанского направлений ближневосточного урегулирования в рамках мадридских договоренностей.¹⁴⁶ В тоже время, несмотря на поддержку «интифады» и визиты палестинских руководителей в

Дамаск, значительный прогресс в палестино-сирийских отношениях так и не произошел. Очевидно, бывший лидер ПНА Я. Арафат сдержано относился к идее объединения палестинского и сиро-ливанского направлений в БВУ, что и стало одной из причин его постоянно откладываемого визита в Дамаск. В мае 2001 г. высокопоставленный руководитель ПНА, комментируя срыв намечавшегося ранее визита Арафата в Дамаск, категорически отрицал ответственность сирийских властей.¹⁴⁷ После победы на выборах, прошедших в январе 2005 г. в Палестине М. Аббаса, который неоднократно посещал Дамаск в последнее время и хорошо известен сирийскому руководству, перспективы развития палестино-сирийских отношений представляются более определенными. К тому же Дамаск поддержал первую за последние 2 года встречу палестинского и израильского лидеров в Шарм-Аш-Шейхе в феврале 2005 г. и выразил одобрение достигнутым на ней договоренностям в рамках реализации известных положений «дорожной карты». Тем самым, сирийское руководство явно давало понять, что надеется на возобновление уже в ближайшее время сирийско-израильского мирного диалога.

Несмотря на публичную поддержку «интифады» Б. Асад не спешил «хлопать дверью» и не отрицал возможность возобновления мирного диалога с Израилем. Сирийское руководство дало ясно понять, что не стремится к конфронтации с Израилем. Подробные сигналы посылались в Израиль в основном через европейских посредников или по американским каналам, когда напряженность усиливалась до опасных пределов. Сирия поддержала мирный план Саудовской Аравии, принятый саммитом арабских стран в Бейруте в марте 2002 г., предусматривающий установление отношений арабских стран с Израилем в обмен на освобождение оккупированных арабских земель. В течение 2003-2004 гг. Б. Асад неоднократно подтверждал готовность САР к возобновлению мирных переговоров. В декабре 2003 г. Б. Асад заявил о готовности САР к возобновлению мирных переговоров с Израилем «с точки, где они остановились», но при этом не выдвинул никаких предварительных условий их возобновления.¹⁴⁸ Сирия была действительно

заинтересована в возобновлении мирных переговоров с Израилем. Хотя официально Дамаск опровергал наличие каких-либо контактов с израильскими представителями, такие встречи имели место. Обычно подобные деликатные мисси Б. Асад поручал своему младшему брату Махеру, который вел секретные переговоры с Эйтаном Бен Тсуром – бывшим гендиректором МИД Израиля в Аммане.¹⁴⁹ В целом большинство сирийской политической элиты не доверяло Израилю, и сомневалось в искренности его намерений. При этом они не делали различий между членами кабинета А. Шарона, «правыми» и «левыми» в Израиле. В тоже время новое сирийское руководство было убеждено, что мир с Израилем может ускорить процессы политической модернизации в САР. Скорее всего, Б. Асад и его команда были больше склонны к развитию позитивного и конструктивного подхода к международным усилиям по возобновлению мирного процесса на Ближнем Востоке, будь то, под эгидой США, или же в рамках новой международной конференции по типу мадридской. Однако израильские руководители посчитали мирные предложения Б. Асада маневром Сирии в условиях сложной для нее политической ситуации и предпочли сосредоточиться на палестинском треке БВУ. Однако, после прихода к власти в ПНА М. Аббаса и начала мирного переговорного процесса между палестинцами и израильянами, шансы на возобновление сирийско-израильского диалога укрепились. Тем более, что в ходе осуществлявшихся в последние несколько месяцев неофициальных сирийско-израильских контактов главным образом при арабском (Катар, Египет) посредничестве удалось согласовать практически все основные параметры возобновления такого диалога. Однако убийство бывшего премьер-министра Ливана Р. Харири в конце февраля 2005 г. привело к серьезному осложнению обстановки в Ливане и вокруг Сирии, и затормозило планы по возобновлению сирийско-израильского диалога.

Таким образом, до сих пор существенного прогресса в деле возобновления сирийско-израильского мирного диалога достигнуто не было. С учетом складывающейся в регионе ситуации и проводимой сирийским руководством политикой, такой диалог может

возобновиться при условии прекращения «интифады» и ясных международных гарантий безопасности Израиля в случае его согласия с требованиями САР.

Неурегулированный конфликт с Израилем создавал сложную атмосферу для отношений Сирии с Ливаном. Выход Израиля с территории юга Ливана в мае 2000 г. не только изменил геополитический план сирийско-израильского конфликта, но и повысил для Дамаска значимость его военного присутствия в этой стране. С другой стороны, поскольку ООН признало факт вывода Израилем войск и демаркировало ливано-израильскую границу, Сирии теперь стало сложнее оправдывать свое военное присутствие в этой стране соображениями защиты ливанцев от израильской армии и поддерживать исламское сопротивление юга Ливана, прежде всего, «Хезбаллу». В самом же Ливане активизировались антисирийские настроения, усилились голоса в пользу вывода сирийских войск и прекращения вмешательства Сирии в политическую жизнь Ливана. При этом требования изменить характер отношений между Сирией и Ливаном не ограничивались лишь христиано-маронитской общиной Ливана. Реагируя на новую ситуацию, Дамаск сократил свой воинский контингент с 30 до 15 тысяч человек, передислоцировав большую часть своих солдат из района Бейрута в долину Бека. Хотя сирийская военная разведка по-прежнему сохраняла контроль над ливанской политической элитой, прямое сирийское вмешательство в политическую жизнь Ливана заметно ослабло. Сирийские руководители стремились продемонстрировать больше толерантности в отношении ливанской политической оппозиции и прилагали усилия к укреплению сотрудничества между двумя странами. Целью данной кампании стало построение прочной базы отношений на случай дальнейшего ослабления сирийского контроля и неизбежного вывода сирийских войск.¹⁵⁰

В тоже время в условиях сохранявшейся конфронтации с Израилем, полный вывод сирийских войск представлялся маловероятным. Вместо этого сирийское руководство пыталось укрепить просирийски ориентированные силы в Ливане и позиционировать себя

как гаранта ливанской стабильности и единственную силу, способную контролировать «Хезбаллу».

Сирия была действительно не заинтересована в том, чтобы позволить «Хезболле» втянуть ее в военную авантюру. Сирийское руководство опасалось, что Израиль может использовать вооруженные акции «Хезболлы» как предлог для атак на Сирию. При этом в Дамаске считали, что американская администрация, возможно, не будет препятствовать Израилю провести «упреждающий» атаку на Сирию. Так и случилось осенью 2003 г., когда в ответ на военную операцию «Хезболлы» израильская авиация впервые за последние два десятилетия нанесла ракетно-бомбовый удар по сирийской территории. После этого сирийское руководство стало серьезно воспринимать угрозы правительства А. Шарона о том, что сирийские цели и не только в Ливане могут оказаться под угрозой израильской авиации в ответ на действия «Хезболлы». В тоже время, Сирия не располагала абсолютным контролем над «Хезболлой» и организация не спрашивала разрешения Дамаска на каждую операцию против израильской армии¹⁵¹. С другой стороны, Сирия была заинтересована в поддержании «потенциала сопротивления» до тех пор, пока Израиль оккупирует сирийские территории. Поэтому требования о разоружении «Хезболлы» и ее выводе с пограничных районов были отвергнуты. Дамаском. Кроме этого Б. Асад имел неплохие личные контакты с лидером «Хезболлы» Х. Насраллой, который пользовался популярностью и поддержкой среди алавитской общины САР. Таким образом, сирийская поддержка имела еще и чисто внутри сирийский политический и конфессиональный аспекты.

С одной стороны, сирийское руководство было совершенно уверено, что внутривнутриполитическая ситуация в Ливане не представляла особых проблем для Сирии в ближайшем будущем. Поствоенные государственные институты Ливана были плохо структурированы и отлажены, в то время как позиции просирийских сил в ливанском правительстве укрепились в результате произошедших в апреле 2003 г. перестановок.

Отношения между Дамаском и ливанской христианской оппозицией, включая маронитского патриарха, улучшились во время иракского кризиса (во многом из-за того, что Ватикан, как и Сирия, выступили против войны в Ираке – А.В.). Дальнейшее сокращение сирийского воинского контингента могло бы дать Дамаску сохранить свое присутствие в Ливане без особого риска утратить влияние на важные вопросы ливанской политики. Несмотря на то, что в принятом американским конгрессом в декабре 2003 г. «Акте об ответственности Сирии» содержались требование полного вывода сирийских войск с территории Ливана, для американской администрации было ясно, что сирийские войска должны оставаться в Ливане хотя бы до тех пор, пока не будет разоружена «Хезболла». Такого же мнения придерживались и израильские военные, опасавшиеся, что после ухода Сирии из Ливана, «Хезболла» сможет значительно активизировать свои вооруженные акции против Израиля.

Тем удивительное и неожиданное стала для Сирии позиция ряда членов международного сообщества, прежде всего США и Франции, инициировавших осенью 2004 г. в Совете Безопасности ООН резолюцию № 1559, которая фактически обязывала Дамаск уйти из Ливана. Поводом для давления на Дамаск стали президентские выборы в Ливане, в ходе которых не без участия Сирии ливанский парламент готовился внести поправки в конституцию Ливана, позволявшие действующему президенту страны Эмилю Лахуду персизбраться на третий срок. Несмотря на принятую СБ ООН резолюцию, ливанский парламент одобрил поправку в конституцию страны и вскоре Э. Лахуд был персизбран на новый президентский срок. В результате Ливан оказался в сложной политической ситуации, а ливанская политическая элита и общество расколотыми. В этих условиях сирийская позиция по Ливану и резолюции № 1559 сводилась к следующему. Б. Асад дал ясно понять, что Сирия не намерена уходить из Ливана, подчеркнув, что напряженная ситуация в регионе делает полный вывод сирийских войск из Ливана весьма проблематичным. При этом сирийский лидер подчеркнул, что Дамаск больше чем кто-

либо заинтересован в стабилизации ситуации в Ливане. Одновременно Б. Асад заверил, что Сирия не собирается вмешиваться в ливанскую политику и не стремится к получению экономических дивидендов от «особых отношений» с Ливаном.¹⁵² Однако убийство Р. Харири коренным образом изменило ситуацию. Любопытно, что не задолго до своей смерти Р. Харири вел переговоры в Бейруте с В. Муаллимом и по воспоминаниям сирийского посла весьма уважительно отзывался о Б. Асаде, намереваясь встретиться с ним и обсудить перспективы урегулирования сирийско-ливанских разногласий. Тем более, что Дамаск выражал готовность выполнить положения резолюции СБ ООН №1559 и давал понять, что серьезно рассматривает вопрос о выводе своего воинского контингента из Ливана накануне намеченных на весну 2005 г. парламентских выборов в этой стране. Однако внезапная кончина Р. Харири расстроила намечавшиеся планы и усилила давление на Дамаск со стороны, как ливанской оппозиции, так и некоторых политических сил в Израиле и США.

5 марта 2005 г., выступая в парламенте Сирии Б. Асад подтвердил приверженность Сирии выполнению резолюции 1559 СБ ООН и объявил о намерении сирийской стороны осуществить в координации с властями Ливана отвод сирийского воинского контингента в Ливане в долину Бука, а затем на ливано-сирийскую границу. Данное решение Сирии было с удовлетворением воспринято в Арабском мире и большинстве стран Запада как шаг, ведущий к стабилизации политической атмосферы на Ближнем Востоке, призванный ослабить напряженность, сложившуюся в последнее время вокруг Сирии и Ливана. Реализация объявленных мер должна способствовать проведению предстоящих в Ливане парламентских выборов в спокойной демократической обстановке и помочь сохранить внутреннее согласие в Ливане.

В тоже время американские угрозы и давление на Дамаск, усилившиеся после иракской войны были в основном связаны с открытой оппозицией Сирии американским планам в Ираке и поддержкой Дамаском антиамериканских сил в этой стране. Ливан

оставался проблемой, но не находился в приоритетах сирийско-американских отношений. Возможно, главным результатом американского давления на Сирию по Ливану стал визит в Дамаск осенью 2004 г. заместителя госсекретаря США Уильяма Бернса по Ближнему Востоку и возобновление ранее прерванного американско-сирийского диалога.

ОТНОШЕНИЯ С США И ЕВРОПОЙ.

Арабо-израильский конфликт имел прямое отношение к сирийско-американским отношениям. Значительная часть внешнеполитической элиты САР с подозрением относилась к США и их политики в регионе. С другой стороны, многие из них считали, что прямое урегулирование с Израилем возможно только при посредничестве США. Иракская война внесла новые элементы в отношения Сирии и США. После войны в Ираке США стали соседями САР на востоке. Это делало необходимым поддержание регулярных рабочих контактов с американской администрацией.

Дамаск был крайне обеспокоен возможными издержками конфликта с США¹⁵³. Давление США и принятые санкции были весьма неприятны для сирийского руководства, особенно для его реформаторской части, пытавшейся придать импульс программам модернизации. Установленный в рамках санкций экспортный контроль США тормозил создание в Сирии новых Интернет сетей, а американское давление на Японию – одного из основных поставщиков современной технологии в САР, привело к приостановке работ по модернизации и расширению одного из главных морских портов Сирии.¹⁵⁴ Поэтому сирийское руководство стремилось наладить с США сотрудничество по большинству вопросов региональной политики. На практике это означало не препятствовать усилиям США по стабилизации ситуации в Ираке, а также международным усилиям по возобновлению палестино-израильского мирного диалога. В ответ на требования США Сирия после войны в Ираке закрыла представительства «Хамас» и «Исламского джихада», а их публичная деятельность в Дамаске прекратилась.¹⁵⁵ В тоже время,

сирийские руководители стремились сделать вид, что они не поддаются давлению США и давали ясно понять, что Сирия не прекратит политическую поддержку палестинской «интифады».¹⁵⁶ На деле лидеры «Хамас» и «Исламского джихада» сохранили свои частные резиденции в Дамаске и практически беспрепятственно перемещались по Сирии и территории соседних стран, используя, в том числе и американские паспорта. Относившиеся в начале весьма скептически к плану «дорожная карта», сирийское руководство, тем не менее, дало ясно понять, что не будет препятствовать его реализации. Основные возражения Сирии по плану сводились к тому, что он не учитывает сирийско-ливанское направление мирного процесса. В отличие от ЕС, США не хотели подключения Сирии к плану «дорожной карты». Сирия не была приглашена на саммит в Шарм эль-Шейхе, где Дж. Буш встречался с рядом арабских лидеров в июне 2003 г. Несмотря на это, ряд сирийских политиков продолжали считать, что США не смогут обойтись без поддержки Сирии в Ираке и палестино-израильском урегулировании, и, поэтому, с большим пониманием будут отгоститься к учету сирийских интересов в регионе.¹⁵⁷ На деле, если подобная позиция возобладает в сирийских политических кругах, то это может обернуться серьезными неприятностями для Сирии. Так, вместо того, чтобы обеспечить участие Сирии в общей работе по разблокированию мирного процесса в регионе, администрация Буша дала понять, что Дамаск может оказаться на обочине постиракского регионального развития. Пока нет никаких устойчивых признаков того, что в ближайшее время, Вашингтон будет готов поддержать возобновление двусторонних переговоров между Сирией и Израилем, тем более помочь Сирии вернуть утраченные территории. К тому же после переизбрания президента США Дж. Буша на второй срок, неизбежно произойдет (и уже происходит – А.В.) смена его администрации. Те представители Государственного департамента и других внешнеполитических ведомств США, которые признавали региональную роль Дамаска и выступали за продолжение диалога с Сирией, скорее всего, вынуждены будут оставить свои прежние посты в администрации. Поэтому

тон заявлений Вашингтона в адрес Сирии и практические действия США в отношении Дамаска могут сильно измениться и не в лучшую для сирийцев сторону. Вполне возможно, что новая администрация США обусловит свое потенциальное участие на сирийско-ливанском направлении мирного процесса необходимостью изменения как региональной, так и внутренней политики Сирии. И тогда участие Сирии в мирном процессе может оказаться на долго заблокированным, а процесс реформ затормозиться.

В отличие от американского европейский подход к Сирии был менее политизирован и ориентирован на более эффективное использование возможностей в регионе для развития торговли и экономического сотрудничества. Сам Б. Асад и не ожидал большого политического вклада Европы в развитие ситуации на Ближнем Востоке. Даже в его инаугурационной речи ЕС не упоминался. Тем не менее, в ходе своего первого года на влажном поприще он посетил Испанию, Францию и Германию, где, прежде всего, обсуждал экономические вопросы. Сирийскому правительству удалось решить долго тянувшуюся проблему сирийских долгов Франции и Германии. Таким образом, были устранены основные препятствие на пути оказания европейским государствами экономического содействия развитию Сирии. Новое политическое руководство САР достаточно серьезно относилось к проблемам средиземноморского партнерства и соответствующим европейским инициативам. Это означало определенный поворот в позиции САР в отношении Европы. Продолжая считать, что роль Европы в регионе способна сбалансировать американское влияние на Ближнем Востоке, новое сирийское руководство стало обращать больше внимания на выгоды от развития экономических связей с Европой. По вопросу об отношениях с ЕС внутри сирийской политической элиты существовало несколько мнений. Б. Асад и его сторонники «реформаторы» были убеждены, что Европа может облегчить приобщение Сирии к процессам глобализации. «Консерваторы» и прежние военно-политические советники Х. Асада были склонны рассматривать отношения с ЕС как одну из символических форм

региональной политики. Так, Сирия не принимала участия в евросредиземноморских встречах министров иностранных дел в Марселе, Брюсселе и Валенсии в 2000, 2001 и 2002 гг., соответственно. По мнению сирийского министра иностранных дел Ф. Шараа было бы «нелогичным садиться за общий стол переговоров с Израилем, когда убивают арабов в Палестине».¹⁵⁸ Только после войны в Ираке Сирия и Ливан изменили свою политику. Обе страны участвовали в Евросредиземноморской конференции министров иностранных дел на Крите в мае 2003 г. Одновременно Б. Асад принял решение ускорить переговоры о присоединении к европейской инициативе средиземноморского партнерства, опасаясь, что иначе ЕС может утратить интерес к Сирии. Хотя Соглашение о средиземноморском партнерстве носило преимущественно экономический характер, политические проблемы в нем также присутствовали. И «реформаторы» и «консерваторы» были обеспокоены европейскими призывами к демократии и правам человека. Они опасались, что эти положения, прописанные в Соглашении, могут привести к незаконному вмешательству во внутренние дела САР. Вместо этого они хотели видеть более весомую роль Европы в политическом процессе на Ближнем Востоке. При этом сирийское руководство понимало, что ЕС не может и не хочет становиться основным посредником в мирном процессе вместо США. С другой стороны они видели в Европе определенного гаранта сохранения участия САР в мирном процессе в случае достижения договоренностей между Израилем и Палестинской автономией по плану «дорожной карты».

РОССИЙСКО-СИРИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Отношения России и Сирии имеют долгую историю дружбы и сотрудничества. Военно-политическая и экономическая поддержка СССР молодой Сирийской Республики в годы «холодной войны» явилась мощным фактором в деле обеспечения поступательного развития Сирии по пути национальной независимости, завоевания ею экономической

самостоятельности, создания современных вооруженных сил и превращения Сирии во влиятельную региональную силу. Данное обстоятельство заложило прочный фундамент последующего развития российско-сирийских отношений после распада СССР. Сложившиеся к моменту распада СССР советско-сирийские отношения характеризовались учетом и соблюдением интересов как супердержавы, так и ее регионального партнера. В Сирии работало, училось и проживало более 6 тысяч советских граждан и гражданок. В СССР учились десятки тысяч сирийцев, как в гражданских, так и в военных учебных заведениях. Многие женились на советских гражданках и создавали с ними в Сирии смешанные семьи. До 1984 года в Дамаске успешно действовала «Ассоциация выпускников аспирантур», основанная в 1980 г. братом президента Асада Риф'атом, который сам защитил кандидатскую диссертацию в Советском Союзе.¹⁵⁹ Ассоциация была призвана содействовать распространению знаний в различных областях человеческой деятельности, и объединяла в своих рядах около 50 тысяч сирийцев и других арабов, защитивших диссертации в основном в СССР, государствах Восточной Европы, многие из которых занимали высокие посты в местных структурах власти. Нельзя забывать и о том, что в Сирии проживает около 200 тысяч человек, выходцев из различных республик краев и областей бывшего СССР, главным образом Северного Кавказа и Армении, которые в массе своей тесно связаны со своей этнической родиной родственными, культурными, религиозными связями. На этом фоне происходящие в нашей стране процессы особенно болезненно воспринимались сирийцами, как простыми людьми, так и власть предержащими.

Распад СССР и последовавшая вслед за этим односторонняя переориентация внешней политики новой России на Запад оказали серьезное воздействие на внешнеполитическую доктрину САР и поставили Дамаск перед необходимостью пересмотра своей региональной стратегии. В течение довольно длительного времени ключевым компонентом сирийской концепции национальной безопасности служил

Советский Союз, который рассматривался в Дамаске в качестве главного источника военной помощи и политической поддержки и, прежде всего, стратегического партнера Сирии в случае вооруженного конфликта в соответствии со статьей 6 советско-сирийского договора о дружбе 1980 года. После 1991 года Россия перешла на новые, коммерческие условия расчетов с зарубежными партнерами, в т.ч. и с Сирией в вопросах военно-технического сотрудничества (ВТС). В результате в данной области российско-сирийских отношений наметился определенный спад, который был также вызван несогласованностью подходов сторон к урегулированию сирийской задолженности по госкредитам бывшего СССР.

Несмотря на «новую философию» во внешней политике России, на практике географические и стратегические параметры российско-сирийских связей не могли быть, безусловно, и однозначно сняты. Новая Россия, как и прежде, нуждалась в стратегических союзниках на Ближнем Востоке. Тем более что другой наш традиционный стратегический партнер в регионе – Ирак оказался полностью изолирован и «выключен» из сферы российского влияния в результате блокады и жесткого режима санкций. Йемен был занят внутренними «разборками» и решением пограничных вопросов. ООП готовилось к реализации сепаратных договоренностей с Израилем при активном посредничестве Запада. Афганистан все глубже погружался в пучину гражданской войны, Иран «отходил» от последствий длительной и кровопролитной войны с Ираком. Отношения с Израилем только набирали темп. Поиск новых стратегических партнеров в арабских монархиях Персидского Залива не приносил быстрых и желанных результатов. Новые геополитические раскладки в регионе не могла также полностью устроить и Сирию. Существенно смягчив свою позицию по БВУ и проведя серию двусторонних переговоров и встреч с израильтянами при посредничестве американцев, сирийцы так и не смогли решить своей основной задачи – освобождения Голанских высот. С другой стороны, все явственнее проступающие контуры нового мирового порядка, создаваемого США для

Ближнего Востока, ставили Дамаск перед нелегкой дилеммой. Изменить систему власти в стране со всеми вытекающими последствиями и стать составной частью этого порядка, либо найти не столь радикальный и разрушительный алгоритм для более или менее мирного сосуществования с новой реальностью. В условиях перехода нашей страны на новые, рыночные принципы оказания военной помощи САР и высоких цен на современные образцы российских вооружений сирийское руководство осуществляло поиск альтернативных партнеров в области ВТС. Отмена государствами Западной Европы в 1994 году жесткого эмбарго на военные поставки в САР не повлияла существенным образом на расширение связей этих государств с Дамаском в оборонной сфере из-за сохраняющейся напряженности в сирийско-израильских отношениях. Сотрудничество ограничивалось в основном продажей небольших партий техники двойного назначения, в основном средств связи и транспорта, а также закупкой запчастей к уже поставленному вооружению. Исключение составляла Франция, президент которой накануне своего визита в Дамаск осенью 1996 г. выразил готовность положительно рассмотреть возможные заявки сирийцев на приобретение самолетов типа «Мираж-2000». Не получили существенного развития и военные связи Сирии с государствами Восточной Европы. После приобретения в одной из этих стран в начале 90-х годов некоторых видов ВВТ, которые имели серьезные технические недостатки, сирийцы с осторожностью относятся к новым предложениям восточноевропейских партнеров. Контакты в военной области с бывшими советскими республиками Арменией, Украиной, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Азербайджаном и Узбекистаном носили преимущественно характер разовых сделок, поскольку в условиях отсутствия в этих странах надлежащего государственного контроля за военными поставками и кризисного состояния военно-промышленного комплекса осуществлялись, главным образом, через представителей частных компаний, научно-производственных объединений и заводов-изготовителей. С определенными трудностями сталкивалось военное сотрудничество с КНДР и Китаем.

Отказ Пекина поставлять Сирии наступательные виды оружия высокая стоимость предлагаемых образцов военной техники при их относительно невысоком качестве тормозили военное сотрудничество с Китаем.

В тоже время, учитывая сохраняющуюся неопределенность в вопросах мира с Израилем и некоторые трения в отношениях Дамаска с другими своими соседями, военно-политическое руководство Сирии уделяло постоянное внимание повышению боеспособности национальных вооруженных сил, рассматривая их как один из важнейших факторов противостояния Израилю, необходимый элемент при решении региональных политических проблем, а также основную опору правящего режима внутри страны. С этой точки зрения сирийцы всегда рассматривали Россию в качестве своего основного партнера по ВТС, источника приобретения современных видов вооружений.

Несмотря на то, что, начиная с 1992 года российско-сирийское торгово-экономическое и техническое сотрудничество, сталкивалось с трудностями, обусловленными, главным образом, нерешенностью вопросов, связанных с погашением советских кредитов и прекращением государственной поддержки российского экспорта в Сирию, Россия сохраняла свою значимость для САР в качестве потенциально важного экономического партнера. При содействии российских организаций в Сирии осуществлялось строительство гидроузла «Тишрин» на реке Евфрат, продолжалось проектирование, ирригационное строительство и освоение земель на массиве Мескене и в районе Халеба, оказывалось содействие в нефтедобыче и по ряду других объектов. Созданные и эксплуатируемые при российском содействии объекты сотрудничества играли важную роль в экономике Сирии. В середине 90-х годов они обеспечивали выработку 1/3 электроэнергии в стране, добычу около 30% нефти, орошение свыше 50 тысяч га засушливых земель на массиве Западное Мескене и в прибрежной зоне.

После 1995 года российское руководство предприняло ряд активных политико-дипломатических действий с тем, чтобы восстановить прежние позиции России в

ближневосточном регионе. Прежде всего, Россия стремилась укрепить свой статус коспонсора мирного процесса в регионе. В декабре 1996 года Россия выступила с предложением организовать встречу глав государств с участием Израиля, палестинцев и арабских стран с тем, чтобы оживить мадридскую формулу вообще и возобновить многосторонние переговоры, в частности. Это было особенно важно для России с точки зрения обеспечения ее участия и учета российских государственных интересов в ходе формирования новых геополитических реалий в регионе. К тому же многосторонние переговоры представляют собой уникальный в своем роде механизм, где при российском сопредседательстве было начато обсуждение проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В 1996 – 1997 годах российский министр иностранных дел провел серию переговоров с руководством ряда арабских государств, Израиля и ПНА. В мае 1997 г. российская дипломатия предпринимала усилия по созданию благоприятного климата в арабо-израильских переговорах, пытаясь убедить Сирию и Иран оказать соответствующее давления на радикальные движения и группировки в регионе, стремившиеся торпедировать палестино-израильское примирение. В результате Дамаск и Тегеран в принципе согласились с необходимостью противодействовать и бороться с терроризмом «в любой ситуации и при всех обстоятельствах». В ноябре 1997 года заместитель министра иностранных дел РФ В.В. Посувалюк был назначен спецпредставителем российского президента на арабо-израильских мирных переговорах со статусом и функциями аналогичными американцу Д. Росу. В рамках этих усилий российской дипломатией был сделан акцент на потенциальные выгоды для России от ее традиционно тесных связей с Сирией и палестинцами.

В 1997 г. Россия и Сирия возобновили переговоры об условиях выплаты Сирией задолженности российской стороне (около 11 млрд. долл.). В июне 1997 г. российский посол в САР дал понять, что Россия стремится урегулировать этот вопрос путем диалога и

он не должен стать преградой на пути развития двустороннего сотрудничества в различных областях. Неоправданно жесткие по сравнению с индийским (отсрочка на 40 лет) и иорданским (более 80% задолженности списано) прецедентами, требования к сирийцам оборачивались, в конечном итоге, против самой России. Дамаск, судя по всему, уже фактически адаптировался к прохладным отношениям с Москвой и не испытывал острой необходимости в скорейшем урегулировании проблемы долгов. Россия же помимо упущенной выгоды, несла прямые экономические потери. Росла просроченная задолженность (около 7 млрд. долл. США на середину 1997 г.), что еще более усложняло возможность, выхода в перспективе на взаимоприемлемые условия по выплате долга.¹⁶⁰

В конце 1997 г. Россия инициировала сотрудничество между российским Минатомом и сирийской компанией по атомной энергии. Сирийская сторона проявила заинтересованность в проведении соответствующих переговоров для определения возможных направлений сотрудничества и подписания соответствующего меморандума. В опубликованном заявлении российского правительства говорилось о необходимости развития отношений в данной области.¹⁶¹

Активизировалось и российско-сирийское ВТС. Весной 1992 г. в Дамаске прошли соответствующие переговоры делегации ГК «Росвооружение» с сирийской стороной по контрактам, заключенным в 1992 – 1993 г.г. Летом этого же года в России побывала представительная военная сирийская делегация с целью подписания контрактов на изготовление и поставку в САР некоторых видов современных вооружений. В июне 1997 г. российский посол в Дамаске заявил о возобновлении поставок российского оружия в Сирию, а позднее в некоторые западные и арабские СМИ просочилась информация о состоявшихся в августе 1997 года российско-сирийских переговорах о поставках в САР российских ВВТ на сумму в 3 млрд. долл. США при финансовой поддержке Ирана.¹⁶² Особую заинтересованность сирийская сторона проявила к закупкам современных

образцов ВВТ, в частности самолетов МИГ-31, МИГ-29, Су-27, Су-22, вертолетов Ка-50, танков Т-90, комплексов ПВО С-300, средств связи и радиоэлектронной борьбы.¹⁶³

Летом 1999 г. после 12-летнего перерыва в Россию с официальным визитом приехал президент Сирии Х. Асадом. Как показали состоявшиеся переговоры, Х. Асад не забыл того позитива, который имел Дамаск от особых отношений с Москвой и верил в потенциал обновленной России. Сирийский президент хорошо понимал, что крепкие связи с Россией могут только помочь его преемнику в управлении страной в переходный период. Переговоры Х. Асада с российским руководством и предшествовавшие этому визиты в Москву министра иностранных дел САР Ф. Шараа и высокопоставленных сирийской военной делегации придали новый импульс российско-сирийским отношениям, в т.ч. в сфере ВТС.

Действительно, Россия, как и прежде, является основным экспортером ВВТ в Сирию, а результаты последних российско-сирийских контактов в области торгово-экономических связей внушают надежду на то, что экономическая составляющая наших отношений может значительно окрепнуть. Определенные перспективы для расширения двусторонних связей с САР все же имелись. В качестве важного «катализатора» российско-сирийских отношений в Дамаске рассматривали закупки в России современных видов вооружений. ВТС России и Сирии служило одним из немногих примеров, когда возобновление полномасштабного сотрудничества не нуждалось в предварительных «смотринах», не требовало обязательного тестирования на прочность партнерских отношений и долговременность интересов. В перспективе, при условии достижения конкретных положительных результатов на переговорах с Израилем, политическое руководство САР неизбежно столкнется с необходимостью масштабной перестройки национальных вооруженных сил в плане их модернизации и качественного обновления, сокращения численности личного состава (по некоторым данным на 80-100 тыс. человек) с соответствующими изменениями в их оргштатной структуре. С учетом того, что на

сегодняшний день вооруженные силы САР более чем на 80% оснащены военной техникой российского производства, только Россия способна обеспечить предстоящую большую работу по обновлению имеющегося парка российского вооружения и военной техники, оценке возможности продления их ресурсов, проведения ремонта и модификации, технологическую преемственность и техническую совместимость.

Для России расширение ВТС с Сирией имело тем более важное значение, поскольку за последние годы Россия значительно ослабила позиции на ближневосточном рынке вооружений. Активизация сотрудничества с Сирией в военной области помимо прямой экономической выгоды (в первой половине 90-х годов сирийцы передали российской стороне заявки на закупку ВВТ стоимостью до 5млрд. долл. США), могла бы способствовать возрождению на принципиально новой основе двусторонних экономических связей. Так, с учетом особой роли офицерского корпуса в Сирии, определяющее влияние которого на развитие внутривосточных процессов в САР судя по всему, сохранится и при Башаре Асаде, развитие двустороннего ВТС могло бы заложить прочные стабилизирующие основы в наших двусторонних отношениях на длительную перспективу.

Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений являлась неурегулированность проблемы сирийской задолженности России. Затягивание с решением этого вопроса не только играло на руку противникам российско-сирийских отношений, но, могло в конечном итоге привести к ситуации когда Россия полностью бы утратила перспективу возвращения долга, в т.ч. на выгодных в целом для себя условиях (открытие валютной и товарных линий на сотни миллионов долларов США ежегодно, например). Судя по всему, решению именно этих насущных задач и был посвящен визит в Москву в конце января 2001 г. сирийской экономической делегации.¹⁶⁴ Ранее в сентябре 2000 г. в ходе переговоров российской экономической делегации в Дамаске был подписан ряд соглашений в области торгово-экономического обмена,

наиболее важным из которых является соглашение об избежании двойного налогообложения, открывающее широкие возможности для развития двусторонних торгово-экономических связей как по линии государственных, так и частно-коммерческих предприятий. Достигнутые успехи нуждались в закреплении и развитии конкретными делами. Для этого у обеих сторон имелись все объективные и субъективные предпосылки.

За годы сотрудничества при техническом содействии советских организаций в Сирии построено немало важных для ее экономики объектов, причем в базовых для сирийской экономике отраслях, прежде всего в области энергетики, добыче нефти, ирригационном и транспортном строительстве, черной металлургии и других отраслях. Сегодня по разным причинам многие из этих объектов фактически бездействуют. Сооружение некоторых приостановлено, другие нуждаются в переоснащении и модернизации оборудования. Несмотря на то, что госсектор в Сирии постепенно утрачивает свои былые позиции, его роль в переходный для сирийской экономики период в качестве социального амортизатора и определенного средства подпитки для национальной буржуазии остается весьма существенной. Поэтому было бы оправданным сегодня не только продолжить сотрудничество по строящимся и построенным объектам, но и принять участие в сооружении новых объектов и выполнении работ в таких традиционных для российско-сирийского сотрудничества областях как энергетика, сооружение ТЭС, ЛЭП, нефтяной и газовой промышленности содействие в выполнении разведочных и эксплуатационных буровых работ, строительстве нефтепроводов, газопроводов, нефтехранилищ, в металлургии, в области ирригационного и водохозяйственного строительства, освоении земель в Прибрежном районе и т.п. Тем более, что в условиях, когда большинство западных, прежде всего американских рынков может в ближайшее время оказаться закрытыми для экспорта продукции отечественной металлургии, российским промышленникам и предпринимателям стоило бы обратить

более пристальное внимание государства Ближнего и Среднего Востока, прежде всего те страны, где при нашем содействии создавались отрасли тяжелой промышленности.

Однако ограничивать сферу нашего сотрудничества только традиционными отраслями было бы неверным. Сегодня в Сирии активно развиваются новые для этой страны производства и, прежде всего в областях связи, телекоммуникаций, информатике. Новый сирийский лидер лично курирует это направление деятельности и не только потому, что он раньше возглавлял Сирийскую ассоциацию по информатике и компьютеризации, ряд руководящих членов которой сегодня занимают высокие посты в новом правительстве, но и, прежде всего потому, что без развития этих производств серьезно говорить о безопасности Сирии в XXI веке вряд ли возможно.¹⁶⁵ С учетом имеющихся в России оригинальных «ноу-хау» в этой сфере, которые не уступают западным аналогам, а по некоторым параметрам даже превосходят их, соответствующие российские организации могли бы принять более активное участие в продвижении своих проектов на сирийский рынок. Еще одной важной сферой приложения совместных усилий является сотрудничество в гуманитарной области. Это обучение и подготовка сирийских специалистов (в больших, нежели сегодня объемах) в российских вузах, которые, если верить прогнозам отечественных демографов, могут уже в ближайшее несколько лет испытывать нехватку студентов, создание совместных научных центров и ассоциаций, проведение научных симпозиумов и конференций, издание рекламной книжной продукции по актуальным проблемам двусторонних отношений и положения в регионе. Некоторые из указанных проектов могут оказаться весьма выгодными. Будучи мало затратными с финансовой точки зрения, они, тем не менее, могут сыграть важную роль в информационно-рекламном обеспечении как российского, так и сирийского бизнеса, без чего в принципе невозможно представить налаживание продуктивных деловых связей.

Характерно, что по наиболее острым проблемам региона позиции России и Сирии во многом совпадают, что проявилось в частности во время телефонного разговора

Владимира Путина с Башаром Асадом в ноябре 2002 г. Как и Россия Сирия голосовала за принятие СБ ООН резолюции № 1441 по Ираку, поддерживая решение иракской проблемы мирным путем. Дамаск выступает за стабильность и предсказуемость развития военно-политической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в регионах прилегающих к нашим границам, границам СНГ. В этой связи Сирия поддерживает идею созыва международной мирной конференции по Ближнему Востоку, полагая, что всеобъемлющий и прочный мир в регионе может быть достигнут только в ходе многосторонних переговоров при активном участии России в качестве коспонсора ближневосточного мирного процесса. Как заявил министр иностранных дел России в ходе своего визита в Дамаск летом 2004 г. подключение Сирии и Ливана к реализации проекта «Дорожной карты» могло бы обеспечить его успешное продвижение.

Состоявшийся в январе 2003 г. визит в Россию вице-президента Сирии А. Х. Хаддама, несомненно, явился важным событием в области российско-сирийских связей. В 2002 г. в ходе переговоров российских и сирийских экономических делегаций в Москве и Дамаске был подписан ряд важных соглашений в области развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества. Это создало благоприятные условия внешнеэкономической деятельности для российских организаций на сирийском рынке, а также открыло новые области сотрудничества с Сирией в финансово-банковской, инвестиционной-кредитной сферах, туризме и других областях. В ноябре 2003 г. российская компания «Татнефть» выиграла тендер на разведку и эксплуатацию одного из крупных нефтяных полей в САР.¹⁶⁶ Серьезным тормозом для выравнивания всех сфер российско-сирийских отношений по-прежнему являлась неурегулированность проблемы сирийской задолженности России. Очевидно, о решении этих проблем шла речь в ходе переговоров в Дамаске в начале декабря 2003 г. заместителя министра финансов России А. Улюкаева с сирийским премьером Н. Отри, министром финансов САР М. Хусейном.¹⁶⁷ Осложнение военно-политической обстановки вокруг Сирии после войны в Ираке и

пробуксовка мирного ближневосточного процесса заставили сирийское руководство вспомнить, что «старый друг – лучше новых двух». В первой декаде декабря 2003г. в Дамаске с визитом находился заместитель министра иностранных дел России А. Салтанов, который был принят Б. Асадом и передал ему личное послание президента В. Путина.¹⁶⁸ С другой стороны, для России немаловажное значение имеет тот факт, что сирийский порт Тартус являлся единственным в Средиземном море пунктом материально-технического обеспечения (ПМТО) ВМФ РФ на безвалютной основе. 23 февраля 2004 г. по российскому телевидению (канал РТР) прошел репортаж о восстановлении российского ПМТО в Тартусе, готовящемуся к принятию российской военной эскадры. С учетом преемственности в политике нынешнего сирийского президента есть основания полагать, что Б. Асад не забыл того позитива, который был создан его отцом в двусторонних российско-сирийских отношениях, и будет способствовать их дальнейшему укреплению и выведению их на качественно новый уровень.

Данное предположение нашло полное подтверждение во время государственного визита сирийского президента в Москву в 20-х числах января 2005 г. По оценке Б. Асада высказанной в ходе закрытой встречи с представителями арабских, главным образом сирийских, и некоторых российских СМИ результаты переговоров с российским руководством «превышали все ожидания» Сирии от этого визита. Действительно, списание около 80% сирийского долга, заключение 6 соглашений в торгово-экономической и культурной сфере, вероятность поставок современных российских вооружений в САР означали не только политическую поддержку России позиции Сирии, но и создавали важные предпосылки для формирования новой внешнеполитической стратегии России на Ближнем Востоке. При этом восстановление в полном объеме российско-сирийских отношений не направлено против какой-либо третьей стороны в регионе и не ставит целью противодействие интересам ведущих мировых держав на Ближнем Востоке.. Речь скорее может идти о попытках Сирии и России сформировать

совместно с другими государствами региона и ведущими членами мирового сообщества условия для формирования нового климата международных отношений, более сбалансированных и безопасных, на Ближнем Востоке. Ведь как для России, так и для Сирии императивом внешней политики служат обеспечение собственных экономических интересов развития своих стран и решение проблем их безопасности. Происходящие сегодня на Ближнем Востоке процессы объективно ставят регион в центр мировой политики и оказывают все возрастающее влияние на общую ситуацию в мире, во многом определяя взаимоотношения США, Европы и России в XXI веке. Если уже в ближайшие годы Ближний Восток будет находиться в центре международных усилий по установлению новой системы международных отношений, то тем самым регион в значительной степени будет определять основные параметры развития мировой политики. Данное обстоятельство, несомненно, повлияет и на рост интереса к региону со стороны российской общественности. А также поставит новые требования перед наукой и политическими организациями России, занимающимися ее связями с международным окружением. Науке, изучающей ближневосточный регион, будет необходимо лучше разбираться во внешней политике и политике безопасности. С другой стороны российским политическим и управленческим структурам, очевидно, предстоит переосмыслить свои приоритеты. Центральное значение Ближнего Востока как сцены международной политики означает большую компетентность кадров внешнеполитических институтов государства в отношении региона Ближнего Востока, причем как в центре, так и за рубежом. Поэтому проблема нахождения гармоничного сочетания западного и восточного направлений российской внешней политики, с точки зрения укрепления авторитета России на международной арене и стабилизации социально-экономической ситуации в стране становится крайне актуальной.

Заключение:

Война в Ираке и ее последствия внесли серьезные изменения в геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке. Одним из важных уроков иракской войны для арабских стран, в том числе и Сирии, стало то, что иракские службы безопасности и однопартийная система власти оказались не способны защитить страну от внешней агрессии. Под воздействием внешнего фактора изменилось и общественное мнение в арабских странах. И хотя сирийские граждане в массе своей поддержали своего президента во время иракской войны, и даже оппозиция на время отодвинули в сторону требования политических свобод и демократии, в самом сирийском руководстве не могли не признать, что Сирия должна готовиться к переменам. Благодаря авторитарной политике Х. Асада Сирия получила возможность не зависеть от внешних факторов и в течение довольно длительного времени достаточно эффективно противостоять международному давлению в условиях региональных кризисов. В значительной степени эта способность объяснялась и той геополитической ситуацией в регионе и мире, в условиях которой формировался и эволюционировал режим Х. Асада.

Сегодня ситуация на Ближнем Востоке и в мире в целом изменилась кардинальным образом. Новое политическое руководство САР во главе с Б. Асадом столкнулось с комплексом неблагоприятных проблем. Это и потенциально опасная обстановка, складывающаяся вокруг Сирии, и очень непростое социально-экономическое положение в стране, и необходимость осуществления более радикальных реформ, ожидание которых в сирийском обществе может достаточно быстро пропасть, если не будет подпитываться конкретными делами.

После прихода к власти в июле 2000 г. Б. Асад сумел выстроить свою систему политической власти. В тоже время в традиционных правящих элитах САР Б. Асада были склонны рассматривать больше как преемника Х. Асада, управляющего доставшимся ему в наследство сильным авторитарным государством. Действительно новая власть пока не

смогла создать свой собственный политический имидж, и воспринимается в старых образах. Публичная критика политики прежнего режима и его ошибок все еще находится под запретом, а в окружении Б. Асада по-прежнему много советников из числа соратников бывшего президента. Новой власти все еще приходится доказывать свою силу и способность к управлению государством. Однако годы, прошедшие после прихода к руководству Сирией Б. Асада показали, что он способен твердо следовать избранному курсу даже в условиях противоречий внутри самой системы. За последний год Б. Асад существенно омолодил сирийскую политическую элиту, постарался привить ей новую политическую культуру и тем самым существенно расширил базу собственной поддержки внутри основных механизмов власти – партии, госаппарате, силовых структурах. Он также смог наполнить реальным содержанием работу «второстепенных» при Х. Асаде структур, таких как парламент, НИФ, общественных организаций, профессиональных и студенческих союзов, что являлось залогом углубления демократических преобразований.

В тоже время взятый на вооружение Б. Асадом курс «преемственность ради реформ» имел под собой глубокое политическое обоснование. Сохраняя неизменными в целом рамки прежней системы, Б. Асад тем самым получил возможность осуществлять поэтапную программу реформ без видимой угрозы нарушения баланса сил в правящей элите и социальных потрясений в обществе. К тому же прежние структуры власти по-прежнему пользовались поддержкой среди немалой части населения Сирии. Большинство сельских жителей, представителей среднего класса и часть госслужащих среднего звена, выражая недовольство состоянием экономики, показным богатством некоторых представителей правящей элиты, коррупцией в высших эшелонах власти, считали, тем не менее, что своим относительным благополучием они во многом обязаны социальной политике ПАСВ 1960-1970-х гг. В сирийском обществе до сих пор сохранялось уважение к результатам политики арабского национализма Х. Асада и длительной политической стабильности выстроенного им режима. Подобные настроения президент и его окружение

реформаторов не могли не учитывать, хотя власть и чувствует себя достаточно уверенно. Действительно, сегодня властным позициям Б. Асада внутри страны ничего не угрожает. Любые изменения в рамках действующей конституции определяются, прежде всего, желанием самого президента. Вероятные политические соперники не имеют легальных возможностей создать серьезную оппозицию с широкой социальной базой поддержки. Такое положение во многом созвучно чаяниям сирийских граждан, многие из которых еще помнят эпоху военных переворотов 1950-1960 – х. годов и не желают ее возвращения. Более молодые сирийцы не хотят повторения кровавых событий конца 1970-х, начала 1980-х г.г., связанных с мятежом «Братьев – мусульман». Память об этом периоде делает весьма непопулярными в сирийском обществе исламистские движения, призывающие к террору и вооруженному восстанию. В этой связи ведущая прежде конфессиональная составляющая режима постепенно отходит на задний план в выстраивании новой системы власти. И, хотя, сам президент и его ближайшее окружение, многие ключевые фигуры государства являются представителями алавитской общины Сирии, растущее число новых социально-экономических и политических институтов государства постепенно формирует новый принцип кадровых назначений не связанный напрямую с конфессиональной структурой общества.

Сегодняшняя власть в Сирии может позволить себе подобные трансформации. Опираясь на достижения прежней политики экономической либерализации, которая обеспечила верхушке среднего класса в целом безбедное существование, Б. Асад проводил более жесткую фискальную политику, способствовавшую улучшению жизни большинства государственных служащих. К тому же, власть располагает и контролирует все инструменты прежнего авторитарного режима и может использовать их по своему усмотрению когда сочтет это необходимым. В тоже время Б. Асад поставил репрессивный аппарат под более жесткий контроль политической власти, а самим репрессиям власти стараются придать форму законности. Осужденный недавно на несколько месяцев

тюрьмы и уволенный с работы по личному указанию нового министра внутренних дел Г. Канаана высокопоставленный офицер полиции, набросившийся с кулаками на рядового сирийца во время выяснения обстоятельств ДТП, - лишь один из ряда примеров новой политике властей в этой деликатной сфере. Граждане Сирии получили возможность более открыто выражать свои взгляды (пока в основном в иностранных СМИ и Интернете - А.В.) и свободно выезжать за рубеж. Несмотря на беспрецедентность развернувшейся на страницах официальной сирийской прессы (Тишрин, Ас-Саура – А.В.) в конце ноября-декабре 2004 г. дискуссий о роли местных спецслужб и методах их работы, сирийские органы безопасности по-прежнему служат главным инструментом контроля за развитием основных политических процессов в Сирии.

В тоже время в сегодняшней Сирии ведутся острые дискуссии о возможных путях развития страны. Ряд молодых партийных руководителей среднего звена ПАСВ считали необходимым реформировать отдельные звенья ПАСВ и принять закон о партиях, который позволил бы создать основу для большего политического плюрализма и проведения выборов в парламент на альтернативной основе. Ориентированные на реформы технократы в правительстве доказывали обязательность ускорения реформы экономики и административного аппарата. Действительно, Б. Асад и его команда технократов сделали своим приоритетом экономическую и административную реформу. Был принят целый ряд новых законов и декретов с целью модернизации экономических структур и активизации частного предпринимательства. Однако исполнение новых законов шло медленно и с трудом в результате сопротивления бюрократии. На самом деле успех экономических преобразований во многом зависит не только от административной реформы, но и потребует также широкой политической либерализации, чтобы создать привлекательный инвестиционный климат в Сирии. Одновременно политическому руководству САР придется продолжить работу по расширению состава участников внутри политических и государственных институтов, прежде всего за счет привлечения новых

бизнесэлит, технократов, интеллигенции к работе в парламентских структурах. В современных условиях с учетом складывающейся вокруг САР обстановки такая демократизация невозможно без контроля сверху и достижения согласия в правящих элитах страны на основе некоторой доли консерватизма в сочетании с умеренно либеральными реформаторскими воззрениями.

Современные задачи внутривластного развития САР во многом подвержены воздействию внешних факторов. К сожалению, сегодня такое воздействие происходит для Сирии со знаком минус. Если бы вслед за войной в Ираке США удалось реализовать свой план демократизации, это бы возможно усилило внутренне давление в Сирии и других странах региона в пользу перемен. Это в равной степени относится и к процессу арабо-израильского мирного урегулирования, где Сирия играет далеко не последнюю роль. В условиях мира на Ближнем Востоке Сирии значительно быстрее и проще было бы осуществлять программу реформ, и наоборот. Исходя из своих интересов стабилизации региона и придания импульса реформам, сирийское руководство продолжает искать справедливое и всеобъемлющее решение ближневосточного конфликта. Активизация ближневосточной политики России и наполнение ее конкретным содержанием в виде пакета новых оригинальных идей и предложений по выходу из кризиса и путям осуществления реформ, несомненно, окажет позитивное воздействие на процессы модернизации в Сирии и выведет наши двусторонние отношения на новый качественный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ¹ Азия и Африка сегодня, № 8, 1999.
- ² Аль-Баас, 15.04., 10.05.1994, Ас-Саура, 10.02.15.04.1994, Аль-Васаг, 07.05.1995)
- ³ Аль-Хабар Аль-Арабий (Париж) 16.11.1999.
- ⁴ Ахмедов В.М. Башар Асад – преемственность ради реформ. Политический портрет. Восток. 2004, № 4, с. 118
- ⁵ Аль-Мухарир, №138, 28.09.1998
- ⁶ Janes Intelligence Review, April, 1999).
- ⁷ Associated Press, July 17, 2000
- ⁸ Аз-Заман (Париж), 16.11.1999, Аль-Кудс Аль-Арабий (Лондон), 18.11.1999).
- ⁹ Афак Арабийя, 28.01.04
- ¹⁰ Middle East Insight, september-october, 1994, p.10; The Middle East, october, 1994, p.19.
- ¹¹ Аль-Васаг, 17.11.1994, 07.05.1995; Аш-Шарк Аль-Аусат (Лондон), 07.03.1994; Аль-Баас, 15.04., 10.05.1994; Ас-Саура (Дамаск), 10.02., 15.04. 1994.
- ¹² Аль-Кудс Аль-Арабий (Лондон), 20.03. 2000.
- ¹³ Аль-Хаят, 03.07.1998.
- ¹⁴ Аз-Заман (Париж), 16.11.1999; Аль-Хабар Аль-Арабий (Париж), 16.11.1999; Аль-Кудс Аль-Арабий (Лондон), 18.11.1999; L□Express, 22.11.1999. Jane□s Intelligence Review, april, 1999; Intelligence Newsletter, № 353, 1999.
- ¹⁵ Monde arabe: Maghreb-Machrek, no. 169, julay-september 2000, pp. 164-166
- ¹⁶ Ibid, pp.170-172
- ¹⁷ Seale Patrick. Asad of Syria: The struggle for the Middle East. London; I.B. Tauris, 1988, p.439-459.
- ¹⁸ Сирия. Справочник. М., 1992, с.173-180; 195-210.
- ¹⁹ Там же, с. 178-185.
- ²⁰ О механизме власти в САР при Х. Асаде см.; Ахмедов В.М. Политический облик режима. Азия и Африка сегодня, №8, 1999, с.9-16.
- ²¹ О Х. Асаде также см.; Президент Сирии Хафез Асад – штрихи политического портрета. Мир глазами президента Сирии Хафеза Асада. М., 2000, с.13-30
- ²² Alan George. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY., 2003; Lisa Wedeen. Ambiguities of Domination: Politics, Rhetoric, and Symbols in Contemporary Syria. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1999).
- ²³ Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945-1966). М., 1978, с.16.; Сирия. Справочник. М., 1992, с. 119-125; 188-195.
- ²⁴ Подробнее о первых шагах ПАСВ после прихода к власти в САР см; Itamar Rabinovich. Syria under the Baal th 1963-1966; The Army-Party Symbiosis. Jerusalem, 1972, p.57-76.; Seymour Martin. The Dynamics of Power in Syria since the Break with Egypt. Middle Eastern Studies, v.6, January 1970, №1, p.38-39;
- ²⁵ Конституция Сирии от 13 марта 1973 г. В кн. М.А. Сапронова. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003, с.284-312.

- ²⁶ Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий. Аль-муғтамар аль-кутрий ас-самин. Димашк. 1985.
- ²⁷ Ахмедов В.М. Вооруженные силы в общественно-политической жизни Сирии. Восток 2003, №4, с.87
- ²⁸ Armed Forces in the Middle East. L., 2002, p.117-118
- ²⁹ Seuret M. Entre jamaa et class: le pouvoir politique en Syrie. Berlin, 1992, p. 46.
- ³⁰ Хартия и устав Прогрессивного национального фронта САР. Современная Сирия. Справочник. М., 1974.
- ³¹ Подробнее о кризисных событиях 1983-1984 гг. см; Seal P. Asad of Syria, 1988, p. 420-440.
- ³² Volker Perthes. The Political Economy of Syria under Asad. L.,1995, pp.133-202.
- ³³ Hinnebusch R. A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. Middle East Policy, 1995, p. 80-86.
- ³⁴ Neil Quillian . Syria: Adjusting to the New World Order. Working Paper, Durham: Center for Middle East and Islamic Studies, 1994, p.160-170.
- ³⁵ Zisser Eyal. The Syrian army: between the domestic and the external fronts. Middle East Review of International Affairs(MERIA). V. 5, № 1, march, 2001.
- ³⁶ Middle East Intelligence Bulletin(MEIB), v.2, № 6, july; v.2, № 7, august, 2000.
- ³⁷ Подробнее о роли алавитов в сирийском обществе см.: Faksh Mahmud A. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force. Middle Eastern Studies, v.20, №2, april, 1984.; Van Dusen M.H. Intra and Inter-Generational Conflict in the syrian army. PhD dissertation, Baltimore, Maryland, 1971, p. 384. ; Abbas Kalidar. Religion and State in Syria. Asian Affairs, febrair,1974, № 5, p.16-22; Kramer Martin. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel Aviv University, December 1984, p. 13.
- ³⁸ Hinnebusch R.A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. Middle East Policy.1995 p.80-86.
- ³⁹ Volker Perthes. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997, p.50-58.
- ⁴⁰ Volker Perthes. Syria under Bashar al-Asad: Modernisation and the limits of Change. NY., 2004,p.8
- ⁴¹ Syria Times, 18.07.2000.
- ⁴² Аль-Хаят, 27. 09. 2000.
- ⁴³ Аль-Хаят, 19,14. 01. 2001.
- ⁴⁴ A.George, Syria, pp30436; Phillipe Droz-Vincent. Syrie: La nouvelle generation au pouvoir. Monde Arabe: Maghreb-Machrek, N173, 2001, pp. 14-38.
- ⁴⁵ Аль-Хаят, 19.03.2001.
- ⁴⁶ Associated Press, 17.07.2000
- ⁴⁷ Agence France Press (AFP), 15.02.2001.
- ⁴⁸ Аль-Хаят. 10.07.2001.
- ⁴⁹ Аль-Хаят, 15.04. 01.
- ⁵⁰ Аль-Хаят, 19.03.2001.
- ⁵¹ Аль-Маджалля, N 1, 108, 6-12.05. 2001.
- ⁵² Аль-Хаят. 16.04.01.
- ⁵³ Аль-Кудс Аль-Арабий, 12.04.2001.
- ⁵⁴ Аль-Мухаррир Аль-арабий, 24-30.03.01, Ад-Думари, 23.04.01.

- ⁵⁵ Тишрин, 08.09.2001.
- ⁵⁶ Лс-Саура, 03.03.01.
- ⁵⁷ Middle East International, 17/05/2002, Аль-Хаят, 01.08.02.
- ⁵⁸ Radio «Monte Carlo», 22.11.2001.
- ⁵⁹ Middle East Economic Digest, 22.12.2000, p.5; Аш-Шарк Аль-Аусат, 08.02.2001, Аль-Кудс Аль-Арабий, 02.03.2001.
- ⁶⁰ MEIB, v.3, №11, november, 2001.
- ⁶¹ Radio «Monte Carlo», 19.06., 24.11. 2000; 07,08.12.2001.
- ⁶² Daily Star(Beirut) , 2.07.2001.
- ⁶³ MEIB, v.3, №.7, july, 2001.
- ⁶⁴ Тишрин, 11.03.2002; Аль-Баас, 11.03.2002; MEIB, v.4, №3, march-april, 2002.
- ⁶⁵ Ахбар Аш-шарк. 27.07.03.
- ⁶⁶ Аль-Хаят, 04.03.01
- ⁶⁷ Спутниковый канал «Arab News Network» (ANN). (Лондон), 28. 06. 2000., Radio «Monte Carlo» (Париж), 27.11.2001.
- ⁶⁸ Ан-Нахар (Бейрут), 06.03. 2003.; Тишрин, 06.03.2003.
- ⁶⁹ The Washington Post, 11.05.2003.
- ⁷⁰ Ахбар Аш-шарк. 29.07.03.
- ⁷¹ Лс-Сафир, 14.11.2003.
- ⁷² Аль-Ватан, 24.02.2004.
- ⁷³ Ад-Дустур,15.07.2004.
- ⁷⁴ MEIB, v.3, №.11, november, 2001.
- ⁷⁵ Volker Perthes. Syria under Bashar al-Asad: Modernisation and the limits of Change. NY., 2004,p.24
- ⁷⁶ Сада Аль-Бияд, 02.07.2004.
- ⁷⁷ Ахбар Аш-шарк, 05.07.2004.
- ⁷⁸ Аль-Хаят, 07.07.2004.
- ⁷⁹ BBC World Broadcasts, 01.04.2003.
- ⁸⁰ UNDP, Human Development Report, 2003.
- ⁸¹ Подробно об итогах социально-экономического развития Сирии в период правления Х. Асада см.: Ахмедов В.М. Современная Сирия. Промышленность. Рабочий класс. Профсоюзы. М., 1991 г.; Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003, с.5-22)
- ⁸² MEIB, v.3, № 7, july, 2001.
- ⁸³ Аль-Баян Аль-Имаратий, 12.07.2004.
- ⁸⁴ US Energy Intelligence Agency. Country analysis brief. Syria.2002, Изэддин Джуна. Ат-тиджара аль-хариджий хияль руб-аль-карн аль-мады. Димашк, 2002, с.310-324.
- ⁸⁵ Аль-Хаят. 01.07.2002.

-
- ⁸⁶ The Syria Report, 10.01.2002., Хусейн Аль-Кади. Аль=ислах аль-иктисадий фи сурия. Иля айна? Димашк, 2002, с. 173
- ⁸⁷ Syria report, 30 may 2002.
- ⁸⁸ Economic Tuesday Forum, 05.06.2001.
- ⁸⁹ Аш-шарк Аль-аусат, 18.06.2003.
- ⁹⁰ Syria Times?18.07.2000.
- ⁹¹ Тишрин, 02.10.2000.
- ⁹² Аль-маджмуа аль-ихсаийя, 1999.
- ⁹³ МЕИВ, в.3 №7, july, 2001.
- ⁹⁴ Абъяд ва Асад», 23.06.2003.
- ⁹⁵ Аль-Хаят. 19.11.2001.
- ⁹⁶ www.syrlive.net, 23.05.2002.
- ⁹⁷ The Washington Post, 23.11.2003.
- ⁹⁸ Ас-Саура, 26.06.2000; AFP, 08.08.2000, 21.03.2001; SANA, 02.12.2000, 16. 04. 2001; Daily Star, 30.05.2001; Radio «Monte Carlo», ноябрь-декабрь, 2001.
- ⁹⁹ AFP, 21.03.2001; SANA, 16. 04. 2001; Daily Star, 30.05.2001; Monte Carlo, ноябрь-декабрь, 2001.
- ¹⁰⁰ The Washington Post, 11.05.2003., Syria: Country Report. Economist Intelligence Unit (EIU). London, may, 2002, p.6-7; Аль-Кулс Аль-Арабий, 25.05.2002.
- ¹⁰¹ Hanna Batatu. Syrias Peasantry, the Descendants of its lesser rural notables, and their politics. Princeton, 1999, p.229.
- ¹⁰² Dow Jones, 23.05.2003.
- ¹⁰³ Center for Strategic Studies. Jordan. Analytical Report Amman, 2001.
- ¹⁰⁴ Аль-мустанкбаль Аль-арабий, в.24, октябрь 2000, с.87-90.
- ¹⁰⁵ Тишиц, 17.05.2003.
- ¹⁰⁶ Euro McSCO Papers, 14, December 2001.
- ¹⁰⁷ Аль-Хаят, 01.09.2002
- ¹⁰⁸ МЕИВ, 27.06.2003.
- ¹⁰⁹ The Syria report, 04.03.2002, The Daily Star, 13.07.2003.
- ¹¹⁰ Аль-Иктисадийя, 15.06.2003.
- ¹¹¹ Ал-Дустур (Амман), 12.02.2002 .
- ¹¹² Ас-Сафир (Бейрут), 06. 03. 2002 .
- ¹¹³ Ар-Рай Аль-Амм (Кувейт), 07.10.2002.; Radio «Monte Carlo», 09.10. 2002.
- ¹¹⁴ Arab News com, 18.01.2003.
- ¹¹⁵ www. syrialive.net, 23.05.2002., МЕИВ, в.4, №.2, february, 2002.
- ¹¹⁶ Ахмедов В.М. Сирия: кадры репают все. www. iimes. ru, 28.07.2004

-
- ¹¹⁷ Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, 12.07.2004.
- ¹¹⁸ Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, 03.07.2004
- ¹¹⁹ В. Ахмедов. Сирия – кадры решают все. [www. iimes.ru](http://www.iimes.ru).,28.07.2004.
- ¹²⁰ Аль-Марказ Аль-Иктисадий Ас-Сурий, 03.07.2004.
- ¹²¹ Аль-Хаят, 06.07.2004.
- ¹²² Аль-Хаят, 06.07.2004.
- ¹²³ Elaph, 12/07/2004.
- ¹²⁴ IMF. Directory of Trade Statistics.
- ¹²⁵ Аль-Хаят, 28.03.2002.
- ¹²⁶ AFP, 14.03.2001.
- ¹²⁷ Аль-Хаят, 09.04.2003
- ¹²⁸ Аль-Хаят, 13.06.2003
- ¹²⁹ Аль-Ватан, 09.08.2004
- ¹³⁰ Аль-марказ аль-иктисадий ас-сурий, 27.07.2004
- ¹³¹ Gumhuriyet, 15.01.2003.
- ¹³² Gumhuriyet, 30.06.2003.
- ¹³³ Аль-Васат, 19.01.2004.
- ¹³⁴ Аль-Васат, 19.01.2004.
- ¹³⁵ Аль-Ватан, 20.07.2004.
- ¹³⁶ Аль-Мустакбаль, 13.07.2004, Аль-Хаят, 15.07.2004
- ¹³⁷ Аналитические записки. М., 2004, с.212.
- ¹³⁸ Hurriyet, 05.10.2003.
- ¹³⁹ Аль-Марказ аль-иктисадий ас-сурий, 27.07.2004.
- ¹⁴⁰ ANC, 12.09.2002.
- ¹⁴¹ Аш-Шарк Аль-Аусат, 08.02.2001.
- ¹⁴² Le Figaro, 23.06.2001.
- ¹⁴³ IISS. Military Balance 2003/4.
- ¹⁴⁴ Аль-Хаят 28.03.2002.
- ¹⁴⁵ AFP, 27.03.2001.
- ¹⁴⁶ Аш-Шарк Аль-Аусат, 08.02. 2001.
- ¹⁴⁷ Аль-Ватан (Катар), 08.05.2001.
- ¹⁴⁸ The New York Times, 01.12.2003.
- ¹⁴⁹ Аль-Хаят, 06,07,08,09, мая 2003
- ¹⁵⁰ Middle East Journal, v.56, N1, winter,2002.

-
- ¹⁵¹ ICG Middle East Breifing, 30.07.2003.
- ¹⁵² New York Times, 10.10.2004.
- ¹⁵³ Аль-Хаят, 07.10. 2003
- ¹⁵⁴ Аль-Хаят, 05.09.2003.
- ¹⁵⁵ Middle East International, 22.08.2003.
- ¹⁵⁶ Тишрин, 11.03.2003.
- ¹⁵⁷ P. Seal . Syria and Europe: A Big Step Forward,L.,2003
- ¹⁵⁸ BBC Summary of World Broadcasts, 15.11.2000
- ¹⁵⁹ РифПат Али Асад. Социально-экономическое развитие Сирии в период 1946-1963 гг. Канд. дис. М., 1974.
- ¹⁶⁰ Cordesman A.H. Israel and Syria: The New Strategic and Military Realities after the Death of Hafes Assad. CSIS. Wash., 2000, p.12-14; If Its Syria: Syrian Military Forces and Capabilities. CSIS. Wash., 2003, p.2-12.
- ¹⁶¹ Modern Syria. From Ottoman Rule to Pivotal Role in THE Middle East. Brighton, 1999, p.75, 93-95.
- ¹⁶² Аль-Васат, 11.08.1997.
- ¹⁶³ Ibid
- ¹⁶⁴ Дипкурьер НГ, 15.02.2001,с.15.
- ¹⁶⁵ Аль-Мухарир, №138, 28.09.1998
- ¹⁶⁶ Interfах, 27.11.2003.
- ¹⁶⁷ Аль-Баас, 03.12.2003
- ¹⁶⁸ Аль-Баас, 05.12.2003.

Table of contents

<u>Introduction</u>	6
Chapter I. Syrian solution of the problem of change of power in the Middle East.	14
-Who are you doctor Bashar?.....	18
-Syrian solution of a question about the succession of authority.....	26
Chapter II. Political inheritance of Hafiz al-Asad.	36
-Structure and the nature of authority. Role of Hafiz fl-Asad's personality.	38
-Bases of the stability of regime.	48
Chapter III. Presidential Authority of Bashar al-Asad. Syrian experience of modernization in the Middle East.	63
- Ideology of changes. The struggle for the selection of the way of development. ...	65
-Modernization and the problem of the stability of authority. Limits of reforms.....	76
-Evolution of military-political elite and the problem of the change of power generations in Syria.....	115
-Influence of environmental factors. Priorities of foreign policy: regional and global aspects.	131
<u>Conclusion</u>	175
<u>Notes</u>	180
<u>Summary</u>	187
<u>About the author</u>	188

Summary

«SYRIA under BASHAR AL-ASAD. REGIONAL EXPERIENCE OF MODERNISATION UNDER THE CONDITIONS OF EXTERNAL INSTABILITY» is a research of academic origin into the shaping and development of political modernization in Syria under conditions of different economic structures and the transitional nature of power when the social fabric is being transformed as new political classes and elites appear on the social stage. Above all, it investigates which factors and developments have ensured the transition of power to Bashar al-Asad and encouraged the rise of new political elite in Syria. Main attention is paid to Bashar al-Asad's first years in power, focusing on the perspectives of his presidency and his handling of the challenges facing the Syria in new political situation in the Middle East. Are characterized the basic stages of B. Assad's life, the special features of his personalities, which contributed to his ascending to the apex of authority in Syria, are examined. Is told also about the B. Assad's wife – Asma Assad (Ahras), who is one of the most devoted supporters of the course of reforms. Is analyzed its role in the process of political transformations in SAR.

The study investigates the mechanism of political power in Syria in transitional period, focusing its attention on developments within the military and civilian bureaucratic power elite and the party organization of the Bath under Bashar al-Asad. Whereas his father Hafes al-Assad liked to prioritize the most urgent issues first, his son seemed to prefer formulating long-term strategies for dealing with Syria's economic and social woes. While taking care not to harm the interests of the old political elites, B. Asad has taken steps toward economic reform and more political openness. This policy helped him to advance slowly and deal with rear-guard pressure from the still-powerful older generation. B. Assad has not proven to be the radical innovator but his stile of leadership differs from that of his father. Changers has taken place in Syria.

About the author

Vladimir Ahmedov is an associate professor in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation and a senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences specializing in modern history of Arab countries. He has served in positions in the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and traveled extensively in the Middle East. He was a political adviser of the Committee of the Council of Federation for Foreign Affairs. He received his PhD from the Moscow State University. He is author of several books and many articles on Arab politics and international relations in the Middle East. His recent publications include: *Contemporary Syria: Industry, Working Class, Trade Unions (1991)*, *Hezbollah of Lebanon as «Power center» in the Middle East in Islamism and Extremism in the Middle East (in cooperation with the Russian Academy of Geopolitics and Security)(2001)*, *Army and Power in the Middle East(as editor and author of Armed Forces and Politics in Modern Syria) (2002)*, *Party and Power in Syria: evolution of relations and perspectives of interaction in transitional period of development(2003)*, *Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics (2003)*, *Political Institutions and policies in the Arab world: prospects for reforms(report at the meeting of the Sub-Committee on the Middle East Political Committee of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Istanbul, April 2004)*, *Officer Corps of the Middle Eastern States (as co-editor and author of the Officers in the socio-political life of the Middle Eastern states, Officers as a special socio-political force in Syria) 2004*, *Bashar Assad - succession for the reforms. Portrait of young Syrian leader as new type political figure (2004)*, *Syria, Turkey, Iran – new horizons of the cooperation (2005)*.

Научное издание

Владимир Муртузович АХМЕДОВ

СИРИЯ ПРИ БАШАРЕ АСАДЕ

Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Сдано в набор 12.01.2005. Подписано к печати 21.03.05. Формат 60х90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 12,2. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 800 экз.

Зак. № 100

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. Отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано на ризографе в Институте востоковедения РАН

05-46615

1985

Владимир Ахмедов

Ахмедов Владимир Муртузович (р. 1960) – историк-арабист, политолог-ближневосточник. Окончил институт стран Азии и Африки при Московском Государственном Университете им. М. В. Ломоносова (1983). Продолжительное время учился и работал в странах Арабского Востока.

Автор и ответственный редактор нескольких книг и многочисленных статей – «Современная Саудовская Аравия» (1998), «Мир глазами Хафеза Асада» (2000), «Сирия на рубеже столетий» (2003), «Армия и власть на Ближнем Востоке» (2003), «Офицерский корпус ближневосточных государств» (2004) и др.

Участник международных конференций по актуальным проблемам Ближнего и Среднего Востока. Старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН.